

ЛАНА СИНЯВСКАЯ

ДАР ЛЕСНОЙ ОТШЕЛЬНИЦЫ

ПРОЕКТ «СИНЯВСКАЯ»

«ЛАНА СИНЯВСКАЯ — УЧАСТНИЦА ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОЕКТА
«БИТВА ЭКСТРАСЕНСОВ».

Annotation

Среди гиблых болот, в особняке предпринимателя Барскова, торговца лягушачьим мясом, происходят ужасные вещи. На Анну Сомову, обладающую способностью бороться с нечистой силой, последняя надежда несчастного бизнесмена. А в особняке, как и во всей округе, действительно нечисто. Пару веков назад, как выясняет Анна, здесь загубили невинную душу, так что места эти прокляты. Силы зла властвуют над ними... Анна пытается бороться, но Барскова спасти не удастся. Он... застрелился в день своего рождения. Смерть подступает и к самой Анне. И тогда, оседлав вороного коня, она мчится за помощью к старой отшельнице, которая живет на болотах...

- [Лана Синявская](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Эпилог](#)
-

Лана Синявская
Дар лесной отшельницы

*Посвящается Машину С.В.
Учителю и Другу*

Пролог

1786 г

Лошади не вернулись. Уже стемнело, и Колобейчик понял, что придется отправляться на их поиски. Такое случалось не в первый раз, но именно сегодня Колобейчику особенно не хотелось выходить из дома и болтаться по окрестностям в промозглой ночи. Туман, который здесь, на болотах, почти никогда не исчезал, сегодня был особенно густым. Колобейчик поежился при одном воспоминании о липкой сырости и, нехотя поднявшись со стула, поплелся к двери.

На душе у него было муторно. Он и сам не мог понять, откуда взялось это чувство – особенно впечатлительным он не был, а вот сегодня вдруг раскис. Он чувствовал себя усталым и подавленным, его переполняли дурные предчувствия, и это было странно. «Кажется, я заболеваю», – подумал он и от этой мысли почувствовал облегчение, ведь она все объясняла.

Колобейчик натянул шубу, снял с вбитого в стену крюка уздечку и распахнул входную дверь. В дом клубами ворвался густой туман. Колобейчик вышел на крыльцо и не спеша спустился по ступеням во двор.

Туман был таким плотным, что казалось, накрапывает дождь. Влага сразу же осела на лице, стекая ручейками. Снова поежившись, Колобейчик нехотя зашагал по направлению к высоким деревянным воротам, проклиная строптивых коней, мерзкую погоду и темную, безлунную ночь.

Лошади как в воду канули. Он бродил по окрестностям уже больше часа, и безуспешно. Далеко впереди Колобейчик заметил вереницу мерцающих огоньков, которая медленно двигалась ему навстречу. Он сразу догадался, что это означает: в округе бушевала моровая язва. Местные жители, измученные этой напастью, собрались на крестный ход.

Процессия приближалась. Впереди, помахивая кадилом, торжественно шел батюшка. За ним трое несли чудотворные иконы, бережно обернутые вышитыми рушниками. Остальные несли зажженные свечи и истово крестились.

Колобейчик сошел с дороги в сторону, чтобы пропустить молящихся. Когда они поравнялись с ним, он снял шапку, поклонился шедшему во главе процессии священнику в пояс и потихоньку направился дальше. Он успел отойти всего на несколько шагов, когда его окликнул хриплый голос:

– Эй! Ты что здесь делаешь?

Колобейчик немного удивился, но остановился и обернулся на зов. Вид сгрудившихся в кучу людей неприятно поразил его. Десятки глаз были устремлены на него, и он мог бы поклясться, что в них не было и тени дружелюбия.

– Ты чего по ночам в поле бродишь, спрашиваю? – повторил все тот же голос уже более настойчиво. Кажется, Колобейчик узнал Ваньку Строгинова, известного на всю округу задиру и драчуна.

– Да вот, кони у меня... того... пропали... – Колобейчик не узнал свой собственный голос, отчего-то звучащий очень неуверенно. Он откашлялся, прочищая горло. – Коней ищу, – повторил он уже громче. – Убрали куда-то, проклятые.

– Ишь ты! Коней! Это ночью-то? – недоверчиво спросил другой голос. Остальные негромко переговаривались между собой и медленно подходили все ближе.

Неожиданно Колобейчик ощутил непреодолимое желание броситься наутек и торопливо одернул себя, рассердившись на глупые мысли. С чего ему убежать? Разве он сделал что-то дурное?

Он понял свою ошибку только тогда, когда тесное кольцо людей плотно сомкнулось вокруг него. Вглядываясь в мрачные лица, он с ужасом догадался, что все эти хорошо знакомые ему люди замышляют что-то страшное.

– Братцы, вы чего? – испуганно прошептал он, чувствуя, как холодная струйка пота потекла за воротник.

– Ладно тебе. Не прикидывайся, – оборвали его из толпы. – Попался, упырь проклятый. Теперь не отвертись!

– Да вы что! – закричал Колобейчик. – Какой упырь? Это же я, Колобейчик!

Но никто не слушал его криков. Точно обезумевшие, люди набросились на него, жестоко избивая, разрывая в клочья одежду. Они повалили его на землю и продолжали пинать ногами. Он не сопротивлялся, только старался уберечь голову от страшных ударов.

Он потерял сознание и очнулся, когда дикая, возбужденная толпа поволокла его к одиноко стоявшей у дороги осине.

Его примотали к дереву невесть откуда взявшимися веревками и принялись допрашивать, каким колдовством он сумел вызвать моровую язву. Колобейчику казалось, что он сошел с ума. Или сошли с ума его мучители. Еле шевеля разбитыми губами, он пытался убедить их в том, что невиновен, но все было бесполезно.

– Сжечь его! – выкрикнул кто-то.

Мужики зароптали, и Колобейчик с ужасом услышал, что многие поддерживают безумную идею.

– Сжечь! Сжечь! – несло со всех сторон.

– За что?! – выкрикнул он. – За что?!

– Погодите! Мы не можем казнить его без приговора городского суда, – неожиданно раздался в жутком гвалте ровный голос.

– Слава богу! Вершинин, умоляю, объясни им, что я ни в чем не виноват! – взмолился Колобейчик, узнав своего старого друга.

Но толпа не желала подчиняться доводам здравого рассудка. Они угрожающе надвинулись на Вершинина. Тот отступил, но снова повторил, что нужно дождаться решения суда.

– Суд, говоришь? – прищурился один из мужиков, рослый и сильный Демьян. – Пока мы судить да рядить будем, он все живое под корень изведет. Вот помяните мое слово. А если вы, барин, настаиваете, что ж, извольте, выполним вашу волю, но только вы наперед расписочку напишите, что всю ответственность за его черные дела на себя берете.

Одобрительный гул голосов ясно подтвердил, что на стороне Демьяна подавляющее большинство собравшихся.

Вершинин побледнел. Он ясно понимал, к каким последствиям может привести такая расписка. Толпа наступала.

– Ну что, барин, – не унимался Демьян, нависая над ним, – будете писать?

– У меня чернил нет, – попробовал отговориться Вершинин.

– Эка беда, – усмехнулся мужик. – Будут чернила. Васька, беги-ка к старосте в деревню за бумагой и чернилами. Так как же, барин?

Вершинин затравленно переводил взгляд с истерзанного тела своего старого друга на напряженно молчащих мужиков. Потом опустил глаза и глухо проговорил:

– Некогда мне писать. Жгите!

Восторженный рев раздался в ответ. Колобейчик понял, что все пропало и теперь ему нет спасения. Несколько человек со всех ног бросились к ближайшему перелеску за хворостом, остальные сгрудились вокруг дерева. К Колобейчику подвели священника для исповеди.

– Батюшка! Христом-богом вас прошу: остановите их, не берите грех на душу. Ведь невинного на смерть обрекаете! Смилуйтесь!

Только тень сомнения мелькнула на лице святого отца при этих отчаянных словах. Но она была слишком слабой, чтобы перевесить суеверный страх перед черным колдовством, в котором обвиняли

несчастливого. Поэтому священник ответил приговоренному:

– Мое дело позаботиться о твоей душе, сын мой, а о теле позаботятся остальные. – Он обернулся к застывшей в ожидании толпе. – Жгите!

Мучения приговоренного были так ужасны, что он потерял сознание задолго до того, как шустрый Ванька запалил огромный костер.

Перед казнью Колобейчику отрубили кисти обеих рук, чтобы он не смог творить заклинания на том свете.

Язычок пламени нехотя лизнул отсыревшие дрова и вскоре потух, но жаждущие расправы сельчане поджигали костер снова и снова, до тех пор, пока огонь не взметнулся высоко в небо, поглотив безвольно повисшую на веревках фигуру.

Толпа, замороженно следящая за страшной казнью, была настолько поглощена зрелищем, что никто не заметил темный силуэт человека, словно призрачная тень возникшего за их спинами на опушке леса. Глубоко запавшие глаза его некоторое время были прикованы к полыхающему костру, а затем он растворился среди деревьев так же бесшумно, как появился.

Спустя два часа все было кончено.

Глава 1

– Анна, прекрати истерику!

Петра Ивановича Сидорова переполняло возмущение. Он возвышался посреди кабинета, как огромный, рассерженный слон, попавший в тесную клетку. Не успев закончить фразу, он уже корил себя за несдержанность. Обычно он не любил повышать голос, но необоснованное, на его взгляд, упрямство лучшей сотрудницы вывело его из равновесия.

Стоявшая перед ним хрупкая, маленькая девушка в строгом темно-сером костюме вовсе не выглядела истеричкой. Ее бледное лицо оставалось спокойным, разве что вздернутый чуть выше, чем обычно, подбородок и крепко сжатые губы выдавали внутреннее напряжение.

Петр Иванович бросил на нее осторожный взгляд и почувствовал раскаяние за грубую реплику.

– Ну Аннушка, ну что за глупости, в самом деле? – произнес он виновато. – Объясни мне, почему ты так протестуешь против обычного поручения?

– Потому что командировки для встречи с потенциальными клиентами не входят в круг моих обязанностей, – тут же откликнулась девушка.

– Клиентами! – фыркнул Сидоров, как будто услышал удачную шутку. – Не обычными клиентами, а вы-да-ю-щи-ми-ся! – Он поднял вверх указательный палец, чтобы придать дополнительный вес своим словам. – Неужели ты не понимаешь, насколько перспективным может быть предложение господина Барскова?

– Я этого не отрицаю. Только пошлите к нему кого-нибудь другого. Орлову, например. Она прекрасно справится...

– Но он требует именно тебя! – перебил ее Сидоров, в отчаянии стиснув руки, отчего стал напоминать оперного певца, исполняющего финальную трагическую арию.

– Хотелось бы мне знать, откуда он вообще знает о моем существовании, – задумчиво проговорила Анна.

– Ну тебе-то это раз плюнуть... – начал Сидоров и осекся. Голубые глаза Анны полыхнули таким огнем, что ему стало не по себе. Вообще-то он уже не один десяток лет провел на руководящей работе и прекрасно владел искусством укрощать чересчур независимых подчиненных, но эта странная девушка одним взглядом могла поставить на место любого, независимо от чинов и рангов.

Враждебный огонь исчез из ее глаз, словно его и не было, она опустила голову, рассматривая покрытый свежим лаком паркет у себя под ногами. Сидоров, глядя на ее макушку, увидел в черных густых волосах широкую седую прядь. Он отвел глаза, так как каждый раз испытывал неловкость и непонятное беспокойство при виде этой прядки. Он прекрасно знал, откуда у молодой женщины, которой едва исполнилось тридцать, эта жуткая отметина...

Анна по-прежнему молчала. Но не из-за упрямства. Просто раздумывала, как ей поступить.

С одной стороны, она была совершенно права: для поездок к иногородним заказчикам существуют рекламные агенты. Ее же задача – обрабатывать материал, разрабатывать план рекламной кампании и придумывать тексты, представляющие товар или услуги заказчика в самом выигрышном свете. И, видит бог, она всегда справлялась с этой работой блестяще.

Кроме того, Анна ужасно не любила путешествовать. О самолетах речь вообще не шла – Анна никогда не летала, но даже обыкновенную поездку в поезде, затянувшуюся больше чем на сутки, она воспринимала как изощренную инквизиторскую пытку. Ее просто пугало вынужденное уединение в тесном купе с совершенно незнакомыми людьми, так и норовящими затеять разговор «по душам».

Все это так. Но огорчать начальника ей тоже не хотелось. Собственно говоря, именно его личные качества – порядочность, предприимчивость и, несомненно, умная голова – и послужили причиной ее возвращения на прежнее место работы.

Сидоров руководил преуспевающим рекламным агентством «Селена» всего четыре месяца. Прежний начальник, которого Анна, к слову сказать, терпеть не могла, после печальных событий прошлой весны счел за лучшее поскорее избавиться от получившего скандальную известность агентства. Анна, имевшая непосредственное отношение к тем самым событиям, поначалу решительно ушла с работы. «Приключение», ставшее причиной появления в ее волосах ранней седины, стоило ей дорого, но принесло некоторую финансовую независимость: она не только вычислила и уничтожила жестокого маньяка-убийцу, но и завладела частью старинного клада, за которым так рьяно охотился Собиратель. Поразмыслив, Анна не стала оставлять драгоценности у себя и разделила их между родными тех, кто стал невинными жертвами Собирателя. Возможно, это могло показаться кому-то сентиментальной глупостью, но по-другому Анна поступить не смогла. И не захотела.

В результате у нее остался только изумрудный гарнитур – браслет, кольцо и подвеска, – который и сам по себе стоил немалых денег, коих хватило бы лет на десять безбедного существования, но Анна не пожелала расстаться с такой красотой, по крайней мере до тех пор, пока не возникнет в этом острая необходимость.

Таким образом она оказалась в сомнительном положении – владела безумно дорогими украшениями и была крайне ограничена в средствах. Конечно, ей пришлось подумать о поиске новой работы. Именно этим она занималась, когда на пороге ее дома возник огромный, немного неуклюжий человек с умными глазами. Сидоров явился к ней лично, чтобы предложить вернуться в «Селену». Они проговорили три часа. В результате Анна, до этого момента твердо уверенная в том, что ни за какие блага мира не вернется на старое место, попросила два дня на размышления. Но, уже запирая за Сидоровым дверь своей квартиры, она понимала, что примет его предложение.

Так она снова оказалась в своем кабинете и до этой минуты ни разу не пожалела об этом решении. Что же ей теперь делать? Она искоса глянула на шефа, замершего в ожидании. Он не торопил ее с ответом, и она твердо знала, что в случае отказа он ни за что не станет подвергать ее каким бы то ни было репрессиям. Это-то и плохо. Предстояло принять решение на свой страх и риск.

Черт бы побрал этого капризного клиента. Втемяшил себе в башку какую-то блажь: вынь да положи ему Анну Сомову. Но Сидоров здесь ни при чем, и подводить его она не будет. Деньги агентству нужны позарез, а тем более очень большие деньги – господин Барсков на расходы не скупился. Ну хоть какой-то плюс, – усмехнулась про себя Анна и уже открыто посмотрела на Петра Ивановича.

Он встретился с ней взглядом и сразу же расплылся в широкой улыбке.

– Аннушка, дорогая, я так и знал! – воскликнул он обрадованно. – Ты просто умница!

– Не такая уж я и умница, – пробурчала Аня. – Я поеду к этому засранцу, но клянусь, что раскручу его на такую сумму, что он пожалеет о своей настойчивости.

– Даю тебе полную свободу действий! – поспешно заверил ее Сидоров. – Больше того, десять процентов от сделки – твои. И не вздумай отпираться, – прикрикнул он, заметив, что она собирается что-то возразить. Анна пожала плечами и промолчала.

Она протиснулась мимо шефа к своему рабочему столу, уселась поудобнее, придвинула к себе чистый лист бумаги и вооружилась ручкой.

После появления у «Селены» нового хозяина в кабинете Ани произошли кое-какие изменения: стул для посетителей, стоявший до этого у ее стола, отправился на свалку, а его место заняло шикарное кожаное кресло. Все объяснялось просто – стул был не в состоянии выдержать огромное тело нового шефа, а он имел привычку подолгу обсуждать с Анной стратегию наиболее крупных рекламных акций.

Вот и сейчас он устроился напротив в своем кресле, с минуту помолчал, сосредоточенно хмуря лоб и привычным жестом потирая пальцами переносицу, затем глубоко вздохнул, кивнул головой каким-то собственным мыслям и начал инструктаж.

– Итак, господин Барсков осчастливил нас очень выгодным предложением. Я нисколько не преувеличиваю. Получить такой заказ – действительно большая удача. Рекламная кампания на срок не менее полугода с подключением всех средств массовой информации – это круто!

– Телевидение тоже? – уточнила Анна.

– Разумеется.

– Это влетит ему в копеечку, – присвистнула она. – Ведь придется организовать съемку на месте.

– Пусть это тебя не беспокоит. У него столько денег, что хватит даже на то, чтобы организовать съемку на Марсе. Впрочем, это нам, возможно, не понадобится.

– Съемки на Марсе? – удивленно подняла брови Аня.

– Что? Ах, нет. При чем тут Марс? Я имею в виду видеоматериалы по его предприятиям. Он собирается предоставить свои собственные, уже готовые.

Анна недовольно поморщилась. Она не любила работать с материалами, которые предоставляли клиенты. Как правило, их видение выигрышных сторон собственного дела резко отличалось от того, что требовалось для успешного создания видеоряда. Исключение составляли только турфирмы. Эти-то поднаторели в рекламе, их ролики и фотографии отличали отменное качество и максимально выигрышный ракурс. Услышав, что клиент приготовил какие-то свои материалы, она поспешила возразить:

– Это было бы нежелательно. Вдруг они не подойдут?

– Он это предусмотрел и заранее дал согласие на проведение любых мероприятий, которые ты сочтешь нужными.

– Уже лучше, – кивнула Аня.

– Ты в курсе того, чем он занимается?

– Только в общих чертах. Кажется, поставками продовольствия.

Сельское хозяйство?

– Не совсем так, – со смешком проговорил Петр Иванович. – Он крупнейший и единственный в России поставщик деликатесов во все рестораны Москвы, Санкт-Петербурга, ну и остальных городов.

– Что же такое удивительное он производит, если, по моим сведениям, является одним из самых богатых людей в России? – искренне удивилась Анна.

– Первое – это Фуа-Гра.

– Гусиная печенка, что ли?

– Не гусиная печенка, а большая, восхитительно нежная, сочная печень специальным образом откормленных гусей! – поправил шеф, глядя на нее с неммым упреком.

Анна улыбнулась краешками губ. Петр Иванович любил вкусно поесть и понимал толк в хорошей кухне.

– Второе, и самое главное, – это... – Петр Иванович выдержал значительную паузу, прежде чем закончить, – лягушачьи лапки...

– Фу, какая гадость, – не удержалась Анна. – Не представляю, как люди это едят.

– Едят, моя дорогая. Да так резво, что наш милейший господин Барсков не успевает подсчитывать собственную прибыль. Чтобы заказать у него партию свежей лягушатинки, владельцы ресторанов выстраиваются в очередь и идут на немыслимые ухищрения, дабы обойти конкурентов.

– Чудно, – хмыкнула Анна. – Впрочем, французы вон трескают пупырчатых не одну сотню лет и, слава богу, до сих пор живы, здоровы и даже сексуальны. Надеюсь, у него в гостях меня не заставят лично пробовать этот... ммм... деликатес?

– Не заставят, конечно, но я тебя умоляю, когда будешь там, постарайся не говорить в открытую о своем отношении к лягушкам.

– Только ради вас, шеф, – ухмыльнулась Аня. – Но есть я их не стану. И не просите.

– Хорошо, – кивнул Сидоров. – Хотя, может быть... Молчу, молчу, – замахал он руками и добавил уже серьезно: – Задача тебе предстоит непростая, так как у нас многие относятся к этому деликатесу неоднозначно. Ты уж постарайся найти что-нибудь такое, что покажется потенциальным клиентам привлекательным.

– Попробую. У меня еще один вопрос, если можно.

– Конечно. Все, что угодно.

– Что за личность этот Барсков? Как-никак мне предстоит с ним работать, хотелось бы хоть что-нибудь знать о нем, я имею в виду характер

и все такое прочее.

Петр Иванович ответил не сразу.

– К сожалению, порадовать мне тебя особенно нечем, – медленно проговорил он. – Личность, по слухам, малопривлекательная. Говорят, что он из бывших эмигрантов, в Россию вернулся еще подростком, лет тридцать пять назад. Остальная родня собиралась перебраться на родину спустя несколько лет, но все они погибли в какой-то катастрофе, так и не ступив на родную землю. Видимо, это обстоятельство наложило отпечаток на характер господина Барскова. Он славится необыкновенной замкнутостью и крутым нравом. Но это интеллигентный, образованный человек, и я уверен, что ваша встреча пройдет без неприятных моментов. Кроме того, не нашелся еще тот мужчина, который решился бы обидеть такую красавицу, как ты.

«Знал бы он, насколько далеки от истины его слова», – грустно подумала Анна, а вслух сказала:

– Спасибо за информацию. Если это все, то я, пожалуй, пойду. Когда я должна быть у Барскова?

– Завтра вечером. Билеты я уже заказал. На вокзале тебя встретит его личный шофер и отвезет в коттедж Барскова. Он расположен рядом с его лягушачьей фермой, а это примерно в семидесяти километрах от города. Ну, ни пуха тебе, ни пера.

– К черту, – с чувством ответила Анна.

Она уже взялась за ручку двери, когда Сидоров окликнул ее. Она обернулась. Шеф явно испытывал смущение, собираясь что-то сказать.

– Это не все? – спросила Аня.

– Нет. То есть да. Мне очень неловко тебе об этом говорить, но не могла бы ты как-нибудь... убрать... это... – Он ткнул пальцем в сторону ее макушки, и Анна поняла, что он имеет в виду.

– Хорошо, Петр Иванович, – сдержанно сказала она. – Я закрушу эту прядь. – И добавила с усмешкой: – Чтобы не пугать нашего вы-да-ю-ще-го-ся клиента.

Глава 2

По дороге домой Анна завернула в магазин, торгующий косметикой. Едва переступив порог, девушка почувствовала, как ее обволакивает нежное ароматное облако, сотканное из сотни восхитительных запахов. Зеркальные стены многократно отразили хрупкую фигурку с густыми черными волосами, нерешительно остановившуюся посреди зала. Мягкий розоватый свет, льющийся с потолка, тактично скрывал недостатки и подчеркивал достоинства каждой клиентки. Сейчас, в разгар рабочего дня, их было немного. Две девочки-подростка прилипли к витрине с косметикой «COVERGIRL», примеряя к себе всевозможные оттенки тонального крема. Расфуфыренная, как павлин, стареющая красотка у другого прилавка явно подыскивала себе средство Макропулуса в погоне за ускользающей красотой.

Ане нравился этот магазинчик, она бывала здесь довольно часто, но до сих пор ее интерес не простирался дальше декоративной косметики, ну, всякие там тени, туши, помады... Теперь же она в некоторой растерянности замерла перед огромной витриной, уставленной цветными коробочками. Десятки хорошеньких блондинок, брюнеток, шатенок призывно улыбались ей со стеклянных полок. Что же выбрать?

Внимательный взгляд продавщицы уловил ее замешательство, она подошла к Ане и спросила хорошо поставленным голосом:

– Могу ли я вам помочь?

– Это было бы здорово, – обрадовалась Анна. – Мне нужна краска для волос, черная.

Продавщица бросила профессиональный взгляд на пышную гриву Анны и осторожно поинтересовалась:

– А какой краской вы пользовались до этого? Что-то я не могу определить на глаз.

– Какой? Но я никогда не красила волосы. В этом-то и проблема. Понятия не имею, как пользоваться красками.

– Поздравляю, у вас очень эффектный цвет волос. Но вот эта белая прядка, несомненно, искусственная? Очень стильно смотрится.

– Это настоящая седина, – сразу же помрачнела Анна. – Именно от нее мне и надо избавиться.

Продавщица прикусила губу, досадуя на свой промах, и преувеличенно озабоченно принялась переставлять коробочки на стеклянной полке.

Наконец ее ловкие пальцы извлекли одну упаковку, которую она протянула Анне:

– Вот эта вам подойдет – одна из последних новинок «L'OREAL», «Экселанс», она придает черным волосам тот же голубоватый отлив, как у вас. И отлично закрашивает седину.

– Хорошо. Я ее возьму, – кивнула Анна. Она испытывала облегчение от того, что ее проблема разрешилась так просто.

Запихнув трофей в сумочку, она понеслась домой на всех парах. До отправления поезда оставалось каких-то шесть часов.

Дома Анна первым делом вытряхнула на туалетный столик содержимое нарядной коробочки, выстроила тюбики в ряд, немного удивившись тому, что их оказалось целых три, и углубилась в изучение инструкции. Вроде все понятно: встряхнуть, смешать, намазать, и через полчаса вы превращаетесь в брюнетку.

Черный, большой, пушистый шар изящно приземлился на угол трельяжа, спикировав с самого верха книжного шкафа. Анна улыбнулась, посмотрев на любопытную усатую мордочку с огромными янтарно-желтыми глазами.

– Ну что, Каспер, попробуем? – спросила она у кота.

Тот деловито обнюхал один флакон, другой, чихнул и недовольно мяукнул, выражая неодобрение.

– Бедняга. Запах не ахти, правда? Но придется потерпеть. Мы с тобой люди солидные, и прическа нам нужна солидная, а не какие-то там перышки.

Каспер мяукнул еще раз и спрыгнул на пол. Мол, ты, хозяйка, как хочешь, а я буду держаться от всех этих глупостей подальше. Шкурка кота и в самом деле искрилась, переливаясь на свету.

Все действительно оказалось очень просто. Через тридцать минут, смыв краску и ополоснувшись бальзамом, Анна убедилась, что ее волосы вновь стали равномерно-черными. Окрашенная прядка почти не отличалась по цвету от остальных волос. Довольная результатом, Аня тряхнула черной гривой перед зеркалом. В эту минуту она случайно увидела в нем отражение циферблата настенных часов и тихо охнула: растяпа, через полтора часа поезд отправится по расписанию, и если она не поторопится, то он отправится без нее. О том, что скажет по этому поводу Петр Иванович, лучше даже не думать, чтобы лишний раз не расстраиваться.

Когда Анна, тяжело дыша, вбежала в вагон, до отправления оставалось не больше пяти минут. При виде абсолютно пустого купе ее сердце подпрыгнуло от радости. Неужто небеса смилостивились над ней и она до

конца пути останется без попутчиков? Это было бы просто прекрасно, но чудес, как принято считать, на свете не бывает. Она как раз заталкивала под сиденье дорожную сумку, когда дверь за ее спиной плавно отъехала в сторону, и на пороге купе возник улыбающийся мужчина в джинсовом костюме. Анне хватило одного взгляда, чтобы догадаться – путешествие будет не из приятных. Такой тип мужчин раздражал ее больше всего: влюбленные в себя, они были абсолютно уверены, что окружающие просто не могут не восхищаться их «уникальной» персоной.

Мужчина сладко улыбнулся симпатичной попутчице, очевидно, предвкушая приятную поездку, вежливо поздоровался и, забросив свой багаж на верхнюю полку, удобно расположился напротив, бесцеремонно разглядывая девушку.

Теперь Анна мечтала, чтобы в ее купе оказался еще кто-нибудь, желательно, мать семейства, пусть даже с двумя самыми раскапризными детишками. Но поезд тронулся, и она поняла – этот рыжеватый блондин – ее наказание на ближайшие сутки.

Полчаса мужчина сидел молча. На первый взгляд в его внешности не было ничего неприятного. Он скорее всего принадлежал к богемным кругам, как определила Анна, отметив длинные волосы, расчесанные на прямой пробор, и рыжеватую шелковистую бородку. Наконец она поняла, что именно ей так не понравилось в его лице: глаза. Очень светлые и настолько большие, что это казалось неестественным.

Сразу после появления попутчика Анна достала из сумочки заранее припасенную книжку и старательно уставилась в нее, чтобы пресечь на корню любые попытки завязать знакомство. Но молодой человек, очевидно, понятия не имел о подобных тонкостях или относился к ним наплевательски. Когда ему надоело молча пялиться на соседку, он заговорил. Голос у него оказался на удивление приятным, в отличие от внешности.

– У вас нос очень красивой формы, – изрек он. Анна подняла глаза от книги и вежливо улыбнулась. – Нет-нет, не поднимайте головы! – воскликнул он, театрально взмахнув рукой. – Вы представить себе не можете, насколько прекрасны сейчас, вот так, с опущенными ресницами.

Анна недоуменно приподняла брови, по-прежнему не произнося ни слова.

– А вот губы вы красите неправильно, – без перехода сообщил он. – Этот цвет вам не идет. И вообще, вы должны накладывать на нижнюю губу более темный оттенок, чем на верхнюю.

– Вы что, косметолог? – равнодушно осведомилась Анна, даже не

стараясь казаться вежливой.

На тон, каким была сказана эта фраза, он не обратил ни малейшего внимания, зато ее смысл оскорбил его до глубины души.

– Помилуйте, – обиженно возразил он, – я визажист!

– Простите, – сказала Аня, насмешливо улыбнувшись и сверкнув глазами. – Не вижу особой разницы.

Рот мужчины капризно скривился, но девушка была на редкость хороша, и он подавил раздражение. Анну совершенно не волновало душевное состояние попутчика. Она снова уткнулась в книгу, надеясь, что ее намеренная грубость заставит его наконец оставить ее в покое.

Не тут-то было. Визажисты так просто не сдаются.

– Забыл представиться. Феоктистов Родион, – сообщил он. Анна подавила вздох и покорно приняла протянутую визитку. Даже не взглянув на нее, она положила кусочек картона на столик.

– А вас как зовут? – не унимался Родион.

– Анна.

– Хотите, угадаю, куда вы едете?

Анна не хотела. Но его это не волновало. Картинно прикрыв глаза, он несколько секунд разглядывал ее из-под полуопущенных век, затем выпалил:

– Вы едете на выставку Клонова!

Анна впервые слышала эту фамилию, но препираться ей ни капельки не хотелось, а тем более не хотелось сообщать этому назойливому типу, куда и зачем она направляется в действительности. Хочется ему думать, что на выставку, – да ради бога.

– Ну что, я угадал? – допытывался Родион.

Анна пожала плечами.

– Значит, угадал. Я сразу почувствовал, что вы – человек творческий и у нас одна цель.

Пропустив мимо ушей его многозначительную интонацию, Анна неохотно разжала губы и спросила:

– Вы увлекаетесь живописью?

– О, да! Особенно Клоновым! Его картины просто невероятны! Вы тоже его поклонница?

– Вовсе нет.

– Как же так? Зачем же вы едете на его выставку?

– Это вы сказали, что я туда еду, – напомнила Анна.

– Ну да, – немного растерялся Феоктистов, – но ведь вы этого не отрицали!

– А зачем?

Родион задумался. Но ненадолго. Похоже, его увлечение художником было и в самом деле серьезным, а поскольку он считал свою точку зрения истиной в последней инстанции, то пренебрежительное отношение девушки к его кумиру требовало немедленного вмешательства.

– Как бы то ни было, вы обязательно должны побывать на этой выставке! – с энтузиазмом начал он. – Клонов невероятно популярен. А что он делает с цветом? Вы даже представить себе не можете, что он с ним делает! Это просто волшебство...

Поток восторженных слов в адрес господина Клонова грозил вот-вот перерасти в Ниагарский водопад. Родион вошел в раж, он даже позабыл о своем первоначальном намерении соблазнить хорошенькую попутчицу. Он все говорил и говорил и замолкать, похоже, не собирался.

«Достал!» – коротко подумала Анна.

Она аккуратно закрыла книгу и убрала ее в сумочку. Родион, решивший, что эти действия означают заинтересованность девушки, подался вперед и залепетал еще более вдохновенно. Анна не возражала, ей это было даже на руку. Она поощрительно улыбнулась, поставила руки локтями на столик и сцепила пальцы. Крупный изумруд в ее перстне заискрился, точно расплавленный зеленый огонь. Анна, не отрываясь, смотрела в лицо собеседника. Он вдруг как-то обмяк, язык его стал заплетаться, враз отяжелевшие веки опустились на глаза, прикованные к изумрудному сиянию камня.

– Чш-ш-ш, не так быстро, – прошептала Анна. Родион ее не услышал. Его неудержимо клонило в сон.

Взгляд Анны стал напряженнее, она сосредоточилась на зрачках мужчины. Главное – удержать диаметр, не позволить зрачкам сузиться, иначе непременно испортится его зрение, а Анна вовсе не желала ему зла. Она нащупала вход в «коридор» и устремилась к цели.

Вот оно, светящееся облако. Мысленно Анна коснулась его губами, затем аккуратно разгладила поврежденную своим прикосновением точку и аккуратно вышла из зрачков.

В ту же секунду глаза Родиона закатились, и он рухнул на полку, погруженный в глубокий сон. Анна с облегчением откинулась назад. Во рту чувствовался неприятный привкус кислоты. «Никак не могу научиться фильтровать энергию», – сердито подумала девушка. Ее взгляд упал на сверкнувший перстень, она улыбнулась краешками губ и ласково погладила теплый камень. Она носила его с тех самых пор, как впервые увидела среди сокровищ графа Валишевского. Камень, оправленный в белое золото, был

настолько велик, что никому и в голову не могло прийти, что он может быть подлинным изумрудом чистейшей воды. Окружающие считали его красивой бижутерией, а Анна только радовалась этому заблуждению, чувствуя, что изумруд наполняет ее силой и защищает от неприятных неожиданностей.

Ну да, Анна была, как сейчас модно говорить, экстрасенсом. Хотя сама она это определение не жаловала. Она предпочитала называть вещи своими именами. Ведьма, например. Такая симпатичная, маленькая ведьмочка, которая больше всего на свете хотела бы избавиться от своего дара. Хотя... иногда он приносит осязаемую пользу. Аня бросила взгляд на сладко спящего соседа. Увы, все в мире относительно, и роптать на судьбу – пустое дело.

Теперь, когда она осталась в купе одна... ну хорошо, почти одна, можно было готовиться ко сну. Анна посмотрела на лежавшую рядом стопку постельного белья. Если цвет этих застиранных тряпочек и имел отношение к снегу, то разве что к тому, который всю зиму пролежал на обочине трассы Москва—Казань.

Протянув руку, она слегка коснулась кончиками пальцев простыни и ощутила неприятную влажность. За неимением лучшего она все же расстелила белье и, содрогаясь от отвращения, осторожно улеглась прямо в одежде. К счастью, она так набегалась за день, что уснула почти мгновенно.

Ровно в шесть утра она открыла глаза, как будто у нее внутри сработал будильник. Вообще-то она была конченной «совой», но в поезде всегда просыпалась рано.

Она выглянула в окно. Едва заметная серая кромка появилась над горизонтом. Осень уже вступила в свои права, светало поздно.

До прибытия поезда на станцию Аня успела умыться и кое-как привести себя в порядок. Мелкие, невесть откуда взявшиеся белые катышки и ворсинки намертво прилипли к черному свитеру. Тихонько выругавшись, Анна принялась счищать их и потратила не меньше четверти часа на бесполезные попытки вернуть любимому свитеру прежний вид, прежде чем признала свое полное поражение.

«Ваша взяла, – пробормотала она в сердцах, критически всматриваясь в свое отражение, – под жакетом вроде не так заметно».

Оценив свой внешний вид на тройку с плюсом, она оглянулась на соседнюю полку. Родион спал, как младенец, в той же позе, что и вчера. За ночь он даже не пошевелился.

– Пора просыпаться, ловелас, – негромко сказала Анна, протянула

руку и тихонько щелкнула пальцами. Родион пробормотал что-то неразборчивое, его ресницы задрожали. Анна не стала дожидаться окончательного пробуждения. Подхватив свою дорожную сумку, она выскользнула в коридор, плотно затворив за собой дверь купе.

Поезд уже сбавил скорость и медленно полз вдоль перрона. Наконец он вздрогнул и остановился. Анна спустилась на платформу, поблагодарила проводницу, хотя не чувствовала благодарности за грязное белье и отсутствие элементарного стакана с горячим чаем, а напоследок сказала:

– В третьем купе у вас пассажир, которому, я слышала, выходить на этой остановке. Мне кажется, он проспал. Быть может, вы проведаете его?

Проводница тихо охнула и засеменила к третьему купе.

Глава 3

Анна стояла на платформе, ощущая, как тяжелая дорожная сумка немилосердно давит ей на плечо. Стояла она уже минут десять и до сих пор не обнаружила никого, кто хотя бы отдаленно напоминал человека, который должен был встретить ее и отвезти в коттедж Барскова. Пассажиры давно сошли с поезда и разбежались по своим делам, в том числе и Родион. Он выглядел немного пришибленным, как будто забыл, где и зачем он находится. Оглядевшись по сторонам, он медленно прошел вдоль состава и скрылся за мутным стеклом вокзальных дверей. Минуя Аню, он скользнул по ней отсутствующим взглядом, но не узнал. Ее это не удивило. Так и должно было быть.

Впрочем, судьба навязчивого попутчика нисколько не заботила Анну. Все ее мысли были заняты одним вопросом: куда подевался шофер Барскова?

Кроме того, она замерзла. Аня предполагала, конечно, что в этих местах, расположенных севернее, чем ее родной город, должна быть более прохладная погода, но такой собачий холод – это уже перебор. Похоже, одного свитера ей будет маловато.

Поеживаясь, Анна расстроено осмотрела опустевший перрон. Она никак не могла сообразить, что же ей теперь делать? Ко всем прочим неприятностям добавилась надвигающаяся гроза. В небе отчетливо громыхнуло, а затем темно-фиолетовые тучи разорвала пополам яркая молния, точно огромное одеяло треснуло по швам. Аня со всех ног припустилась к зданию вокзала, торопясь укрыться от ливня.

Вот тут она и увидела его. Невысокий мужичок средних лет в засаленной кожаной куртке преспокойно стоял в стеклянном предбаннике вокзала, держа в руке кусок картона, который, судя по виду, до этого мирно доживал свой век на помойке. Теперь на нем красовалась корявая надпись: Анна Сомова. Когда до Ани дошло, что она видит перед собой свое собственное имя, у нее от неожиданности отвисла челюсть.

Мужичок с табличкой даже головы в ее сторону не повернул, хотя она стояла всего в двух шагах от него. Он был занят тем, что равнодушно разглядывал потеки воды на грязном стекле. Похоже, он околачивался здесь довольно давно, но с платформы Аня никак не могла его разглядеть в полутемном предбаннике, а выйти наружу ему просто не пришло в голову. Или не захотелось мокнуть под дождем.

– Давно стоите? – спросила Анна вежливо, хотя ей хотелось кричать и топтать ногами от возмущения. Мужчина медленно повернул голову, осмотрел девушку и, после минутной паузы, спросил:

– Сомова, что ли?

– Она самая, – кивнула Анна, ожидая, что он улыбнется ей хотя бы из вежливости.

– А чего так долго? – проворчал мужичок. – Все остальные давно сошли.

Аня, не ожидавшая такого поворота, не нашлась что ответить. Этот шофер, или кто он там, не только не чувствовал ни капли раскаяния за то, что заставил ее полчаса дрожать от холода на продуваемом со всех сторон перроне, а наоборот, предъявлял ей претензии в нерасторопности!

Еще раз глянув на девушку исподлобья, он отшвырнул в угол кусок картона, молча развернулся и неторопливо вошел в просторный вокзальный вестибюль. Он не предложил ей помочь нести вещи, и Ане ничего другого не оставалось, как, перебросив сумку на другое плечо, плестись следом за ним. После такого «ласкового» приема она готова была разорвать господина Барскова на части, невзирая на все его миллионы.

На небольшом огороженном пятачке перед вокзалом теснилось десятка два машин, в основном битых жизнью «жигулят» и «Москвичей». Провожатый Ани уверенно направился к единственному на всю стоянку джипу. Предвкушение поездки в теплом комфортабельном автомобиле немного улучшило Анино паршивое настроение. Она зашагала бодрее. Каково же было ее удивление, когда мужичок прошмыгнул мимо черной блестящей машины и остановился возле весьма потрепанной «Оки», ласково именуемой в народе «тазиком».

Несколько секунд у Ани еще теплилась надежда, что это какое-то недоразумение, но после того, как шофер отпер дверцу машины и загрузился на водительское сиденье, надежда растаяла окончательно и бесповоротно. Все происходящее напоминало ей дурной сон. Неужели такой богатый человек, как Барсков, который к тому же настойчиво требовал ее приезда, не мог прислать шофера порасторопнее и машину, как бы это помягче выразиться, попримичнее? Впрочем, даже очень богатые люди бывают очень жадными. По закону подлости ей пришлось иметь дело именно с таким типом.

Неодобрительно покачав головой, Анна с трудом втиснулась в крошечный салон, тесноватый даже для ее миниатюрной фигуры. Едва она успела захлопнуть дверь, как машина рванула с места. Нет, рванула – это, пожалуй, громко сказано. На самом деле «тазик» чихнул, фыркнул пару раз

и, оглушительно рыча, пополз вперед. Анна бросила встревоженный взгляд на водителя: ей показалось, что машинка вот-вот испустит дух, но шофер даже бровью не повел, сосредоточенно глядя на дорогу. Странные звуки, которые производил его автомобиль, он воспринимал как должное.

Аню очень интересовало, долго ли продлится ее путешествие на этом ветеране отечественного автомобилестроения. Уже через пять минут у нее заныла спина, через десять – затекла нога, и она подозревала, что к концу поездки ее тело вообще превратится в один сплошной синяк. Но вступать в переговоры с этим неприятным типом ей отчаянно не хотелось, и она, стиснув зубы, решила терпеть до конца, чего бы это ни стоило. Он от нее жалоб не услышит, а вот Барсков...

Анна недобро улыбнулась своим мыслям. В ту же секунду машина судорожно дернулась и остановилась, уткнувшись носом в асфальт. «Неужели все-таки сломалась?» – испугалась Анна. Она покосилась за окно и убедилась, что они по-прежнему в городе, похоже, в самом его центре. Водитель сидел за рулем, глядя на нее так, будто чего-то ждал. Вылезать он явно не собирался.

– Что случилось? – осторожно спросила девушка.

– Приехали, – последовал немедленный ответ.

– Куда?

– Куда велено, туда и приехали. Вот ваша гостиница. Мне было сказано: встретить вас на вокзале и доставить сюда.

– О, вы блестяще справились со своей задачей! – не удержалась Анна. – Но я была бы вам вдвойне благодарна, если бы вы потрудились объяснить: почему вместо коттеджа Барскова я попала в какую-то гостиницу?

Отсутствующее выражение глаз шофера не изменилось ни на йоту, когда он произнес, растягивая слова:

– Вам забронирован номер в этом отеле. Барсков пришлет за вами машину завтра утром.

– Это еще что за новости? А вы тогда кто? Разве вас прислал не Барсков? – пролепетала Аня, чувствуя, что перестает понимать происходящее.

– Нет, не Барсков, – покачал головой шофер и впервые за все время улыбнулся. Уж лучше бы он этого не делал – улыбка вышла препротивная. Не переставая скалиться и явно наслаждаясь испугом девушки, он добавил: – Я не работаю на Барскова. Меня попросили вас отвезти – я отвез. Так чем же вы недовольны? Все претензии к господину Барскову.

– Уж в этом будьте уверены, – сквозь зубы прошипела Аня и поспешно

вылезла из машины, громко захлопнув дверцу.

Что за чертовщина? Она ничего не понимала. «Тазик» тем временем выпустил ей в лицо клубы вонючего дыма и, пыхтя, покатил прочь.

Анна расстроено посмотрела на пятиэтажное здание гостиницы. Она задрала голову и прищурилась, чтобы прочесть название. У нее было плохое зрение, но она никак не могла решиться на то, чтобы носить очки. От того, что приходилось часто щуриться, в уголках глаз появились тоненькие лучики морщинок. Пока они были едва заметны, но Аня каждый раз, глядя на себя в зеркало, очень расстраивалась из-за самого факта их наличия.

Гостиница носила романтическое название «Парусник». Непонятно, почему отель назвали именно так: ни одного водоема глубже лужи не наблюдалось на сотни километров вокруг. Что касается лужи, то она как раз имела место быть, и, надо сказать, довольно широкая. Чтобы добраться до ступенек, ведущих ко входу в гостиницу, Ане пришлось обойти ее.

«Парусник» определенно относился к разряду дорогих гостиниц, за прозрачной дверью маячил швейцар в новенькой, с иголки, униформе, напоминающей боцманский китель.

Швейцар открыл перед Анной дверь и приветливо улыбнулся. Она не стала относить его радушие на свой счет, понимая, что такая улыбка входит в перечень его обязанностей, но на душе неожиданно потеплело, и она улыбнулась в ответ. Просто так.

Внутри «Парусник» выглядел еще лучше, чем снаружи. Каждая мелочь в стеклянно-зеркальном холле кричала, нет, просто вопила о респектабельности заведения. Такая роскошь в относительно небольшом городе выглядела непривычно.

Портье, точно сошедший с глянцевой картинки рекламного проспекта, не сводил с Анны глаз с момента ее появления в холле. Чувствуя этот внимательный взгляд, Анна неуверенно двинулась к стойке.

– Мне должны были забронировать номер. Мое имя Анна Сомова, – сообщила она, гадая про себя, какая реакция последует на ее слова.

Лицо портье, точно резиновая маска, мгновенно преобразилось, от холодноватой вежливости не осталось и следа, теперь оно излучало приветливость, которую, если не всматриваться особенно пристально, вполне можно было принять за искреннюю.

– Очень рады вас видеть, Анна Владимировна. Для вас подготовлены личные апартаменты Александра Федоровича, – лучась улыбкой, проворковал портье. Словно профессиональный фокусник, он извлек откуда-то ключ и протянул его Ане. – Надеюсь, вы останетесь довольны.

– Я тоже надеюсь, – улыбнулась Аня, принимая ключ. – А что, господин Барсков настолько часто останавливается у вас, что даже обзавелся собственным номером?

– Не так часто, как хотелось бы, – ответил портье, скроив скорбную мину, – но его апартаменты всегда остаются за ним. Он наш лучший клиент.

– Понятно, – кивнула Аня и повернулась, чтобы идти к лифту.

– Одну минуточку! – окликнул ее портье.

– Да?

– Для вас есть записка.

Анна удивленно взглянула на аккуратно сложенный листок глянцевого бумаги, но записку взяла и развернула ее.

«Уважаемая Анна Владимировна! – прочла она. – Прошу меня извинить за некоторую задержку в наших планах. Мои намерения не изменились. Я по-прежнему желаю воспользоваться вашими услугами, но некоторые проблемы вынуждают меня отложить нашу встречу до завтрашнего утра. Надеюсь, вы проведете эту ночь со всеми удобствами. Барсков А. Ф.».

«Ну что же, – подумала Аня, складывая записку и засовывая ее в сумочку, – по крайней мере, он извинился. Значит, не все еще потеряно».

Она еще раз кивнула застывшему в ожидании портье и двинулась к лифту.

Она успела пройти всего несколько шагов, когда свет в глазах у нее внезапно померк, голова закружилась, ее пронзила сильная, почти невыносимая боль. Сразу вслед за этим она увидела перед собой сплошную стену бушевавшего огня, мечущихся в панике людей, клубы черного дыма.

Анна вскрикнула и тут же услышала встревоженный голос, зовущий ее издали:

– Что с вами, госпожа Сомова?

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Аня разомкнула зажмуренные веки, в глаза ударил яркий свет. Она заслонила их рукой, успев заметить испуганное лицо портье, растерянно топтавшегося рядом.

– Вам плохо? – снова спросил он.

– Все в порядке, просто закружилась голова, – пробормотала она и быстрыми шагами, почти бегом, бросилась к лифту.

Лифтер удивленно посмотрел на бледную как полотно девушку, влетевшую в лифт, словно за ней гналась стая чертей, но его внимание сразу же переключилось на вошедшего следом за ней мужчину. Мужчина дышал часто и с трудом, его мучила одышка. Еще бы! С такой массой тела

даже для того, чтобы просто пройтись не спеша, нужны немалые усилия. Он достал из кармана платок и вытер мелкие капельки пота, выступившие на лбу. Лифтер вопросительно смотрел на него, ожидая распоряжений и полностью игнорируя присутствие Анны.

Анна была слишком огорчена той ужасной картиной, что пронеслась в ее мозгу, чтобы испытывать в данный момент укол раненого самолюбия. Но тем не менее от нее не ускользнуло странное поведение лифтера, поэтому она не удержалась и взглянула на мужчину повнимательнее. Никогда еще ей не приходилось видеть таких толстых людей. Казалось, только отлично сшитый, дорогой костюм сдерживал эту массу жира, не давая ей растечься по полу, подобно растаявшему пудингу.

Лифтер, так и не дождавшись никакого знака от толстяка, спросил у Анны номер ее комнаты и нажал на кнопку с цифрой четыре. Лифт медленно пополз вверх.

– Надеюсь, моя комната находится недалеко от запасного выхода? – неожиданно даже для себя самой спросила Анна у лифтера.

– Вы что, боитесь пожара? – удивился тот, безуспешно стараясь скрыть усмешку.

– Не то чтобы очень, но все-таки... – смутилась Аня.

– Не волнуйтесь. Гостиница совершенно безопасна. За те сто лет, что она стоит на этом месте, она ни разу не горела, – снисходительно успокоил ее лифтер.

– Он говорит правду, – неожиданно вмешался толстяк. – «Парусник» абсолютно огнеустойчив.

– Уж кто-кто, а господин Хворост это знает, – поддакнул лифтер. – Ведь он хозяин гостиницы!

Мелодичный звон возвестил о том, что лифт благополучно прибыл на четвертый этаж. Выходя из кабины, Анна оглянулась и встретилась с доброжелательным взглядом толстяка. Двери захлопнулись, на световом табло загорелась цифра пять.

Ключ легко повернулся в замке, Анна вошла в свой номер. Он оказался не слишком большим, но не по-гостиничному уютным и чистым. Видно было, что о нем заботились с особой тщательностью. Даже мебель была подобрана не стандартная, а очень современная и явно дорогая. Номер состоял из спальни, гостиной, кухоньки и ванной комнаты. Анна заглянула во все углы. Особенно впечатляла ванная: ее пол и стены были выложены не обыкновенной плиткой, а настоящим мрамором. Помимо огромной джакузи, унитаза и умывальника, здесь имелось биде. Причем не одно, а два. Почему, Анна так и не догадалась.

На кухне тоже было классно: дубовая стенка со всеми наворотами: вытяжкой, встроенной микроволновкой и маленьким холодильником. Из любопытства Анна заглянула и туда и приятно удивилась, увидев, что он до отказа заполнен различными полуфабрикатами и напитками.

Сбросив сумку на пол и скинув туфли, Аня босиком вернулась в гостиную. Горничная заранее приготовила номер к ее приезду: шторы были раздвинуты, окна приоткрыты, кровать в спальне застелена белоснежным бельем, а уголок одеяла кокетливо отогнут.

Анна прошлепала по пушистому голубому ковру прямо к окну и выглянула наружу. Она не удивилась тому, что увидела, точнее, тому, чего не увидела: ни на четвертом, ни даже на пятом этаже не было пожарной лестницы... Нахмурившись, она провела рукой по лбу. Голова все еще побаливала. Настроение, несмотря на предоставленный в ее распоряжение шикарный номер, было хуже некуда. Она не могла отделаться от ощущения, что вляпалась во что-то скверное.

Глава 4

Аллочка постучала в дверь и замерла, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Она не услышала ни звука, но это ничего не означало. Они могли, например, заснуть, хотя это вряд ли. У нее неприятно засосало под ложечкой, когда она взялась за деревянную ручку и легонько толкнула дверь. Входить в номер до смерти не хотелось, но пренебречь своими обязанностями она не могла. Слишком дорого пришлось заплатить за эту работу, чтобы потерять все из-за жалобы жильцов. А они непременно накачают телегу, если она не принесет заказанный в номер ужин. Иногда, в такие минуты, как эта, ей хотелось бросить все к чертовой бабушке и зажить наконец спокойной жизнью. Были бы деньги... Но денег не было, а значит, надо зубами держаться за эту работу.

Аллочке не нравились постояльцы из четыреста шестого. Дело даже не в том, что один из них ущипнул ее за задницу сегодня утром, когда она меняла постельное белье. К этому она успела привыкнуть. Жильцы частенько позволяли себе всякие вольности, но насильно в постель ее не тянули, да она бы и не стала особенно упираться, если честно. Лишь бы платили. Аллочка, хорошенькая восемнадцатилетняя блондинка с маленьким крепким телом, считала, что девичья честь – удел богатых, а бедным, то есть таким, как она, честность не по карману.

Постояльцы из этого номера пугали ее совсем по другой причине. Внутреннее чутье выросшей на улице девчонки подсказывало ей, что эти люди по-настоящему опасны. Если бы ей довелось узнать, что они, например, наемные убийцы, она бы ни капли не удивилась. От таких можно ждать любых сюрпризов.

Аллочка вошла в номер, миновала узкий пяточок прихожей и боязливо перешагнула порог просторной гостиной. Фарфоровые тарелки на подносе, который она сжимала дрожащими руками, тихонько звякнули. Сахарница заскользила куда-то вбок, и девушка едва успела ее подхватить.

Гостиная была пуста. Вздохнув с облегчением, горничная поставила поднос на низкий журнальный столик. Посуда снова задрезжала.

Дверь, ведущая в спальню, приоткрылась. В проеме показались голый череп и неприятно выступающие крупные зубы одного из жильцов. При виде девушки уродливое лицо мгновенно преобразилось. Его улыбка была так же отвратительна, как и все остальное. Аллочка отвела глаза и попятилась к двери, стараясь не делать резких движений и не показывать,

что перепугана.

Лысый, похожий на кролика мужчина тем временем вошел в гостиную, подошел к оставленному на столике подносу и, не сводя с девушки глаз, шумно втянул носом воздух.

– Ты принесла нам кое-что вкусненькое, а, красивая? – двусмысленно ухмыляясь, спросил он и подмигнул. Аллочка попыталась улыбнуться и часто заморгала густо накрашенными ресницами, стараясь удержать выступившие от страха слезы. В эту секунду она заметила второго жильца, который бесшумно появился на пороге спальни. Аллочка открыла рот, увидев в его костистых руках пистолет. Мужчина перехватил ее взгляд, выругался вполголоса, быстро сунул пистолет в карман и рявкнул:

– Чего уставилась? Брысь отсюда!

Горничная охнула и бегом бросилась к выходу.

– Стой! – Грубый окрик настиг ее у самой двери. Она замерла, затаив дыхание. – Вякнешь кому-нибудь – найду и закопаю. Живьем. Поняла?

Аллочка судорожно сглотнула и быстро закивала.

– Тогда пошла вон, шалава.

Повторять не требовалось. В мгновение ока горничная была уже по ту сторону двери. Ничего не видя перед собой, она понеслась по коридору, едва не сбив с ног высокого мужчину в клетчатой рубашке. Торопливо извинившись, она побежала к лестнице. Мужчина удивленно посмотрел ей вслед и пошел дальше, внимательно вглядываясь в номера комнат.

* * *

Лифтер старательно отводил глаза, чтобы не смотреть на стоящую перед ним парочку. Таких он перевидал немало и по опыту знал, что лишние взгляды их только нервируют. Про себя он называл их «голубками»: любовники, само собой несвободные, использующие для свиданий любую возможность.

Бороться с любопытством было непросто. Он бросил на них единственный взгляд. Так и есть. Молоденький мальчик, должно быть, последняя страсть стареющей уже кокетки, пытается изобразить пылкого влюбленного, но это получается у него плоховато. Впрочем, его дама, озабоченная собственными переживаниями, вряд ли способна в данный момент разглядеть фальшь на его смазливой рожице.

Дамочка явно при деньгах. Серый шелковый костюм ладно сидит на ее хрупкой, еще красивой фигуре. Длинные пальцы унизаны кольцами, ногти

покрыты ярким пунцовым лаком, тон в тон с помадой. Однако во всей этой продуманной элегантности есть что-то немного вымученное.

Женщина сильно нервничала. Ее пальчики беспокойно теребили ремешок сумочки. Ее кавалер старался выглядеть независимо, но его кадык ходил ходуном.

Лифт остановился на четвертом. Парень, придерживая женщину под локоток, вывел ее из кабины. Лифтер не стал смотреть, в какую сторону они направились. Он и так знал, что это будет четыреста пятнадцатый. Его «голубкам» сдавали чаще всего, иногда на ночь, а порой – на пару часов.

Загорелась кнопка вызова со второго этажа. Двери захлопнулись, лифт двинулся вниз, готовый принять очередного клиента.

* * *

Красный... Зеленый... Красный...

Молодой человек сидел на стуле спиной к окну и машинально следил за тем, как стена напротив него меняла цвет. Бездумный взгляд прозрачных глаз скользил по ней взад и вперед. Его мысли витали где-то далеко.

На вид ему было чуть за двадцать. На самом деле – много больше. Маленького роста, сухой, как осенний камыш, с такими же серо-желтыми волосами, он легко мог сойти за юношу. Его выдавали только глаза, но их скрывали круглые очки в тонкой «золотой» оправе. Цыплячью грудь облегал толстый свитер грязно-коричневого цвета, связанный еще в те времена, когда шерстяная пряжа была страшным дефицитом.

Его можно было принять за студента, если забыть о том, что студенту не по карману номер в «Паруснике», даже если это крошечная каморка под самой крышей с окнами, выходящими на неоновую рекламную вывеску соседнего магазина.

Парень пошевелился. Его глаза приобрели осмысленное выражение. Медленно, как будто с трудом, он поднялся со стула и, чуть прихрамывая, подошел к письменному столу, заваленному какими-то деталями.

Времени оставалось в обрез. Он постоянно помнил об этом и, несмотря на слипающиеся от усталости веки, снова приступил к работе. Щелкнул выключатель. Яркий свет настольной лампы осветил разбросанные по столу инструменты и небольшой чемоданчик с откинутой крышкой, внутри которого лежали три одинаковых круглых предмета. Четвертый, наполовину законченный, лежал с краю. Парень склонился было над ним, но тут же опять откинулся на спинку стула. Глаза щипало,

словно в них насыпали песку.

Давненько он не занимался подобными делами. Этот заказ был самым крупным за последний год. Пять бомб замедленного действия. По тысяче за каждую. Большие деньги, но он их заработал. Никто не хотел связываться с зажигательными бомбами. Сделать их сложно, так как запалом должна служить кислота. Ему пришлось потратить несколько дней, чтобы определить необходимую толщину пробки в бутылочке с кислотой. Но он своего добился. Для запаса времени в тридцать минут ему понадобится пробка толщиной ровно четыре миллиметра.

Ему оставалось собрать всего две бомбы. И тогда заказ будет выполнен в срок. Парень с силой потер ладонями лицо, чтобы прогнать усталость, и склонился над столом.

* * *

Анна перевернулась на спину и уставилась в потолок. Ну что за день! Даже поспать спокойно не получается!

Она откинула одеяло и села на постели. Гортанный голос проорал что-то так громко, что она поморщилась. Голоса доносились из-за стены слева, из соседнего номера. Эта пытка продолжалась уже больше двух часов. Она поднесла руку с маленькими часиками поближе к глазам. Половина первого! Они что там, с ума посходили?

Голоса стали еще громче. Теперь говорили несколько человек одновременно. Аня не могла разобрать слов, только шум, который мешал ей заснуть.

Что-то громыхнуло. Похоже, соседи принялись крушить мебель. Да, веселая выдалась ночь...

Анна вспомнила о кнопке для вызова горничной. Кажется, это единственный способ добиться тишины. Она протянула руку, нашарила пластмассовую кнопку звонка и надавила три раза.

Она не услышала никаких звуков, подтверждающих то, что она добилась своей цели.

Звонок, однако, оказался в рабочем состоянии, так как минут через пять в ее дверь осторожно постучали.

– Войдите! – крикнула Аня, торопливо зажигая настольную лампу на прикроватной тумбочке.

– Вызывали? – спросила миловидная блондиночка в форменном платье. На кармашке было вышито имя: Алла. Глаза Алочки немного

припухли. Очевидно, девушка задремала на дежурстве.

– Вы не знаете, кто там бузит в соседнем номере? – поинтересовалась Аня.

Девушка заметно напряглась. Когда она заговорила, ее голос звучал иначе, чем прежде. Чувствовалось, что она подбирает слова с большой осторожностью.

– О каком именно номере вы спрашиваете? – вежливо спросила девушка, и Анна поняла, что она просто тянет время.

– Вот об этом! – Аня ткнула пальцем в стену возле своей кровати. Как раз в эту минуту там снова что-то уронили. От удара стена дрогнула, мирно висевший на гвоздике эстамп слегка покосился. – Кажется, это четыреста шестой?

Горничная вздрогнула, в ее глазах мелькнул страх, когда она посмотрела на стену.

– Они вам мешают? – спросила она таким тоном, словно отчаянно надеялась услышать в ответ «нет».

– Вообще-то, да. – Анна не оправдала ее ожиданий. – Нельзя ли попросить их уgomониться?

Аллочка побледнела. Она лихорадочно соображала, как выйти из сложной ситуации. Сама она в номер не сунется, не такая она дура. Может, охрану позвать? Ребята крепкие, мигом разберутся. Но где гарантия, что те двое не захотят потом сорвать зло на ней, если узнают, что именно она вызвала охрану?

Анна удивленно наблюдала за девушкой: ясно как день, малышка боится идти в этот проклятый номер. Чем же там ее так напугали? Анна уже жалела, что вызвала горничную. Черт с ним, с этим шумом, лучше потерпеть, чем заставлять девчонку связываться с этими уродами. Она собралась уже было сказать, что передумала, но Аллочка заговорила первая.

– Я скажу охране, – старательно улыбнулась она. – Извините за неудобства. Больше ничего не нужно?

– Нет, спасибо, – отрицательно покачала головой Анна.

Когда за горничной закрылась дверь, она снова легла в постель, накрывшись одеялом с головой, и попыталась уснуть.

* * *

– Ты меня любишь? Ну, скажи, правда любишь?

– Конечно, моя девочка.

Женщина хрипловато рассмеялась и сильнее сжала пальцами его плечи. Марат был рад, что в комнате темно и она не видит выражения его лица. О, господи! Какая любовь? Какая девочка? Да она же в матери ему годится! Как он докатился до этого? Почему эта жизнь, поначалу казавшаяся такой простой и приятной, стала невыносимой? Чего стоит только этот малый в лифте. Марат видел, как тот разглядывал их. Наверняка потешался в душе над молодым альфонсом, продающим свое тело старой развратнице. Альфонс! Вот теперь его имя!

Галина была счастлива. Она чувствовала, как ее тело наполняется силой и молодостью. Этот мальчик вернул ее к жизни. Какая она была глупая, когда сомневалась, боясь отдаться этой любви. Одна-единственная ночь с ее любимым стоит нескольких лет скучной и серой жизни с мужем.

Лаская друг друга, они не заметили, как дверь в гостиничный номер бесшумно отворилась. Персонал «Парусника» внимательно следил за тем, чтобы дверные петли не скрипели. Никто не мог знать, что это послужит когда-нибудь причиной трагедии.

Внезапно вспыхнул свет. Галина вскрикнула. Марат быстро обернулся и с ужасом понял, что все пропало. На пороге он увидел высокого мужчину в клетчатой рубашке.

– Валера? Но как ты... – Голос женщины сорвался, она не смогла договорить.

– Ты хотела спросить, как я узнал, где моя жена свила себе любовное гнездышко? – спросил мужчина. – Неужели это единственное, о чем ты сейчас думаешь? Странно, у меня сейчас словно глаза открылись... Теперь я вижу, что сокровище, которое я берег, оказалось обыкновенным мусором...

Он сделал шаг по направлению к кровати. Марат оттолкнул от себя женщину и попытался вскочить.

– Лежать, щенок! – прикрикнул мужчина, даже не повернув головы в его сторону. Он смотрел только на Галину. Не выдержав этого взгляда, она истерично завизжала.

– Не подходи ко мне! Я тебя ненавижу!

Она попыталась отползти на другую сторону кровати, но ей помешал Марат, который пихнул ее обратно, прямо в руки мужа. Тот схватил ее за плечо и рывком притянул к своему лицу.

– За что? Ответь мне, за что ты так со мной поступила? – спросил он хрипло, глядя в ее расширившиеся от ужаса глаза.

– Я полюбила! Неужели непонятно? Я полюбила впервые в жизни! –

выкрикнула женщина отчаянно. – Марат для меня все!

– Заткнись, ради бога! – с ненавистью прошипел молодой любовник. Он снова попытался сбежать, воспользовавшись тем, что от мужа Галины его отделяла широкая кровать.

Ему не повезло. Мужчина заметил его маневр. Он взревел как раненый зверь, с силой отшвырнул от себя жену и набросился на Марата. Ярость ослепила его, не помня себя, он сбил парня с ног и принялся избивать. Он не мог остановиться до тех пор, пока голое, окровавленное тело не затихло на полу.

В глазах мужчины появилось удивление, словно он не мог поверить в случившееся. Его руки безвольно повисли. Он вспомнил о жене, медленно повернул голову, взглянул на кровать и глухо застонал. Галина неподвижно лежала на скомканных простынях, ее остановившиеся глаза смотрели на него с недоумением. Но она его не видела. Белоснежная ткань наволочки возле ее виска окрасилась в розовый цвет. К острому краю белой прикроватной тумбочки прилипли несколько светло-каштановых кудрявых волосков.

Галина была мертва. Возможно, ее любовник тоже. Что же теперь будет? Валера не чувствовал раскаяния, в душе у него было пусто. Но он хотел жить. Осознав страшную правду, он вдруг подумал, что его обязательно обвинят в убийстве жены.

Но так ли это? Никто не видел, как он вошел в этот номер. Если он позаботится о том, чтобы уничтожить следы своего пребывания здесь, то все еще можно поправить. Главное – избавиться от улики...

Глава 5

Анна открыла глаза, не понимая, что ее разбудило. Было тихо. Голоса за стеной смолкли. Она выбралась из-под одеяла. Голова раскалывалась от сильной боли. Аня стиснула виски, пытаясь унять эту боль, и внезапно почувствовала, что почти не может дышать. Воздух был горячим и тяжелым, пахло... дымом.

– Мамочка! – прошептала Анна, пораженная внезапной догадкой. Она бросилась к двери, распахнула ее настежь и отпрянула. В коридоре было почти темно, сплошные клубы дыма, как густой туман, окутали пространство. Свет ламп под потолком с трудом пробивался сквозь мутную пелену.

– Не может быть, – пробормотала Анна.

В этот момент ближайшая к ней лампочка замигала, из нее посыпались искры, стеклянный колпак с треском лопнул, обдав девушку дождем мелких осколков. Анна с визгом отпрянула назад и нырнула в комнату. Бросившись к окну, она распахнула обе створки, жадно вдыхая холодный воздух. В голове прояснилось. Она осознала весь ужас происшедшего. И сразу подумала об остальных жильцах. Где они? Почему никто не пытается спастись? Она же видела – во многих номерах на ее этаже жили люди. Неужели?..

Ну конечно, как она сразу не догадалась. Пожар начался глубокой ночью, люди спали, они могли задохнуться во сне. Ее саму спасло только то, что она, пытаясь избавиться от шума из соседнего номера, плотно укуталась с головой одеялом. Но остальные?! Нужно разбудить их, достучаться, спасти... Она рванулась было обратно в коридор. В темной раме настенного зеркала отразилась жалкая фигурка в фиолетовой пижаме со взлохмаченной гривой черных волос. Так не годится. Аня, путаясь в вещах, наспех переоделась.

В коридоре уже потрескивало. И по-прежнему она не слышала ни единого крика о помощи. Взглянула на часы: третий час ночи. Все правильно, самое мертвое время.

Стараясь не думать об опасности, она снова выбежала в коридор и закашлялась от едкого дыма. Глаза слезились, она с трудом различала окружающие предметы. Почти на ощупь добралась до соседней двери и принялась отчаянно барабанить по ней кулаками. Потом в следующую. И еще... Четвертая дверь, в самом конце коридора, неожиданно подалась.

Анна, с размаху ударив по ней ногой, едва не свалилась, потеряв равновесие. Удержавшись на ногах, она вбежала в комнату и увидела страшную картину: на полу лежал скорчившийся, абсолютно голый человек, на кровати – женщина, также обнаженная. Женщина была мертва. У нее был разmozжен висок, кровь залила всю подушку. Анна подобралась к мужчине, схватила его за запястье, пытаясь нащупать пульс. Пульса не было. Она осторожно приподняла его голову и отшатнулась – у парня вместо лица было сплошное кровавое месиво. Глаза, рот, нос – все это превратилось в отвратительную красно-бурую маску.

Эти двое мертвы, и они погибли не от пожара.

В коридоре что-то обрушилось. Огонь разгорался. Понимая, что этим людям она уже ничем помочь не сможет, Аня выбежала из номера. Она задыхалась. Дальше ей не пройти, она вот-вот потеряет сознание. Надо вернуться в свою комнату и попытаться позвать на помощь из окна. У нее кружилась голова. Шатаясь, она побрела назад.

«Только не упади!» – уговаривала она себя.

Неожиданно впереди мелькнул смутный силуэт человека. Анна обрадовалась.

– Эй, подождите! – крикнула она. Точнее, попыталась крикнуть. Голос охрип, и из горла вырвалось только негромкое шипение. Но незнакомец, должно быть, ее услышал, так как остановился. Ободренная, она поспешила к нему и вдруг узнала необъятную фигуру хозяина гостиницы. Это еще больше обрадовало девушку, такая помощь была более чем кстати. Хворост должен знать в своей гостинице все ходы и выходы.

Но произошло нечто совершенно невероятное: когда ей оставалось пройти всего несколько шагов, толстяк неожиданно бросился прочь от нее.

– Стойте! – воскликнула Аня. Толстяк обернулся на мгновение, и она увидела его искаженное ненавистью лицо. Это настолько поразило ее, что она остановилась, глядя испуганными глазами вслед поспешно удаляющемуся человеку.

– Он что, спятил? – недоуменно пробормотала она.

Откуда-то слева раздался едва слышный стон. Аня кинулась на этот звук и увидела фигурку девушки. Она стояла посреди коридора, странно согнувшись пополам, и хватала воздух широко раскрытым ртом. Девушка задыхалась. Аня крепко ухватила ее под мышки и поволокла к своей комнате. Подтащив ее к распахнутому окну, Анна увидела внизу суетящихся людей и несколько пожарных машин. Вой сирен разносился по всей улице. «Значит, кто-то все же вызвал пожарных», – с облегчением подумала Аня.

Девушка перестала хрипеть, но дышала с трудом. «Да у нее астма!» – догадалась Аня. Только сейчас она узнала ту самую горничную, которая приходила к ней в номер. Кажется, ее зовут Алла.

Аллочка силилась что-то сказать, но у нее ничего не получалось. Измученное, посиневшее лицо исказила гримаса боли и... страха.

– Не надо пока разговаривать, – мягко сказала Аня. – Потерпи, скоро все кончится. Видишь, помощь уже пришла. Нас сейчас вытащат отсюда.

В самом деле, пожарные, заметив их в окне, уже выдвигали лестницу. Анна поежилась, глядя вниз: высокогато, а она боится высоты. Но жить все-таки хочется. В коридоре уже всю рушились балки. Ровное гудение пламени было слышно даже здесь. Выбора не было.

Оставив на секунду девушку у окна, Анна метнулась к кровати, возле которой лежали две ее сумки. Маленькую она повесила на шею, а большую крепко ухватила за ручки и поволокла к окну.

Раздался металлический скрежет – это лестница ударилась об отлив. Ковер в комнате уже дымился, распространяя ужасную вонь горелой резины.

– Лезь первая, – скомандовала Анна, подталкивая Аллу к окну. Та испуганно замотала головой и попятилась.

– Не дури, быстро марш на лестницу. Держись крепко, не смотри вниз – и все будет в порядке.

Девушка шагнула к оконному проему, но, увидев под собой маленькие фигурки людей, снова отшатнулась. Анна начинала терять терпение. У них было слишком мало времени на спасение, а ведь были еще и другие люди, которым требовалась помощь. Она схватила Аллу за плечо и, крепко сдавив, сказала:

– У нас нет другого выхода. Сделаешь, как я говорю, – останешься жива. Нет – сгорим обе заживо. Поняла?

Девушка кивнула. Охваченная пламенем дверь комнаты с оглушительным грохотом ввалилась внутрь. Алла вздрогнула и, держась дрожащими пальцами за подоконник, неуклюже перебралась на лестницу.

– Вот и умница. Молодец! Теперь потихоньку спускайся.

Когда светловолосая макушка исчезла внизу, Анна тоже перелезла на лестницу. Ей было страшно. Шаткая, как ей казалось, конструкция, не имея жесткой опоры, ходила под руками ходуном, но Анна заставляла себя не думать о плохом. Она обязательно спустится. Обязательно!

И она действительно, шаг за шагом, начала спуск. Когда ее голова поравнялась с подоконником, она потянула на себя сумку, которую оставила наверху, но та не поддавалась. Очевидно, зацепилась за какой-

нибудь гвоздь.

Аня чертыхнулась и потянула сильнее. Тот же результат. Сумка затрещала, но с места не сдвинулась.

– Чтоб тебе, – прошептала Анна. Она глянула вниз. Алла благополучно добралась до второго этажа.

В ту же секунду Аня услышала страшный грохот над головой. Сноп огня вырвался из верхнего окна, расположенного над ее комнатой, под самой крышей. Лестницу повело в сторону, Анна почувствовала, что теряет равновесие, и вцепилась в перекладину обеими руками. Ей было уже не до сумки, та осталась в номере. Снизу раздался истошный крик, а затем глухой удар. Трясаясь от ужаса, Анна посмотрела вниз и увидела на асфальте Аллу. Над ней склонились люди.

Позабыв о страхе, Анна, быстро перебирая ногами по ступенькам, скатилась вниз и бегом бросилась к распростертому телу девушки.

– Что с ней? – спросила она пожилого мужчину в голубом халате «Скорой помощи», который осторожно осматривал Аллочку. К ним уже бежали люди с носилками.

– Жива. Почти не пострадала. Высота небольшая. Шок у нее, – деловито сообщил мужчина. – А вы ей кто?

– Никто.

– Сама-то как?

Анна удивилась вопросу. Она совсем забыла о себе, испугавшись за девчонку. Теперь она изумленно осматривала свои ободранные в кровь руки и черную от копоти одежду.

– Вроде бы нормально, – не слишком уверенно сказала она.

– Все равно раны промыть надо. Иди к машине.

Анна послушно направилась к машине «Скорой помощи». Она вдруг почувствовала, что у нее совсем не осталось сил, и очень удивилась. Буквально несколько минут назад она тащила на себе девушку, карабкалась по лестнице, сумела не упасть во время взрыва... А ведь и правда, на пятом этаже что-то рвануло. Да еще так сильно! Что это? Взрывчатку они там хранили, что ли?

Это было последнее, о чем она успела подумать, так как в следующую секунду потеряла сознание. То ли сказалось перенапряжение, то ли угарного газа в ее легких оказалось слишком много, а может, и то и другое.

– Просто кошмар какой-то, двадцать пять погибших!
– А раненых сколько? Вы только посмотрите на меня! Куда я теперь в таком виде?

– Хорошо хоть живы остались. Никогда бы не подумала, что в таком приличном месте...

– И не говорите! Хотя кто говорит о приличиях? В стране бардак, эти частные собственники ни о чем не думают, им лишь бы карманы набить...

Негромкое бормотание доносилось откуда-то справа. Анна очнулась от сна и некоторое время прислушивалась к голосам двух женщин. Постепенно она вспомнила о том, что с ней произошло. Пожар, девушка, упавшая с лестницы, а затем – провал. Где она?

Она приоткрыла глаза и повернула голову. В большой комнате с двумя рядами кроватей вдоль стен кроме нее находилось еще восемь женщин. Шестеро лежали, а еще две сидели на соседней койке и оживленно беседовали, прихлебывая что-то горячее из одинаковых пластмассовых кружек. Анна почувствовала, что тоже хочет пить, в горле сильно саднило. Она приподнялась на локте и посмотрела на женщин. Одна из них, полноватая, средних лет, выглядела очень ухоженной, несмотря на то, что великолепно подстриженные и окрашенные в пепельный цвет волосы в данный момент торчали во все стороны. Цвет волос ее соседки определить было невозможно, так как они напрочь отсутствовали. Кожа на абсолютно лысой голове имела ярко-красный цвет и почему-то блестела. Должно быть, ее смазали какой-то мазью от ожога. То, что эти женщины, так же как и она сама, проживали в злополучной гостинице и пострадали при пожаре, сомнений не вызывало. Значит, ее доставили в больницу. Неужели она так долго пробыла без сознания?

– Ох, дорогая, вы очнулись? Как вы себя чувствуете? – повернулась к Анне та, что была с волосами.

– Спасибо, вроде бы нормально.

– Это хорошо! – воскликнула лысая, с завистью глядя на пышные кудри Анны.

– Вы не знаете, давно я здесь? – спросила девушка, чтобы перевести разговор на другую тему.

– С самого утра, – с готовностью сообщила пепельная блондинка. – Вас привезли сразу после меня.

– А сколько сейчас времени?

– Скоро полдень.

– Неужели я так долго провалялась без сознания? – Анна вспомнила, что выбралась из горящего здания не позже половины четвертого утра,

если сейчас двенадцать, то получается, что она провела восемь часов в отключке. Многовато.

– Вам вкололи успокоительное. Так что вы просто немного поспали, – пояснила словоохотливая соседка.

– Ясно, – кивнула Аня. – Вы не слышали, много людей пострадало?

– Ужасно много! – всплеснула руками женщина. – Да вот, посмотрите сами. Только что принесли. Экстренный выпуск. – Она протянула Анне какую-то местную газету. Первая полоса была посвящена пожару в гостинице «Парусник».

В глаза сразу бросилась большая, помещенная в самом центре страницы, фотография. Дорого и со вкусом обставленный кабинет: старинные напольные часы, тяжелый письменный стол... Огонь пощадил комнату, но смерть не пощадил хозяина этого кабинета: на столе, неловко вывернув голову, ничком лежал очень толстый человек. Он был мертв. А как же иначе, если в виске у него зияла большая черная дыра. Над столом висел портрет этого человека в полный рост. Словно в насмешку, господин Хворост выглядел на нем весьма довольным жизнью, по его круглому, лунообразному лицу блуждала легкая улыбка, хитро прищуренные, маленькие глазки иронично взирали на то, что осталось от живого прототипа...

Анна содрогнулась. Ей сделалось не по себе при виде этой картины, по коже пробежали мурашки. Подпись под снимком, набранная жирным шрифтом, гласила: «Хозяин гостиницы покончил с собой в своем кабинете, не в силах пережить ужасную катастрофу.»

Анна вспомнила встречу с Хворостом в коридоре четвертого этажа, его искаженное, безумное лицо, и у нее мелькнула мысль, что если он и покончил с собой, то, скорее, не от отчаяния, а оттого, что у него поехала крыша.

Пробежав глазами статью, Аня не нашла ответа на главный вопрос: отчего загорелся «Парусник». Корреспонденты сыпали подробностями, живописуя страдания раненых и размеры причиненного зданию ущерба, но о причинах пожара не было сказано ничего конкретного, несколько версий, упомянутых в статье, не стоило принимать всерьез, так как даже на неискушенный взгляд они выглядели слишком надуманными. Анну поразило то, что «Парусник» представлял настоящую ловушку в случае пожара: в нем не только не было запасных выходов и пожарных лестниц, но даже противопожарного дымохода! Точнее, он был, но испортился много лет назад, а чинить его никто не торопился.

Анна вспомнила о трупах в одном из номеров. О них в статье ничего

не говорилось. Возможно, огонь успел добраться до этого номера и уничтожил улики. Но ведь эти люди были убиты, и, возможно, гостиницу поджег именно убийца, стараясь замести следы.

О взрыве также ничего не сообщалось. Впрочем, прошло слишком мало времени для того, чтобы провести серьезный анализ причин трагедии.

– Могу поспорить, они спишут все на несчастный случай, – прервала размышления Анны безволосая женщина.

– Почему? – машинально спросила та.

– А как же иначе, дорогая? А страховка?

– А при чем здесь страховка?

– Как вы наивны, дорогая! Да при всем! Пострадавшим и родственникам погибших обязаны выплатить компенсацию, а это суммы немаленькие, если имел место поджог. Но если удастся доказать, что пожар произошел из-за несчастного случая, то суммы выплат значительно сократятся. Теперь понимаете?

Нет, Анна не понимала. О каком случае может идти речь, если отель находился в таком ужасном состоянии? Не мог же Хворост не знать о том, что творится у него под носом! Конечно, знал, но мер не принял, и вот вам результат.

Анна хмуро размышляла об этом, когда в дверь вежливо постучали. Потом она открылась, но вместо доктора на пороге возник молодой, высокий парень в кожаной куртке. Он улыбнулся немного смущенно и спросил:

– Могу я увидеть Анну Владимировну Сомову?

Глава 6

Анна не сразу поняла, что речь идет о ней. Жуткие переживания прошедшей ночи напрочь стерли из ее памяти мысли о Барскове и предстоящей встрече. Теперь она спохватилась и проговорила:

– Я – Анна Сомова.

– Очень приятно, Анна Владимировна! – Парень расплылся в улыбке, как будто нашел близкую родственницу. – Меня прислал Александр Федорович. Вы в состоянии дойти до машины?

«Дойти-то я в состоянии, и не только до машины, – подумала Аня, – но с гораздо большим удовольствием я дошла бы до поезда и тихо-мирно отправилась бы восвояси. Домой очень хочется».

Однако она понимала, что вслух свои мысли обнародовать не стоит. Работа есть работа. И раз уж она здесь, живая и, кажется, вполне здоровая, то придется ей заняться своими прямыми обязанностями.

– Я чувствую себя вполне сносно, – улыбнувшись, сказала она. – Могла бы отправиться прямо сейчас, но, боюсь, с этим возникнут кое-какие проблемы: все мои вещи, кроме маленькой сумочки, сгорели при пожаре. А те, что были на мне, скорее всего, отправлены на свалку. Так что ехать мне попросту не в чем.

– Никаких проблем! – еще шире улыбнулся парень. – Александр Федорович все предусмотрел. Он позвонил вашему шефу, совместными усилиями они выяснили ваш размер и – вот!

С этими словами парень торжественно продемонстрировал большой пакет, набитый какими-то свертками. Под внимательными взглядами любопытных соседок по палате он протянул Ане пакет. Но она не торопилась его принять. Положение сложилось щекотливое: она еще не успела приступить к работе с клиентом, как уже вынуждена принимать от него, что бы вы думали, одежду!

Заметив сомнение в ее глазах, парень поспешно сказал:

– Вы не волнуйтесь, берите. Здесь все необходимое. Александр Федорович сказал, что это в счет вознаграждения.

– Это уже лучше, – усмехнулась Аня.

– Вы собирайтесь. Я за дверью подожду, а потом провожу вас в комнату, где вы сможете переодеться. – Сказав это, парень тактично выскользнул за дверь.

Анна встала с постели. Она была одета в казенную ночную рубашку,

посеревшую от многочисленных стирок. На спинке кровати висел фланелевый халат – малиновые цветы по грязно-синему фону. Аня натянула его прямо поверх ночнушки и неуверенно огляделась в поисках сумочки.

– В тумбочку загляните, – посоветовала ей соседка. – Личные вещи должны быть там.

Так и оказалось. Сумочка со всем содержимым спокойно лежала на фанерной некрашеной полочке. Держа ее в руках, Аня направилась к двери. На пороге она обернулась, чтобы попрощаться, и заметила, что все еще сжимает в руке экстренный выпуск газеты. Каким-то образом она умудрилась надеть халат, не выпуская ее из рук.

– Простите, пожалуйста, – смущенно сказала она, протягивая газету соседке.

– Если хотите, оставьте ее себе, – пожала плечами та. – Мне она больше не нужна, а вас, я заметила, статья очень взволновала.

Аня поблагодарила, еще раз попрощалась и вышла из палаты.

Парень, как и обещал, ждал ее возле двери. Вместе они спустились в приемный покой, и Аня с пакетом оказалась в маленькой комнатке одна. Комнатка напоминала дежурку. На столе дымился оставленный кем-то чай. В блюдечке лежало надкушенное пирожное.

Чувствуя себя крайне неловко, Аня торопливо начала разворачивать многочисленные свертки. Там действительно было все, включая нижнее белье. Вещи были прекрасного качества и определенно стоили много дороже, чем она сама могла бы себе позволить. Но размеры! Анна хихикнула, приложив к себе бюстгальтер как минимум на два размера меньше, чем ей требовалось. Зато черные брюки были непомерно большими, они совершенно не желали держаться на бедрах, все время неэстетично соскальзывая на пол.

К счастью, Барсков позаботился о том, чтобы у нее был выбор, и прислал еще и юбку, которая, по счастливой случайности, оказалась с запахом, что позволяло надежно закрепить ее на талии, раза три обмотавшись длинным поясом. О том, чтобы надеть бюстгальтер, не могло быть и речи, придется остаться так как есть. Слава богу, грудь у нее хорошей формы, а под свитером и вовсе не будет заметно, есть на ней лифчик или нет.

Одевшись, Аня посмотрела на себя в зеркальце, вделанное в дверцу обшарпанного шкафчика. Выглядела она на удивление прилично. К тому же ей было очень уютно в мягком широком свитере из ангорки.

– Да вы просто красавица, Анна Владимировна! – восхищенно

воскликнул парень, поджидавший ее у двери в ординаторскую. – Кстати, меня Андреем зовут.

– Очень приятно.

– Ну что, в путь?

Машина, поджидавшая их в больничном дворе, отличалась от давешнего «тазика», как элитный перс-экстремал от дворового мурзика. Те же четыре лапы, пардон, колеса, а какая разница в экстерьере! Если честно, Анна и названия модели-то определить не могла, никогда в жизни таких машин не видела: огромная, как автобус, со стеклянной крышей, обтекаемая, словно капля. Красавец, а не автомобиль.

Андрей распахнул перед ней дверь и устроился рядом на обитом натуральной кожей сиденье. Аня-то думала, что он шофер, но оказалось, за рулем машины сидит совсем другой человек. Он мягко тронул авто с места, Аня откинулась на сиденье. «Хорошо живет лягушачий король, – усмехнулась она про себя, – только слишком уж он обо мне заботится. Хотя мне-то какая разница?» Она выкинула посторонние мысли из головы и приготовилась наслаждаться поездкой.

Все испортил неожиданно хлынувший дождь. Он падал сплошной стеной. Тяжелые частые капли лупили по окнам и крыше машины с такой силой, что казалось, стекло вот-вот лопнет. Анна поежилась, глядя на холодные струи. Ей вдруг стало холодно, она спрятала руки в широкие рукава свитера, пытаясь согреться. За окном, словно на экране большого телевизора, мелькали деревья и луга со скошенной травой. Чем дальше ехали, тем меньше становилось деревьев и больше равнин. В конце концов деревья исчезли вовсе, ровная, как тарелка, пустошь раскинулась по обе стороны дороги до самого горизонта. Не было видно даже небольших деревушек, которые обычно встречаются тут и там вдоль больших дорог. Местность казалась совершенно необитаемой. Да еще этот противный дождь. Вообще-то неудивительно, что здесь никто не живет, вот Анна, например, не согласилась бы жить в таком месте ни за какие коврижки.

– Как вам наши болота? – словно прочитав ее мысли, спросил Андрей.

– Так это болота? А я думала – просто луга...

– Нет, – засмеялся Андрей. – Не луга. Под этой зеленой травкой скрываются опасные топи. Жители немногих окрестных деревень знают особые тропки, а другим не стоит и соваться в эти места. Один неверный шаг и...

– И что?

– И все. Трясина засасывает мгновенно. Человек или животное, любой исчезает, словно его и не было никогда.

Рассказ звучал не слишком обнадеживающе. Анна не удержалась и спросила:

– Зачем же ваш хозяин выбрал такое малопривлекательное место для жилья?

– Бизнес, – пожал плечами Андрей. – Наши квакушки в других местах не живут. А здесь им раздолье. Вода чистая, не загаженная, никто их не беспокоит.

– Кроме вас.

– Да нет, мы диких не используем. Они слишком тощие, на филе не годятся. Мы разводим своих на фермах.

– А где они, эти фермы? Что-то я не вижу ничего похожего на жилье, – удивилась Аня.

– Еще рано. Они расположены дальше. Но вы не волнуйтесь, мы уже подъезжаем. И не берите в голову то, что я вам рассказал. Можете мне поверить, коттедж Александра Федоровича – это нечто особенное. В нем собраны все последние достижения в области бытовой техники. Просто рай, а не поместье. Да и соседей там хватает, есть даже деревушка, которой уже несколько сотен лет. Да вон, смотрите. Видите колокольню? Минут через пять будем на месте.

Анна и впрямь увидела впереди высокий и острый шпиль колокольни, вонзающийся в темное небо, точно игла. Появились небольшие перелески, в основном – ясень и береза. Дождь прекратился, хотя было по-прежнему пасмурно.

Дорога повернула направо и нырнула в лес, золотисто-прозрачный, как на картинах Левитана. Дальше дорога оказалась прямой как стрела, новенький асфальт стелился под колеса машины. Далеко впереди среди ветвей замелькала красная кирпичная стена.

– Ну, вот и приехали, – возвестил Андрей, показывая на шикарные ворота с изящной витой решеткой, которые при их приближении начали медленно отворяться, причем сами собой. За все время пути им не попался навстречу ни один человек, не было людей и здесь, что несколько удивило Анну. Неужели коттедж такого богатого человека никто не охраняет?

Машина сбавила ход и медленно въехала в ворота, которые, пропустив ее, опять же сами собой вернулись в прежнее положение, замок автоматически защелкнулся.

Еще метров сто, и Анна наконец увидела сам коттедж. В ту же секунду неожиданно выглянуло солнце. Тусклые лучи скользнули по величественному зданию. Анна замерла, пораженная удивительной картиной: все пространство перед домом было занято... георгинами. Их

были сотни, тысячи! После серого пейзажа они слепили глаза своей яркостью, вспыхивали ярким пламенем, еще влажные от дождя. Они походили на гигантский костер, охвативший большой дом, и это зрелище завораживало.

– Невероятно! – воскликнула девушка, не в силах отвести глаз от великолепных цветов.

– Впечатляет, – согласно кивнул Андрей. – Особенно в первый раз.

Он помог Ане выбраться из машины, и они медленно пошли к крыльцу. Солнце уже всю сияло, прорвавшись сквозь тяжелые серые облака. Чисто вымытые стекла весело играли в его лучах, пуская солнечных зайчиков. Мокрая крыша блестела ровной темно-красной черепицей. От земли начали подниматься невесомые струйки пара.

Дом был выстроен в стиле загородных усадеб девятнадцатого века. Анну удивило, насколько точно архитекторам удалось воспроизвести все детали старого стиля. Над центральным входом нависал изящный балкон из кованого железа, но он не казался тяжелым, давящим, наоборот, он словно парил над мраморной лестницей, поддерживаемый изящными ажурными колоннами. В общем, дом выглядел весьма элегантно, несмотря на некоторую вычурность и старомодность.

Анна поделилась своими впечатлениями с Андреем, но у того ее заявление вызвало лишь усмешку:

– Этот дом на самом деле старинный. Его выскоблили изнутри как вареное яйцо, оставив только стены, и нафаршировали современной начинкой. Получилось то, что вы видите.

Он остановился перед мраморными ступенями.

– Поднимайтесь. Вас там встретят.

– А вы?

– А мне пора на работу. Еще увидимся. – Он махнул на прощание рукой, быстрым шагом пересек двор и скрылся за зеленой изгородью.

Анна вздохнула и стала подниматься по широким ступеням. Едва она перешагнула последнюю, резная входная дверь распахнулась, и девушка увидела мужчину в безукоризненном костюме. Каким-то шестым чувством она догадалась, что это кто-то из прислуги, хотя мужчина выглядел безупречно. Его глаза смотрели холодно, улыбка была искусственной, и все это вместе Анне не понравилось с самого начала. К тому же его лоб пересекал большой старый шрам, что само по себе, конечно, вызывало сочувствие, но в сочетании с ледяным взглядом производило немного устрашающее впечатление.

Следуя за своим провожатым, Анна очутилась в гостиной, которая

поразила ее своей стерильной белизной. Андрей был совершенно прав, когда говорил, что начинка у дома весьма современна. Огромная, стекляннопозрачная, вымытая до хрустального блеска, заставленная живыми тропическими растениями, эта комната тем не менее выглядела очень уютной.

Середину ее занимал белый кожаный диван, рядом с ним – журнальный столик из матового стекла. Над камином Анна сразу же заметила необычные часы: бархатносиний циферблат в окружении крупных, тщательно ограненных кусочков горного хрусталя и единственная стрелка, усыпанная бриллиантами. Как ни странно, Анне были знакомы эти часы, хотя она думала, что они должны принадлежать какомунибудь музею, ибо сделаны были в 1783 году знаменитым Бреге и считались утерянными... Конечно, над камином могла висеть и тщательно сделанная их копия, но Анна почемуто в этом сомневалась.

Если не считать часов, то обстановка гостиной была удивительно стильной, никакой кричащей роскоши и вульгарности. Понастоящему роскошной была только женщина, стоявшая возле окна и смотревшая на Анну с нескрываемым высокомерием. Высокая, худая блондинка, с подведенными вразлет, как два крыла, бровями, в золотистобежевом шелковом костюме, мягко струившемся вдоль идеального тела, она была очень хороша. Ее портило только выражение неприязни на холеном лице. Злость еще никого не красила.

Анна видела красотку впервые в жизни, но кто бы ни была эта женщина, она явно была настроена враждебно, хотя Аня никак не могла взять в толк, чем вызвала такую странную реакцию.

Женщина не поздоровалась, она вообще не произнесла ни слова, а просто уставилась на Анну. Разумеется, такой холодный прием не привел девушку в восторг. Она ответила таким же наглым взглядом, а когда ей надоело играть в гляделки, просто повернулась, подошла к белому кожаному креслу и уселась, не дожидаясь приглашения, закинув ногу на ногу.

Блондинка резко повернулась и, так и не сказав ни слова, быстро вышла из комнаты. Анна осталась одна. Но ненадолго, потому что вновь появился тот же человек со шрамом, который открывал ей дверь, и пригласил ее следовать за собой. Анна попыталась сосредоточиться, понимая, что теперь ей наконец предстоит встретиться с самим хозяином. Она немного волновалась, шагая по длинному коридору, но была уверена, что все пройдет как надо. В конце концов, он сам настоял на том, чтобы приехала именно она, а это могло означать только одно – он навел кое-

какие справки и решил, что ее способности в рекламной сфере – именно то, что ему нужно.

Глава 7

Александр Федорович Барсков встретил ее более чем любезно. Он оказался именно таким, каким она его себе представляла. У него был смуглый цвет лица и неожиданно светлые глаза. Впрочем, почему неожиданно? Анна и сама от рождения была голубоглазой брюнеткой, и ее всегда бесили настойчивые расспросы новых знакомых по поводу внешности. Рот Барскова привлек ее внимание гораздо больше, чем цвет его кожи и глаз. Точнее, не рот, а нижняя часть лица. Сочетание чувственного изгиба губ и массивного, немного тяжеловатого подбородка позволяло сделать вывод, что мужчина обладает весьма противоречивым характером. В зависимости от настроения он мог быть либо сентиментальным, либо жестоким, упрямым и вспыльчивым. Тем не менее Анна не сомневалась, что Александр Федорович умеет прекрасно владеть собой, когда ему это необходимо.

Барсков вежливо расспросил Анну о ее самочувствии. Ее приятно удивило, что он говорит не просто на хорошем русском языке, а на безупречном, не засоренном множеством вводных слов и междометий. Его речь звучала несколько старомодно, и это навело Анну на мысль, что по крайней мере часть имеющейся у нее информации об этом человеке абсолютно достоверна: так мог разговаривать только тот, кто провел детство и юность за границей.

Когда со взаимными любезностями было покончено, Анна решила, что пора приступать к делу. Она достала из сумочки ручку и блокнот, пристроила его на коленях и сказала:

– Для начала мне бы очень хотелось ознакомиться с имеющимися у вас видеоматериалами. Это необходимо, чтобы решить, стоит ли организовывать дополнительные съемки. Хорошо бы посетить и саму... ферму, мне нужно знать то, о чем я собираюсь рассказывать аудитории. Кроме того, понадобится список ваших заказчиков – чем больше, тем лучше, это хорошо скажется на имидже, и еще...

Анна оборвала себя на полуслове, так как поняла: Барсков ее не слушает! Он сосредоточенно размышляет о чем-то, даже не пытаясь делать вид, что следит за ее монологом.

– Что-то не так? – настороженно спросила Аня, внимательно глядя на Александра Федоровича.

– Нет-нет, Анечка, вы все правильно говорите, – поспешно ответил

он. – Я готов предоставить вам полную свободу действий, но... немного позже.

– Как это?

– Мне не хочется выглядеть в ваших глазах мелким интриганом, но, к сожалению, должен признаться, что я вас немного... обманул. Точнее, не вас, а вашего руководителя, милейшего господина Сидорова.

Анна похолодела. Глядя на него, она сухо спросила:

– Вы раздумали проводить рекламную кампанию?

– Да нет же, дело совсем не в этом.

– Тогда я ничего не понимаю. Зачем откладывать начало работы? Чем быстрее я получу все необходимые данные, тем раньше мы запустим первые ролики. Как раз успеем до новогодних праздников.

– Это не важно. Месяцем раньше, месяцем позже. Я вообще пригласил вас совсем по другой причине.

– Это уже интересно, – проговорила Анна, медленно закрывая блокнот. – И что же это за причина?

– Я знаю о ваших способностях, – заявил Барсков, твердо посмотрев на нее. Его лицо вдруг стало жестким. – Я имею в виду не рекламную деятельность, а нечто совсем иное, то, что не поддается пониманию. Скажу честно, я сам не верю во всю эту чертовщину. Точнее, не верил до недавних пор, но...

– Не понимаю, о чем вы говорите, – перебила его Аня. – Какая чертовщина?

– Вы ведь обладаете способностями экстрасенса? – прямо спросил он. – Возможно, я неправильно выразился, но я не слишком разбираюсь в терминологии. Колдовство, магия, ясновидение... Понимаете, что я имею в виду?

– Откуда вам это известно?! – Анна вскочила на ноги, рассерженная тем, что ее провели, как ребенка.

– Я наводил о вас справки. Вы, возможно, не знаете, но слух о ваших способностях распространился далеко за пределами города, где вы живете. Особенно после этого случая с ожерельем сатаны... Насколько мне известно, вы не просто владеете магией, вы обладаете хорошей головой и ясным рассудком, что почти исключает вероятность мошенничества с вашей стороны и позволяет надеяться, что вы способны справиться с очень сложной задачей. Насколько я успел узнать, вы практически безупречны...

– Спасибо за комплимент, но...

– Подождите благодарить, я еще не закончил, – резко сказал Барсков. Анна прищурилась, пытаясь сдержать раздражение. – У вас есть всего одна

странность – вы ненавидите мужчин.

– Что-то не припомню, чтобы я давала объявление об этом по всесоюзному радио, – процедила Анна.

– Не кипятитесь. Меня не волнует ваше отношение к представителям сильной половины человечества, тем более что я знаю: ваша нелюбовь к мужскому полу вовсе не означает любви к своему собственному. Вы – одиночка. По жизни или по убеждению, какая, собственно, разница? У меня возникли крупные неприятности, и я думаю, что вы сможете помочь мне их разрешить. За услугу я заплачу более чем щедро.

Он замолчал. Молчала и Анна. Она могла бы просто развернуться и уйти, хлопнув дверью. Она никому не позволит играть с ней, точно со слепым щенком. Больше всего ее бесила ложь и людская самоуверенность. Этот самодовольный болван, очевидно, считает, что его богатство дает ему право распоряжаться людьми, как глупыми марионетками. Стоит только пожелать – и все случится само собой. Как бы не так!

Однако Анна понимала, что невольно угодила в хорошо расставленную ловушку. Она за несколько десятков километров от железнодорожной станции, между ней и городом – непроходимые болота и совершенно безлюдные места. Если Барсков окажется достаточно циничным, ему ничего не стоит применить шантаж, ведь добраться до города она может только на его машине.

– Не стоит считать меня хуже, чем я есть на самом деле, Анна Владимировна, – спокойно сказал Барсков. – Вы наверняка решили, что я заманил вас сюда и теперь потребую выполнить задание в обмен на свободу? Вы ошибаетесь. Я предлагаю вам сделку, не более того. Вы можете отказаться, и тогда я немедленно распоряжусь, чтобы вас доставили на вокзал. Конечно, в этом случае я беру назад свое предложение, касающееся рекламной кампании, – увы, оно имеет силу, только если вы пойдете мне навстречу, – но я готов возместить ваши транспортные расходы полностью. Вещи также принадлежат вам. Ну так что? Что вы решили?

Анна не хотела терять заказ. Очень выгодный! Хитрый Барсков успел назвать сумму контракта, и эти деньги пришлись бы весьма кстати для агентства. Но она не может согласиться помогать ему в схватке с темными силами, которые – теперь она это ясно чувствовала – поселились в доме. Кому, как не ей, знать, насколько страшной и рискованной может оказаться эта борьба. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы произнести:

– Я не могу принять ваши условия и потому считаю, что мне лучше поскорее вернуться в город.

Она заметила, как Барсков весь как-то сник, услышав ее слова. Но он умел держать удар. Немного помолчав, он сказал с достоинством:

– Воля ваша. Не буду притворяться, что это решение меня не огорчает. Я очень надеялся, что вы сможете мне помочь. Но слово свое я сдержу. Машина будет готова через десять минут.

Он кивнул ей, и Анна покинула кабинет. На душе у нее было мерзопакостно. Погруженная в свои невеселые мысли, она быстро миновала белую гостиную, холл, вышла на крыльцо, спустилась по ступеням во двор и медленно пошла по извилистой дорожке, отрешенно глядя на огненно-красные цветы.

Задумавшись, она отошла довольно далеко от дома. Ей показалось, что она почувствовала чей-то взгляд. Анна быстро обернулась. На дорожке позади нее никого не было. Она перевела взгляд на дом и в одном из окон второго этажа действительно увидела силуэт человека. Зрение у Ани было паршивое, и с такого расстояния она не могла определить – мужчина это или женщина. Человек, увидев, что она заметила его, не стал прятаться, точно знал, что она все равно не сможет его разглядеть. Одно было ясно – это не Барсков. Тогда кто же? Кому захотелось проследить за тем, как она покинет это место? Холодной блондинке? Или человеку со шрамом? А может, кому-то еще? Кого-то очень беспокоил ее приезд. Анна кожей чувствовала, что это так.

Внезапно она услышала шум и крики, доносящиеся откуда-то слева. Из-за высоких кустов георгинов она не видела, что там происходит. Но голос звучал испуганно, и она, забыв про человека в окне, бросилась вперед.

Девушка выбежала на открытую площадку в тот самый момент, когда туда же с другой стороны вылетел огромный жеребец. Конь был черен как ночь, грива его была длинна и перепутана. И он несся прямо на нее. Человек в зеленом комбинезоне, тяжело дыша бегущий следом, истошно завопил от ужаса, понимая, что еще секунда – и конь просто раздавит неожиданно появившуюся девушку.

Анна это тоже понимала. Достаточно одного удара мощного копыта – и она останется калекой на всю жизнь. Избежать столкновения не было никакой возможности.

– В сторону! Прыгай в сторону! – заорал конюх, размахивая руками.

Точно не слыша, она резко остановилась и, глядя прямо в обезумевшие глаза жеребца, протянула вперед руку с перстнем. Ее губы быстро зашевелились, нужные слова вспомнились сами собой, и черный конь... внезапно замер всего в нескольких сантиметрах от хрупкой фигурки с

развевающимися волосами.

– Молодец, хороший мальчик, хороший, – прошептала Анна, поворачивая руку ладонью кверху и протягивая ее вздрагивающему всем телом жеребцу. Конь фыркнул, разметав в стороны клочья белой пены, мотнул головой и неожиданно тоненько заржал. – Не бойся, малыш, ну, иди ко мне. Вот так, вот и умница.

Конь нервно переступил копытами, вытянул шею и коснулся мягкими губами протянутой ладони девушки. Она погладила его другой рукой по спутанной гриве, ее глаза, обращенные к лошади, приобрели необыкновенно мягкое, даже нежное выражение.

– Красивый, Опал, какой ты красивый...

– Откуда вы знаете, как его зовут? – раздалось за ее спиной. Анна обернулась, продолжая поглаживать коня. Рядом с ней стоял Барсков, он выглядел удивленным.

– Его действительно так зовут? – спросила Анна.

– Да. Но вы-то как могли узнать об этом?

– Ну, вы же сами сказали, что я ведьма... – Она усмехнулась.

– Я не называл вас ведьмой...

– Да какая разница, как вы меня назвали? Суть-то одна.

– Не могу понять, как вам удалось остановить Опала. Ведь он несся прямо на вас. Я увидел это с крыльца и бросился на помощь, хотя был уверен, что вас уже ничто не спасет. Это что, тоже какая-то магия? Мне показалось, что вы что-то шептали...

– Так оно и было, – подтвердила Анна. – Заклинание.

– И что, любой, кто выучит несколько строчек в рифму, может вот так, запросто, остановить взбесившегося жеребца?

Анна рассмеялась. Опал недовольно фыркнул, но не сделал попытки отойти от девушки.

– Выучить можно, – с насмешливой улыбкой кивнула она. – Но если вы в последний момент что-нибудь перепутаете или забудете – даже одно слово – лошадь раздавит вас в лепешку. Такие случаи бывали. Так что пробовать не советую.

Водитель посигналил, сообщая, что машина готова. Анна неохотно оторвалась от коня и сказала, подавив вздох сожаления:

– Ну, мне пора. Прощай, Опал. Всего доброго, Александр Федорович.

Она повернулась, чтобы идти к машине.

– Подождите! – остановил ее Барсков. – Вы, я вижу, очень любите лошадей. У меня есть новое предложение: если вы останетесь и будете работать на меня, то сможете пользоваться моей конюшней в любое время.

Анна замерла. Она действительно любила лошадей до безумия. Эта любовь началась много лет назад, когда ее, сопливую еще девчонку, отправили на каникулы в деревню. Там имелись лошади, хотя от тяжелой работы они выглядели не лучшим образом. Но Анна, впервые увидевшая вблизи живого коня, была зачарована и с тех самых пор целыми днями торчала на конюшне. Конюхи, вечно пьяные деревенские мужички, скоро привыкли к ней и не прогоняли. Анна была счастлива. Она помогала ухаживать за лошадьми, кормила их, чистила, не обращая внимания, что ее одежда насквозь пропиталась конским потом.

Однажды, находясь в хорошем настроении по поводу приобретенной по случаю бутылки дешевого самогона, конюх Вася предложил бойкой девчонке:

– Хочешь прокатиться?

– А можно?

– Да запросто. Вон, бери Графа и езжай. Только седла я тебе не дам. Да Граф смирный, не сбросит.

Конь, носящий гордое имя Граф, на самом деле был полуслепым серым в яблоках меринком, но Ане он казался самым прекрасным скакуном на свете. Не помня себя от счастья, она подвела мерина к поленнице, с ее помощью вскарабкалась на широченную спину и легонько сжала его бока пятками. Покачиваясь, точно большой корабль, Граф тронулся медленным шагом. Конюх, посмотрев ей вслед, хихикнул, но Аня его даже не услышала.

Наконец-то она ехала верхом! Ей хотелось визжать от восторга. Она забеспокоилась только тогда, когда поняла, что коняга везет ее напрямиком в санаторий. Он находился неподалеку от конюшни, и Граф, который возил туда воду, мерно вышагивал по знакомому маршруту. Анна совсем не собиралась ехать в санаторий, она попыталась развернуть коня в обратном направлении, но без уздечки это было непросто.

– Стой, ну стой же! – жалобно просила Аня, дергая коня за жесткую гриву, но тот не обращал никакого внимания на почти невесомую всадницу, как не обращал внимания на назойливых мух.

Ей все же удалось уговорить его остановиться перед самыми воротами в санаторий, но сразу же возникла другая проблема. Теперь мерин встал как вкопанный и, похоже, не собирался трогаться с места. Аня не могла слезть с него, а двигаться дальше он не желал ни в какую. Чего только она не делала: просила его, уговаривала, колотила пятками, даже подпрыгивала, но Граф продолжал стоять, вяло помахивая хвостом и пощипывая травку.

Неожиданно Ане пришла в голову блестящая идея: она дотянулась до

ветки орешника, отломила тонкий прутик и легонько шлепнула коня по спине. От такой наглости Граф оторопел. Он послушно развернулся на узкой тропинке и резво потрусил обратно. Завидев впереди знакомые ворота конюшни, хитрюга попытался завернуть туда, но Аня снова шлепнула его веточкой и конь повернул к реке.

Решив отделаться от странной всадницы раз и навсегда, Граф бросился в реку. Аня завизжала, выронила прутик, вцепившись обеими руками в жесткую гриву, и зажмурила глаза от страха. Но конь вовсе не собирался топиться. Он зашел в воду по брюхо и снова замер. Положение было хуже не придумаешь. О том, чтобы теперь слезть с коня, не могло быть и речи, прутик она потеряла. Оставалось только сидеть и ждать, когда Графу надоест принимать ванну и он сам выберется на берег. И Аня сидела. Время от времени она делала слабые попытки договориться с упрямым мерином, но он никак не реагировал. И вдруг...

По реке ходили «Ракеты» и «Метеоры». Должно быть, кто-то из матросов заметил странную картину: стоящую в воде лошадь и жалкую фигурку девчонки, елозившей у нее на спине.

– Но-о-о-о!!! – разнесся над рекой чей-то голос, многократно усиленный мегафоном. – Но-о-о-о!!!

И конь среагировал! Он шарахнулся в сторону и резво выбрался на берег, неся на спине замерзшую в холодной воде всадницу. А над рекой разносился чей-то веселый смех.

Потом у Анны были другие лошади, она научилась прекрасно держаться в седле, впрочем, прекрасно обходилась и без него. Она пользовалась любой возможностью, чтобы проехаться верхом. Ее самой заветной мечтой стало иметь своего собственного коня. Это была несбыточная, но такая красивая мечта...

– Ну что, Анна? – вывел ее из воспоминаний настойчивый голос Барскова. – Вы не передумали?

– Кажется, я начинаю понимать, как вам удается добиваться потрясающих успехов в бизнесе, – сказала Анна, покачав головой. – Вы правильно рассчитали. Теперь я останусь.

Глава 8

– Я рад, что сумел вас переубедить, – сказал Барсков, и в его голосе послышалось нескрываемое облегчение. – Мне бы очень хотелось ввести вас в курс дела как можно скорее, но я понимаю, что вы очень устали. Кроме того, я думаю, вам нужно сначала взглянуть на всю картину непредвзятым взглядом. За ужином у вас будет такая возможность. А пока вы можете отдохнуть, если захотите – покатайтесь верхом. Денис поможет вам выбрать подходящую лошадь.

– А могу я взять Опала? – спросила Аня, с любовью глядя на черного коня.

– Опала? Вы уверены? – Барсков, слегка нахмурившись, бросил вопросительный взгляд на парня в комбинезоне. Тот смущенно топтался в стороне, понимая, что за допущенную оплошность его по головке не погладят. Сейчас он решил воспользоваться случаем, чтобы как-то загладить свою вину.

– Только не Опал! – авторитетно вставил он. – Это черт, а не жеребец. Никакого с ним сладу. Он даже еще не объезжен до конца. Сбросит вас – и все дела. А мне потом отвечать.

– Вот видите, – повернулся к Ане хозяин. – Выберите любую другую лошадь.

– Не хочу показаться назойливой, но мне бы очень хотелось попробовать Опала, – мягко, но твердо сказала Анна. Она была уверена, что получит то, о чем просит. Барскову требовалась ее помощь, и это давало ей некоторое преимущество. Что касается строптивого нрава жеребца, то она не боялась его, она понимала это сильное, гордое животное и чувствовала, что Опал отвечает ей взаимностью.

– Будь по-вашему, – согласно кивнул Барсков. – Берите Опала. После того, что я только что видел, уверен – вы с ним справитесь.

Анна улыбнулась и потрепала жеребца по холке.

– Спасибо, я с радостью воспользуюсь вашим гостеприимством.

– Денис, оседлай его, – велел Барсков. – И постарайся обойтись без новых сюрпризов. А вам, Анна, придется вернуться в дом, горничная покажет вам вашу комнату и принесет перекусить.

Они пошли по дорожке обратно к коттеджу. Опал тоненько заржал, вытянув вслед ей голову.

– Я вернусь, – пообещала Анна, оборачиваясь.

В холле их уже поджидала горничная, молоденькая девушка с глуповатым, но добрым лицом. Сейчас она выглядела испуганной, и Анна поняла, что девушка видела то, что произошло во дворе. Отлично, слуги здесь любопытные, а это может ей пригодиться.

– Маша, проводите Анну Владимировну в ее комнату, – сухо сказал Барсков. Потом обратился к Анне, и голос его стал немного мягче. – Мы ужинаем рано, в шесть часов, так что я попрошу вас вернуться с прогулки к этому времени.

Анна кивнула. Почему-то ей показалось, что это предупреждение больше похоже на приказ, но она решила не придавать значения мелочам.

Вместе с Машей Аня поднялась на второй этаж. Ее комната была очень уютной, хотя оформлена довольно просто, в так называемом кантри-стиле: деревянные кровать и небольшой шкаф в углу, письменный стол и несколько плетеных кресел с разноцветными подушками того же цвета, что и ситцевые занавески на окне. Вся эта обманчивая простота стоила больших денег. Вот, например, такое кресло она заметила недавно в магазине. Когда Аня увидела его цену, то подумала, что кто-то из продавцов нечаянно приписал парочку лишних нулей.

– А где ваши вещи? – наивно спросила Маша, косясь на скромный пакет в руках Ани.

– Сгорели, – просто ответила девушка.

Горничная хихикнула, думая, что гостья шутит, но Аня пояснила:

– В гостинице, где я остановилась, ночью вспыхнул пожар. Я выбралась, а сумка с вещами осталась в номере.

– Какой ужас! – всплеснула руками Маша. Выражение страха, мелькнувшее в ее глазах, было столь явным, что Анна насторожилась. Конечно, то, что произошло с ней прошлой ночью, – ужасно, но к этой милой девочке происшествие не имеет никакого отношения. Такие, как она, реагируют на подобные новости весьма бурно, но ими руководит, скорее, любопытство. А Маша испугалась по-настоящему. Почему?

Девчушка смотрела на Анну во все глаза, ей очень хотелось поболтать с гостьей, но она побаивалась. Аня решила ей немного помочь. Она попросила принести горячего чая. Пить хотелось ужасно, и чай был бы весьма кстати.

Когда Маша вернулась с подносом, на котором стояло все необходимое, включая аппетитные бутерброды с курицей, Аня предложила девушке разделить с ней этот импровизированный обед. Маша покраснела. Очевидно, в этом доме было не принято фамиллярничать с прислугой, но Анна и не привыкла к наличию прислуги, девушка ей понравилась, и она

надеялась узнать у нее что-нибудь интересное, завязав разговор.

От чая Маша категорически отказалась, зато согласилась просто посидеть рядом, чтобы составить компанию.

– Давно вы работаете здесь? – спросила Анна, с наслаждением отпив несколько глотков чая из чашки.

– Не очень, – с готовностью откликнулась горничная, – года два, наверное.

– Дом большой. Много народу здесь живет? – продолжала расспрашивать Аня.

– Постоянно – только хозяин с хозяйкой. Гости бывают, но редко. А в последнее время и вовсе никто не приезжает. Из чужих, я хочу сказать.

Анна отметила эту фразу. Раз есть чужие, значит, имеются и свои. Интересно, кто же это? Но спрашивать в лоб она побоялась. Девушка отчего-то погрузилась, как будто вспомнила о чем-то неприятном. Анна терпеливо ждала, когда она захочет продолжить разговор. Но Маша молча теребила кружевную передник, стараясь не смотреть на Анну. Та сделала еще одну попытку:

– Вам здесь нравится? – спросила она.

Маша пожала плечами.

– Нормально. Хозяйка, конечно, не сахар, а что до хозяина, так он нас и не замечает, пока нос к носу не столкнется. Платят, правда, хорошо.

– Хозяйка – это высокая блондинка? – уточнила Аня.

– Она, – скривилась Маша. – Строит из себя невесть что, можно подумать, что она по крайней мере маркиза какая-нибудь, а на самом деле у нее ни роду ни племени. И имя себе придумала – Сандра! – Маша презрительно фыркнула.

– Значит, мне предстоит сегодня ужинать с господином Барсковым и его женой, – задумчиво протянула Анна.

– Нет, еще Демин наверняка пожалует. Ну, и сын Александра Федоровича, Гера, он недавно как раз приехал.

– У Барскова есть сын? – почему-то удивилась Аня. Сандра показалась ей еще молодой, не больше двадцати пяти, а сынок, похоже, уже взрослый, раз способен приезжать и уезжать самостоятельно.

– Это от первого брака, – объяснила Маша. – Ему уже тридцать.

При упоминании о Германе Маша почему-то зарделась и смущенно шмыгнула носом. Аня решила, что на первый раз она получила достаточно информации. Если понадобится, она всегда сможет разговорить болтливую горничную, а пока, если честно, Анна и сама толком не знала, что именно ее интересует.

Быстро покончив с бутербродами, Аня собралась отправиться в конюшню, чтобы поближе познакомиться с великолепным Опалом, но в самый последний момент вспомнила, что у нее нет подходящей одежды. Брюки, которые она получила от Барскова, ей очень велики, а других попросту нет. Ладно, – решила она, – если подвязать их чем-нибудь и сверху прикрыть свитером, то получится вполне сносно. Аня окликнула Машу, которая, подхватив поднос с посудой, была уже у самой двери:

– Машенька, не могли бы вы принести мне какой-нибудь поясок, или хотя бы веревку?

– Зачем?

– Брюки подвязать, чтобы не свалились, – честно ответила Аня. – Мои вещи пропали, и господин Барсков презентовал мне кое-какую одежду, но ошибся в размере. Мне нужны брюки для поездки верхом, а они велики.

Маша хихикнула и заявила:

– Вережка вам ни к чему. Сюда раньше часто приезжали гости, чтобы покататься на лошадях, и у нас есть большой выбор одежды для верховой езды, всех размеров. Я вам принесу. – Она окинула Анину фигуру быстрым оценивающим взглядом. – У вас сорок четвертый?

– Вроде бы.

– Я сейчас.

Всего десять минут спустя Анна уже спешила по направлению к конюшне в новеньких эластичных брючках и наброшенной поверх свитера ветровке. Опал, уже оседланный, приветствовал ее ржанием. Анна прихватила с собой кусочек хлеба с солью, конь с благодарностью принял угощение.

Аня вскочила в седло и тронула поводья.

– Вы там поосторожнее с ним, – напутствовал ее конюх.

– Не волнуйтесь. Мы с ним поладим, – улыбнулась она.

– Хорошо, если так. Но с тропинки не сворачивайте и возвращайтесь до того, как стемнеет.

– У вас что, водятся дикие звери? – попробовала отшутиться Аня.

– Нет, звери не водятся, зато есть кое-что похуже, – мрачно ответил конюх. Хлопнув жеребца по крупу, он резко развернулся и быстро пошел прочь.

Выехав за ворота, они свернули на широкую, хорошо утоптанную тропинку, ведущую в глубь леса. Опал вел себя великолепно. Чуткое животное реагировало на малейшее движение всадницы. Дав ему время привыкнуть к себе, Анна направила его сначала рысью, а потом и легким галопом. Она чувствовала себя счастливой, вдыхая полной грудью терпкий

аромат прелых листьев.

Неожиданно они выскочили из леса на открытое пространство. Аня слегка натянула поводья, и конь послушно замер. Зрелище, открывшееся ее глазам, было поистине прекрасным. Все пространство до самого горизонта было дымчато-сиреневым и голубым.

Анна спрыгнула с лошади и попробовала идти пешком. У нее создалось впечатление, что она идет по тончайшей сети над бездной. Так переплетена была трава, так густа и девственно-нетронута. Она дышала под каждым шагом, словно живая. Неужели это и есть болота? Должно быть. Какая обманчивая красота! Красота, скрывающая смертельную опасность. Анна залюбовалась тончайшими желтовато-зелеными стеблями каких-то растений с дымчатыми соцветиями и сочной нежно-зеленой травой, кажется, она называется мокрицей и растет не только на болотах, но и в любых влажных местах.

Опал неожиданно дернулся и бросился в сторону. Анна едва успела заметить быстрое скольжение темного длинного тела у себя под ногами. Под покровом трав скрывалась ядовитая болотная гадюка...

В мгновение ока Анна взлетела в седло. Опалу не понадобилось дополнительной команды, чтобы броситься прочь от опасного места. Анна вспомнила предостережение конюха. Должно быть, он имел в виду именно ядовитых змей, когда советовал не сходить с хоженных троп. Впредь она постарается быть осторожнее.

Она вернулась в коттедж в половине шестого, и ей едва хватило времени, чтобы переодеться и спуститься в столовую к ужину.

Анна подумала, что эта столовая, скорее всего, носит название «малая», за круглым столом едва ли могли разместиться больше шести человек. Сейчас их было и того меньше. Барсков и его жена находились в компании весьма упитанного молодого человека. Возраст полных людей определить всегда труднее, гостю могло быть и тридцать, и все сорок, поэтому Анна осталась в неведении относительно того, кто перед ней – сын Барскова или другой, кажется, Демин. Помнится, Барсков придавал этому ужину какое-то особое значение, полагая, что Анна сможет со стороны увидеть что-то важное. Похоже, он считал кого-то из присутствующих опасным. Но кого? Свою жену? Или этого молодого человека? Анна скользнула по нему взглядом. На злодея тот определенно не тянул, но его манеры отдавали фальшью. Рот был натренирован улыбаться по поводу и без повода, а преданный взгляд, направленный на Барскова, казался притворным.

Барсков приветствовал Аню дружеской улыбкой. Остальные

ограничились холодными кивками. Анна направилась к свободному стулу справа от Сандры и уселась за стол. Сандра была одета в сильно декольтированное платье, очень похожее на вечернее, мужчины – в строгие костюмы. Так-так, здесь играют в высшее общество и переодеваются к ужину, прямо как в благородной Англии. Забавно, если не считать, что сама Аня все в той же юбке и свитерке, что и утром, выглядела за столом белой вороной.

Аня старалась не особенно расстраиваться по этому поводу. Гораздо больше ее интересовали блюда на столе: она очень боялась прозевать тот момент, когда ей станут предлагать лягушачьи лапки, чтобы вовремя отказаться от сомнительного угощения. Ничего похожего на внушающее ей горячее отвращение блюдо она не обнаружила и вздохнула с облегчением.

– Анна, вы еще не знакомы с моей женой? – спросил Барсков.

– Мы встречались утром в гостиной, – ответила Анна, заметив, как Сандра недовольно поджала губы. Ей удалось быстро совладать с собой, и через секунду она уже любезно улыбалась гостю.

– Молодой человек рядом со мной – мой деловой партнер и правая рука, – продолжал хозяин.

– Демин, Яков Евсеевич, – произнес тот, обнажив в широкой улыбке отлично сделанные зубы. Ане захотелось зажмуриться при виде их неестественной белизны.

– Я надеялся, что смогу познакомить вас с моим сыном, но он не пришел к ужину. Кстати, Сандра, ты не знаешь, где его носит?

– Понятия не имею. Скорее всего он решил, что ничего интересного на ужине не предвидится, и удрал куда-нибудь повеселиться. На мой взгляд, он поступил разумно.

Анна усмехнулась. Цыпочка не особенно выбирает выражения. У нее не хватает выдержки, чтобы скрыть свое раздражение по поводу появления в доме Анны. Интересно, что ее так напугало? Быстрее бы узнать, зачем Барсков устроил весь этот спектакль. Окружение у него еще то. Как он их только терпит. Один другого краше. Представляю, что за птица этот наследничек. Если бы не Опал, послала бы я вас всех подальше...

Как живая иллюстрация к ее невеселым мыслям, в комнату бесшумно скользнул человек со шрамом. При искусственном освещении его уродство еще сильнее бросалось в глаза. Сидевшие за столом не обратили на его появление никакого внимания, но у Анны вдруг пропал аппетит. Надо сказать, кормили здесь довольно паршиво. Еда была дорогая, но плохо приготовленная. Слишком много экзотики вроде сыра с плесенью. Анна предпочла бы простой кусок холодной курицы или, на худой конец,

жареную картошечку.

Остальные тоже ели без удовольствия. То ли потому, что еда не нравилась, то ли присутствие Анны портило им настроение. Последнее легко было поправить. Отложив вилку, Анна вежливо поблагодарила за ужин и попросила разрешения уйти в свою комнату, сославшись на усталость. Никто не стал ей возражать, и она смылась, почувствовав огромное облегчение, когда за ней захлопнулась дверь ее комнаты.

Глава 9

Анна долго не могла заснуть. Ей показалось, что она только успела закрыть глаза, а ее уже трясли за плечо, и довольно бесцеремонно.

– В чем дело? – недовольно проворчала она, пытаясь проснуться. – Опять пожар?

– Анна Владимировна, просыпайтесь. Через час вас ждет Александр Федорович, – сообщил голосок горничной Маши.

– Как через час? – вскочила Аня. – А сейчас сколько?

– Уже восемь. В одиннадцать за ним придет машина с фабрики, а в девять он просил вас быть у него в кабинете.

Анна недоуменно хлопала глазами. За окном стояло серое, хмурое утро, вылезать из теплой постели не хотелось, но она приняла предложение Барскова, и хочется ей или нет, а через час она предстанет пред его очами в полной боевой готовности.

– Я принесу вам завтрак сюда, если не возражаете.

– Хорошо. Если не трудно, то пусть это будет крепкий кофе.

– Конечно, – улыбнулась Маша.

Когда она принесла завтрак, Аня уже успела умыться и одеться. Теплее не стало. Из-за густого тумана в комнате было сыро. Только после чашки крепкого ароматного кофе она немного согрелась.

Как и собиралась, ровно в девять она стояла перед дверью в кабинет Барскова. Она хотела постучать, но дверь резко распахнулась, из кабинета стремительно вышел молодой высокий красавец, похожий на цыганского барона. Едва не сбив Анну с ног, он в последнюю секунду остановился, окинул ее насмешливым, наглым взглядом и сказал, растягивая слова:

– Так-так-так, принцесса черной магии собственной персоной. Готовитесь вступить в героическую схватку с ведьмами и демонами?

– Разве мы с вами знакомы? – холодно спросила Анна.

– Еще нет. Но я хотел успеть до того, как вы исчезнете в клубах черного дыма. Меня зовут Герман. Слышали о таком?

– Теперь слышала, – отрубил Аня и попыталась обойти его, чтобы войти в кабинет. Парень смотрел все так же насмешливо и зло, он не собирался посторониться, чтобы дать ей дорогу.

– А мой отец не настолько выжил из ума, как мне казалось. Ты просто красотка. Какие волосы, а глаза, а губки...

– Продолжать не стоит. Ты сказал достаточно, – спокойно произнесла

Анна. Герман казался ей отвратительным. Именно из-за таких, как он, и возникла ее неприязнь к мужчинам. Нет, она не была воинствующей феминисткой. Она была женщиной до мозга костей, а вся ее нелюбовь сводилась к тому, что она старалась по возможности избегать с мужчинами близких отношений, в какой бы то ни было форме. Сейчас она была в ярости, но скорее позволила бы отрезать себе язык, чем показала бы этому хаму, что он разозлил ее. Она разберется с ним, но позже...

Герман открыл было рот, чтобы сказать что-то, но она протиснулась мимо него и проскользнула в кабинет, прежде чем он успел издать хотя бы звук.

Барсков, сидевший за своим рабочим столом, выглядел так, словно не спал всю ночь. Вокруг его глаз залегли черные круги, морщины стали глубже. Он предложил Анне сесть и спросил без предисловий:

– Вы видели Германа?

Анна кивнула.

– И что вы о нем думаете?

– Я должна сказать правду или могу промолчать?

– Говорите. В любом случае я не узнаю ничего нового.

– Хорошо. Ваш сын – наглый, избалованный, распущенный тип, и, похоже, он очень себе нравится в этом качестве. Я что-нибудь упустила?

– Нет. Все правильно, – мрачно усмехнулся Барсков. – Удивительно точная оценка.

– Мне жаль, если я огорчила вас.

– Меня огорчили не вы, а мой сын. Он полнейший мерзавец. Такого бессердечного, расчетливого негодяя еще поискать. Он пакостит везде, где появляется, и проматывает деньги, едва успев их заработать.

Анна молчала. Ей просто нечего было сказать. Если Герман действительно таков, каким его представил отец, то никакие слова сочувствия тут не помогут. Да он и не ждет их от нее. А вот чего он ждет, она сейчас узнает.

– Мне кажется, вы хотели объяснить мне, зачем вам понадобилась моя помощь и почему вы уверены, что это в моих силах, – мягко напомнила она.

– Конечно. Я объясню вам. Хотя разговор будет трудным. Чтобы вы поняли, в чем дело, мне придется начать издали...

Александр Федорович действительно родился за границей, хотя и мать, и отец его были чистокровными русскими.

Его дед слыл крупным специалистом в области экономики и сельского хозяйства. Услугами Барского не брезговали даже при дворе. Большевики,

придя к власти, с удовольствием воспользовались его знаниями и опытом, он стал международным экспертом по продаже леса, но, несмотря на все свои заслуги, оставался под подозрением. Скорее всего, новой власти не давало покоя то, что он был умен, богат и независим. Чтобы избежать ареста, старший Барсков вместе с женой и сыном Федором бежал из России вскоре после революции. Они осели в Англии. Там тоже нужны были хорошие специалисты в области экономики, и семья вела безбедную жизнь. Сын Федор пошел по стопам отца – тоже стал крупным экономистом, женился на русской эмигрантке. Родились сыновья. Александр был младшим. Так уж случилось, что вся родительская любовь досталась первенцу, Михаилу. Ему же предстояло стать и главным наследником отцовского состояния. Таковы английские законы.

Тем не менее оба мальчика получили прекрасное начальное образование в престижном английском колледже. Старший, Михаил, продолжил образование в Англии, а вот младшего решено было отправить... в Россию. Отец, ослепленный любовью к старшему сыну, не верил в способности младшего, он вообще считал его недалеким маменькиным сыночком. Как бы там ни было, а в шестнадцать лет Саша отправился на родину предков, которую воспринимал как чужую, незнакомую и враждебную страну.

Было это тридцать пять лет назад.

К чести отца Сашеньки надо признать, что он употребил все свои связи, чтобы пристроить сына в учебное заведение, единственное на всю страну, где учились дети элиты, которым после окончания учебы была обеспечена престижная работа и многочисленные льготы. Как предполагал Александр, у отца были связи с разведкой.

Поначалу Александру пришлось туго. Он скучал по своим родным, его знание русского языка оставляло желать лучшего, над его забавными речевыми оборотами потешались все ученики. Но постепенно он втянулся, у него появились друзья. Эти три друга остались у него на всю жизнь. Именно они помогли ему пережить страшную трагедию, случившуюся двадцать лет назад...

Федор Барсков всегда мечтал вернуться на родину, и когда Александр крепко стал на ноги, вся семья, включая старшего брата, решила навестить его. Но до Москвы они так и не доехали. Корабль, на котором они переправлялись на материк, затонул, и вся семья Барскова погибла. В живых остался только Фрэнк, камердинер отца, которого Александр помнил еще мальчишкой, – Фрэнк был всего на пять лет старше самого Александра.

Александр пережил тяжелое потрясение, когда его вызвали для опознания тел его родных. Фрэнк тоже пострадал, он потерял память от страшной травмы головы, с тех самых пор у него на лбу остался этот уродливый шрам.

После гибели семьи Александр в одночасье стал очень богатым человеком, он мог, если бы захотел, вернуться в Англию, но он остался в России. Теперь его ничто не связывало с далекой страной, где прошли его детство и юность. А здесь, в России, у него были три верных друга.

Ему повезло, он сумел приумножить отцовский капитал, несмотря на многочисленные катаклизмы нашей родной экономики. До недавних пор он чувствовал себя счастливым человеком, но все изменилось...

– Что же произошло? – спросила Анна, заметив, что Барсков неожиданно замолчал. – Вы рассказали мне о своем прошлом, но я так и не поняла, что беспокоит вас в настоящем.

– Дело в том, что за последний месяц я потерял всех трех друзей, с которыми был связан тридцать пять лет.

– Это ужасно, но ничего не объясняет.

– Наберитесь терпения. Сейчас вам все станет ясно. Первым пострадал Дима Чумаков. Он был любимцем женщин. Известный актер, вы наверняка видели фильмы с его участием. Он был женат на прекрасной женщине, но не мог удержаться от легких интрижек на стороне. И вот месяц назад он приехал навестить меня. Мы часто встречались, он даже прикупил неподалеку домик и всегда останавливался там. Не то чтобы он не хотел останавливаться в моем доме, просто он пользовался этими визитами, чтобы немного поразвлечься. Я хорошо относился к его жене, но Дима был моим другом, и я закрывал на все глаза. В этот раз он снова приехал без жены, зато в сопровождении очередной смазливой девицы из числа его многочисленных поклонниц. Девицу звали Жанна. На третий день, после ужина у нас, Дима вместе со своей пассией отправился в свой домик. А ночью он зарезал ее прямо на лужайке перед домом. Кто-то вызвал милицию. Дима и не думал оказывать сопротивление. Он был в шоке и только твердил, что он этого не делал.

– А может, и правда не делал? – спросила Анна.

– К сожалению, несколько человек оказались свидетелями этого дикого убийства. Даже мои связи и деньги были бессильны перед неопровержимыми доказательствами. Дима, кажется, немного тронулся умом после этих событий. Он нес какую-то ерунду о двойниках и по-прежнему отрицал свою вину. Разумеется, никто не принимает во внимание его слова, да его признания и не требуется. Свидетельских показаний

вполне достаточно.

– Странная история, – задумчиво проговорила Анна. – Вы замечали раньше за своим другом садистские наклонности?

– В том-то и дело, что нет. Он был само обаяние. Очень мягкий, добрый человек. Но слушайте дальше. Через две недели погиб мой второй друг, Глеб Кутько, весьма богатый человек. Он утонул.

– И что в этом удивительного?

– Все. Он панически боялся воды, понимаете? В детстве он выпал из перевернувшейся на середине реки лодки, нахлебался воды и с тех пор не мог даже просто войти в нее. Хотя дом построил у озера.

– Зачем?

– Он очень стыдился своего страха. И надеялся, что, живя возле воды, сможет побороть его. Но так и не смог. Он даже в комнату, выходящую на озеро, не входил. А в ту ночь оказался на его середине.

– Возможно, его утопили? У него были враги?

– Были, но не такие, чтобы пойти на убийство. Кроме того, он был совершенно один в доме. Участок пляжа перед его коттеджем огорожен, никто из посторонних не мог проникнуть на территорию.

– Замечательная картина вырисовывается.

– Куда уж лучше, – кивнул Александр Федорович. – Последним скончался Николай. Это произошло позавчера. Николай Хворост был хозяином той гостиницы, где произошел пожар...

Анна некоторое время молчала, пытаясь переварить информацию. Вот так дела. А ведь ей самой показалось странным поведение Хвороста той ночью, когда они столкнулись в коридоре. Да нет, ерунда какая-то. Очевидно, что это всего лишь совпадение. Почему Барсков пытается связать три случая воедино? Об этом она и решила спросить Александра Федоровича.

– Я очень вам сочувствую, – сказала она мягко. – Но должна признаться, что не вижу в этих историях никакой взаимосвязи. И тем более мне непонятно, при чем здесь магия? Ведь вы для этого меня пригласили?

– Понимаете, я внимательно изучил все обстоятельства в случаях с Димой и Глебом. Они оба совершили абсолютно невероятные поступки, как будто кто-то заставил их это сделать, влез в их мозг и руководил их действиями. Я знал их больше тридцати лет, достаточный срок, чтобы изучить мельчайшие детали характера обоих. Так вот, я с уверенностью заявляю: они не могли этого совершить! И все-таки совершили! С Димой я встречался уже в тюрьме. В то, что он говорит, трудно поверить, вам лучше услышать его самой, я организую вашу встречу, но если он говорит правду,

то она просто невероятна! Но и это еще не все. Дело в том, что после каждого происшествия, буквально в тот же день, в моем доме происходили ужасные вещи. Особенно отвратительные потому, что они напоминали пародию на то, что случилось с моими друзьями. Так, например, в ту ночь, когда Дима зарезал свою любовницу, мы обнаружили любимую собаку моей жены зарезанной в сарае. Песика звали Жан... После того, как утонул Глеб, на следующий же день, в бассейн свалился наш рабочий и утонул. Конечно, это был несчастный случай, но скажите мне, зачем человек, который не умел плавать, вообще полез к бассейну? И, наконец, позавчера в моем доме загорелась одна из комнат. В тот самый момент, когда начался пожар в «Паруснике». А теперь, будьте добры, пойдете за мной.

Барсков поднялся со своего места и быстро направился к двери. Анна еле поспежала за ним. Они прошли по коридору и вошли в соседнюю с кабинетом комнату. Анна сразу заметила обуглившиеся клочья обоев, свисающие со стен, обгорелый ковер, черные от копоти занавеси. Но последствия пожара были не так ужасны, как то, что она увидела на стене. Крупные буквы, написанные чем-то красным, сложились в страшные слова: «ТЫ СЛЕДУЮЩИЙ».

– Впечатляет, – осторожно высказалась Анна. – Что это? Краска?

– Это кровь. Я уже проверил. Послал образец знакомому эксперту и сегодня утром получил от него результаты анализов. Никаких сомнений – надпись сделана кровью. Причем не животного, а человека.

– Интересно, кто мог написать это? Если я правильно поняла, появление незваных гостей в вашем доме полностью исключено. Значит, кто-то из своих?

– Это единственное разумное предположение. Поэтому я и хотел, чтобы вы увидели моих близких до того, как я расскажу вам о сути дела.

Анна с сомнением покачала головой:

– Совсем необязательно, что это сделали ваша жена, или сын, или партнер. Кстати, интересно, почему вы заподозрили его? Ведь вы же специально его пригласили на ужин, да?

– Да. Он в последнее время стал очень нервным. Старается это скрывать, но я чувствую такие вещи. Любой из них мог написать это ночью и поджечь комнату.

– Не так все просто. Любой из ваших слуг мог сделать это с той же легкостью.

– Но зачем?

– Ну, люди – они ведь странные. Кого-то вы отругали, кого-то не похвалили вовремя, а кому-то просто влом прислуживать кому бы то ни

было. Мы же с вами из бывшего социализма, а при социализме все равны. Многие до сих пор так и считают: лучше все одинаково бедные и голодные, чем кто-то будет богаче и заплатит тебе деньги. Даже если на эти деньги ты сможешь вести вполне сытую жизнь. Зависть...

– Нет, это невозможно, – уверенно возразил Барсков. – У меня не так много прислуги, в доме – всего четыре человека. И все они работают давно, а Фрэнка, как я говорил, я вообще знаю всю свою жизнь. Прислугу можно вычеркнуть.

– Вам лучше знать, – пожала Анна плечами. Она подошла поближе и внимательно осмотрела надпись на стене. – Давайте вернемся в ваш кабинет, если не возражаете.

– Конечно, я как раз подумал об этом.

В кабинете они сели на свои прежние места: Анна в кресло, а Барсков – за свой письменный стол.

– Итак, вы объяснили мне причину вашей тревоги. Согласна, повод поволноваться у вас был. Но я все еще в недоумении: почему вы решили обратиться ко мне, а не в милицию, например? Ничего особенно магического я в вашей истории не вижу. Налицо угроза, хорошо продуманные преступления, но колдовство?

Барсков был с ней категорически не согласен.

– Мне кажется, это проклятие. Все мои друзья пострадали из-за меня, кто-то хотел лишить меня опоры, но не для того, чтобы легче было меня уничтожить, а чтобы заставить подольше мучиться. Меня об этом предупреждали, но я не придавал значения предупреждениям, и вы видите, что из этого получилось.

– Проклятия – это что-то новенькое. Расскажите-ка мне о них поподробнее.

Глава 10

– Более двухсот лет тому назад эта земля принадлежала одному помещику. Он имел дворянское звание, но предпочитал заниматься сельским хозяйством, вдали от городской суеты. Звали его Колобейчик, такая вот забавная фамилия. Однажды ночью он отправился на поиски своих пропавших лошадей, которые не вернулись с пастбища, и наткнулся в лесу на крестный ход...

– Ночью? В лесу? – недоверчиво переспросила Аня.

– Именно так. В то время в округе свирепствовала моровая язва, и священники решили, что это дело рук нечистой силы.

– У нечистой силы нет рук, – машинально поправила его девушка.

– Какая разница? Главное, что, увидев одинокого человека в лесу, они решили, что Колобейчик и есть колдун, виновник страшной эпидемии. Они разделались с ним прямо на месте, сожгли живьем, после страшных пыток.

– А позже, конечно, выяснилось, что он тут ни при чем?

– Как вы догадались?

– Иначе и быть не могло. Неужели колдун, способный вызвать эпидемию моровой язвы, так вот запросто угодил бы им в руки, да еще во время крестного хода! Идиоты, они убили невинного. После таких ошибок и появляются слухи о привидениях.

– Совершенно верно. Этой легенде больше двух сотен лет и столько же – привидению, которое якобы живет в этих местах: окровавленный человек с обрубками вместо рук.

– Они ему что, руки отрубили?

– Да, легенда гласит именно так. После смерти Колобейчика его земля переходила из рук в руки, прошу прощения за каламбур, но никому здесь не было покоя. Владельцы гибли один за другим, дома горели. Так продолжилось до тех пор, пока в конце девятнадцатого века один купец не построил здесь каменный дом, коробку которого я сохранил. Сам купчишка умер спустя полгода после окончания строительства, но дом остался. В нем пытались разместить то одно, то другое, но проку не было, без постоянного хозяина дом обветшал. Когда я решил купить этот участок, дом походил на руины, пришлось отстраивать его почти заново. Но дело не в этом. Мне говорили, что это место несчастливое, но я считал это глупыми сказками. И действительно, первые два года все было нормально. А теперь случилось вот что...

– Вы на полном серьезе считаете, что за вами охотится призрак этого Колобейчика? – не веря своим ушам, спросила Аня. У нее в голове не укладывалось, что этот жесткий, трезвомыслящий бизнесмен всерьез разглагольствует о потусторонних мстителях. А он был совершенно серьезен в своем убеждении, иначе не стал бы обращаться к ней.

– Странно, что этот вопрос задаете мне именно вы, – нахмурился Барсков, слегка постукивая по столу пальцами.

– А что тут странного?

– Ну вы же, Анна, как никто другой, должны верить в существование сверхъестественного. По этой причине я и пригласил именно вас, в милиции, заикнись я о призраках, меня бы подняли на смех и предложили бы обратиться к психиатру. Даже вы мне не верите.

– Почему же. Верю. Особенно в привидение. Но заявляю со всей уверенностью, что оно не могло стать причиной трагических случаев с вашими друзьями. Привидение не может столкнуть человека в воду и тем более не может зарезать женщину. Привидение – это бесплотный дух, фантом, понимаете? Вы его видите, но и только. Кроме того, привидение привязано к какому-то конкретному месту, оно не может шлаться, где его душа пожелает. А ваши друзья пострадали довольно далеко от этого места, не так далеко для вас или для любого другого человека, но для привидения это расстояние непреодолимо.

– Но если вы правы, то я, по-вашему, параноик?

– Да нет, я этого не говорила. Просто у всего происшедшего должно быть другое объяснение. И их всего три: либо это дело рук человека, кстати, очень изощренного, либо это все-таки колдовство, но гораздо более мощное, чем проказы бесплотного духа, либо...

– Либо?

– Либо и то, и другое вместе.

– И вы попытаетесь разобраться?

– Попытаюсь. Есть кое-что, что наводит меня на мысль, что вы не так уж неправы, говоря о мистической природе ваших неприятностей...

До обеда оставался еще целый час, и Анна после встречи с Барсковым поднялась к себе в комнату. Она не лукавила, когда говорила о том, что верит Александру Федоровичу. Первые два случая она пока не принимала во внимание, так как знала подробности только со слов человека, которому в силу сложившихся обстоятельств трудно было быть объективным. Но пожар в гостинице – другое дело. Ей казалось, что она видела что-то странное то ли в момент пожара, то ли позже. Анне не удавалось вспомнить, что именно она видела, и это ее тревожило и злило ужасно. Она

провела весь этот час в бесплодных раздумьях и спустилась в столовую в дурном расположении духа.

Вид Сандры, одиноко сидящей за столом с постным выражением на лице, не прибавил Ане приятных эмоций. Поза красотки напоминала тщательно зазубренный урок хороших манер: прямая спина и сложенные на коленях руки. Анна заподозрила, что весь этот спектакль рассчитан на нее, о том, чтобы положить ненароком локти на стол, теперь не могло быть и речи – либо изволь сидеть так же прямо, либо тебя назовут вульгарной лохушкой, не имеющей понятия о хороших манерах.

Провести весь обед в позе замороженного терминатора Ане не улыбалось, но есть-то надо...

Для пущего эффекта Сандре стоило бы держать рот закрытым, тогда она могла бы насладиться ролью королевской особы, вынужденной терпеть присутствие простой смертной, но ей не хватило выдержки: когда подали суп, она произнесла голосом, в котором ясно читалась едва сдерживаемая неприязнь:

– Вы, как я понимаю, приняли предложение моего супруга? Неужели вы верите во все те глупости, которые он рассказывает?

– Вы считаете, что угроза физической расправы – это глупость? – спокойно возразила Анна. Сандра поняла, что попала впросак, и прикусила тщательно подкрашенную губу.

– Я не имела в виду угрозы, не надо передергивать факты. Я говорю об истории с проклятием и прочей ерунде. Впрочем, с вами об этом не стоило и говорить. На подобном шарлатанстве вы зарабатываете деньги, и вам должно быть выгодно поддерживать в своих доверчивых клиентах веру во всякие «чудеса».

– Интересно, какую цель вы преследуете, пытаясь оскорбить меня? – поинтересовалась Анна, отправляя в рот ложку ароматного куриного бульона. – Вам очень хочется избавиться от меня, это понятно, но зачем? Почему вы меня боитесь? Или вы боитесь не за себя, а за того, кто творит все эти мерзости с вашим мужем? Вы ведь знаете, кто это делает, не так ли?

– Не стройте из себя Вольфа Мессинга, милочка! – прошипела Сандра. – Я не боюсь шарлатанов. Мне просто жаль тех денег, которые вы вытянете у моего мужа.

– А вам-то что до этого? Деньги его... – усмехнулась Анна. Ей был неприятен этот разговор, но она понимала, что должна сдержаться, а желание поставить нахалку на место было очень велико. Чтобы справиться с волнением, Аня провела рукой по волосам и заметила, как лицо жены Барскова вытянулось, она уставилась на ее руку, как будто и впрямь

увидела привидение.

Анна вопросительно подняла брови и тоже посмотрела на свои пальцы, но ничего особенного, кроме любимого перстня, там не было.

– Откуда у вас это кольцо? – сдавленно спросила Сандра. – Удивительно хорошая подделка.

– А почему вы решили, что это подделка? – искренне удивилась Анна.

– Потому, что подлинник давно утерян. Сохранилось только описание. – Она неожиданно подняла левую руку, которая до этого лежала на ее коленях, и Аня увидела точно такое же кольцо с изумрудом на ее среднем пальце. – Даже это кольцо – всего лишь копия, – пояснила женщина. – Но ваше выглядит совсем как настоящее. Так откуда оно у вас?

– Мое кольцо и есть настоящее, – ответила Аня, игнорируя последний вопрос. – Я понятия не имела, что где-то сохранилось его описание. Оно действительно было утеряно, но, как видите, нашлось.

Сандра слушала вполуха. Ее глаза были прикованы к кольцу. Неожиданно она выпалила:

– Продайте мне его.

– Вы так любите старинные драгоценности?

– Мне нужно это кольцо. Я хорошо заплачу.

– Оставьте. Кольцо не продается.

Анна отставила тарелку и поднялась из-за стола.

– Спасибо за компанию, – сказала она и пошла к выходу.

Сандра проводила ее глазами, полными ненависти.

Проходя через холл, Анна увидела на журнальном столике свежие газеты и прихватила с собой ту, что лежала с самого верха. Однако, придя в свою комнату, она поняла, что читать ей вовсе не хочется. Обитатели этого дома вели себя как-то неестественно. Не то чтобы они внушали подозрение, для этого пока не было оснований, но все они дергались в ее присутствии, как при виде зубного врача с бормашиной. И еще, если перстень с изумрудом сто лет пролежал в земле, то откуда на пальчике Сандры его копия? Кольцо было сделано в единственном экземпляре и на заказ, все ее сказки о существовании описания – бред сивой кобылы. Что-то тут не так. Стоит выяснить, что именно...

Чтобы обдумать, с чего начать копание в этой мусорной куче, Анна решила прокатиться верхом. В лесу ей никто не помешает сосредоточиться. Туман рассеялся, дождя нет, самое время для прогулки.

Аня переделась в брючки для верховой езды и поспешила в конюшню. На газету, небрежно брошенную на столик, она даже не взглянула, хотя крупные буквы заголовка бросались в глаза:

«ХОЗЯИН ГОСТИНИЦЫ СОВЕРШИЛ ПОДЖОГ, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ СТРАХОВКУ?»

* * *

Опал послушно свернул на почти неприметную тропку – сегодня Аня решила выбрать другой маршрут, ей совсем не хотелось снова повстречаться с болотной гадюкой, хотя здесь они, наверное, повсюду.

Жеребец, предоставленный самому себе, неторопливо ступал по опавшим листьям, а девушка пыталась разработать хоть какой-нибудь план действий. Она вдруг вспомнила, что не спросила Барскова, видел ли он сам легендарное привидение. Скорее всего нет, иначе обязательно сказал бы ей об этом. Стоит расспросить слуг: если они давно работают в доме, то наверняка что-нибудь видели или слышали. Анна пообещала себе, что обязательно займется этим, как только представится подходящий случай, а пока ее мысли были заняты самим Барсковым и его домочадцами. По его предположению, кто-то из них участвует в отвратительном спектакле. Вообще-то все они выглядят довольно подозрительно, и Герман, вечно нуждающийся в деньгах, и холодная, высокомерная Сандра, даже Фрэнк не внушал ей доверия, хотя она и понимала, что в отношении него рассуждает предвзято, не все же люди с отталкивающей внешностью – преступники.

Тем не менее, пока что у нее не было никаких конкретных фактов, доказывающих явную вину кого-то из этой славной семейки. И начать ей следует с другого конца. Погибли двое друзей хозяина дома, третий влип в отвратительную историю, которая, пожалуй, будет хуже смерти. Нужно попытаться отыскать связь между друзьями Барскова и членами его семьи. Да и разобраться получше во всех трех историях не мешает. Отсюда этого не сделать, придется съездить на место происшествия. Начать она решила с утонувшего Кутько. Завтра она отправится в его домик у озера, а там, глядишь, и придет в голову какая-нибудь достойная идея.

Опал внезапно занервничал, он принялся трясти головой и пританцовывать на месте. Очнувшись от своих мыслей, Анна с удивлением обнаружила, что они оказались на аккуратно заасфальтированной дорожке, уходящей далеко в обе стороны. Но жеребец испугался отнюдь не асфальта. Присмотревшись, Аня увидела быстро приближающееся к ним существо. Существо выглядело странно, сумерки уже сгустились, и Анна отчаянно прищурилась, пытаясь рассмотреть приземистое сооружение, резводвигающееся по дорожке. Наконец оно приблизилось настолько близко, что

стало понятно – перед ней человек в инвалидной коляске, невесть как очутившийся в этом довольно пустынном месте.

Аня придержала волнующегося жеребца, инвалид поравнялся с ними. Это был маленький, толстенький старичок, укутанный в пледы по самый нос, на котором поблескивали круглые очки. Он поднял голову, чтобы получше разглядеть ее, свет заходящего солнца отразился в толстых линзах, и вместо глаз незнакомца Анна увидела две красноватые вспышки. Ей стало немного не по себе, но она тут же одернула себя: этот старичок уж точно не похож на призрака, кроме того, в легенде ничего не говорилось об инвалидной коляске.

– Здравствуйте, прекрасная незнакомка, – весело поздоровался калека. Его голос был высоким и звонким, как у ребенка. Несмотря на то, что он сидел, Аня поняла, что и ростом он не выше полутора метров.

– Здравствуйте, – ответила Аня, пытаясь усмирить не желавшего успокаиваться жеребца. Чтобы не показаться невежливой, она быстро спрыгнула на землю, крепко ухватив Опала под уздцы. – Вам не требуется помощь? – спросила она неуверенно.

– Ах, как обидно, – запричитал похожий на гнома старичок. – Неужели я настолько жалок, что при виде меня красивая девушка думает только о том, чтобы мне помочь?

– Нет, что вы, я просто подумала... вы здесь один и... – Аня окончательно смешалась и покраснела. Но тут же поняла, что старик просто шутит. Довольный собой, он рассмеялся странным чирикающим смехом.

– Не волнуйтесь, красавица, я сам знаю, что представляю из себя. Помощь мне не требуется. Я прогуливаюсь здесь каждый вечер, так как живу неподалеку. Эта дорожка ведет напрямик к моему дому. Буду счастлив, если вы захотите навестить меня как-нибудь. Вы ведь гостите у Барсковых?

– Да, а как вы догадались? – удивилась Анна.

– Ну, это легко, – снова рассмеялся человечек. – Если не ошибаюсь, то это Опал. Второго такого красавца в округе нет. А раз вы вместе, то, стало быть, вы – гостя его хозяина. Все правильно?

– Да. Так вы тоже друг Александра Федоровича? – Анна обрадовалась неожиданному везению. Общительный старичок наверняка знает семейку ее клиента и может рассказать много интересного.

– Ну, друг – это, пожалуй, слишком громко сказано, – охладил он ее пыл, – но я хорошо знаком со всеми обитателями этого дома. Мы же все-таки соседи. Так что если будет желание – милости прошу в гости.

– Спасибо, обязательно зайду, – пообещала Анна. Она тепло попрощалась с новым знакомым, легко вскочила в седло и, помахав ему на прощание рукой, повернула коня обратно на лесную тропинку.

Только отъехав на порядочное расстояние, Аня вдруг сообразила, что старичок не представился и ее имени тоже не спросил.

Глава 11

Еще с вечера Аня предупредила Барскова, что собирается съездить в дом Кутько. Барсков одобрил ее действия, дал ей телефон и сказал, что после смерти Глеба за домом присматривает его сестра. По телефону Аня договорилась о встрече. Единственная проблема была в том, что Мария Константиновна могла принять Аню только в первой половине дня. Учитывая, что путь туда предстоял неблизкий, подниматься предстояло рано.

И вот теперь Аня, честно пытаясь побороть сон, мрачно размышляла о том, что любые удобства имеют две стороны. Взять, например, горничную. Хорошо, когда кто-то убирает за тобой постель, складывает на место разбросанные вещи, приносит завтрак на подносе прямо в спальню и выполняет любые поручения с точностью хорошо отлаженного механизма. Хотя, с другой стороны, это-то и плохо! Вот вчера Аня попросила Машу разбудить ее пораньше. Вполне разумная просьба, учитывая, что самой Ане ни в жизнь бы не проснуться в восемь утра. Зато теперь исполнительная девушка стояла столбом над ее кроватью и бубнила на одной ноте:

– Анна Владимировна, просыпайтесь, Анна Владимировна, проснитесь, пожалуйста...

Будь на ее месте будильник, Аня прихлопнула бы его подушкой и преспокойно дрыхла бы дальше, но в живого человека кидать подушкой как-то неудобно, а проснуться никак не получалось.

Вообще-то Аня была милой и вежливой девушкой, но исключительно во второй половине дня. До десяти, а лучше – одиннадцати дня она представляла собой ворчливую, отвратительно капризную соню. Однако то, что уместно в собственном доме, в гостях совершенно неприемлемо, поэтому уже на пятой минуте утренней побудки Аня заставила себя стряхнуть сон и, не открывая глаз, пробормотала:

– Все-все, я уже проснулась, пожалуйста, кофе, и очень крепкий.

Она раскрыла глаза и даже выдавила из себя улыбку. Машенька не выглядела ни обиженной, ни раздраженной. Привыкла, видать, и не к таким странностям. Она мило улыбнулась в ответ и помчалась выполнять просьбу Ани.

Кофе, похоже, был наготове. Аня едва успела принять вертикальное положение, а Маша уже вновь стояла у ее постели. На подносе благоухал бодрящий напиток в хорошеньком фарфоровом кофейнике и вкусно пахли

свежеиспеченные булочки.

Влив в себя две чашки черного кофе, Аня наконец-то почувствовала, что в голове прояснилось. Сборы не заняли много времени, гардероб был до обидного скуден. Она как раз просовывала голову в узкий ворот свитера, когда в дверь коротко постучали и кто-то вошел в комнату. Аня дернула свитер вниз и смогла увидеть посетителя. Это был Фрэнк собственной персоной.

Нельзя сказать, чтобы его появление было ей приятно, тем более что он застал ее в очень неловком положении, но Аня попыталась изобразить вежливое внимание, ожидая услышать, что привело к ней этого типа в такую рань.

Фрэнк обрадовался встрече еще меньше, чем она.

– Вы можете воспользоваться машиной, она ждет внизу, – процедил он. По его тону стало ясно, как сильно он ненавидит свои же слова. – И вот еще, возьмите немного денег. Это желание хозяина. – Он протянул тугую пачку розовых сторублевков, перетянутых красной резинкой, и скорчил гримасу. Это было последнее, что увидела Аня, так как сразу после этого Фрэнк круто развернулся и выскочил за дверь с такой скоростью, словно за ним гналась стая бульдогов. Он даже не стал дожидаться, пока Анна возьмет деньги, а просто швырнул пачку на столик у входа.

Аня озадаченно уставилась на закрытую дверь. Странный малый. Откуда такая нелюбовь? Вроде бы она не сделала ему ничего плохого. И вообще, они что, сговорились все? Неужели не понимают, что, откровенно демонстрируя свое недовольство относительно появления Ани в этом доме, вызывают только еще больше подозрений?

«Ладно, чужая душа – потемки. Обойдусь и без их любви», – подумала Аня, но все равно было немного обидно. В другом случае она обязательно отказалась бы от денег, но теперь, словно в отместку, решительно взяла их и положила в свою сумочку.

После этого она быстро оглядела себя в зеркале и вышла в коридор. Чтобы спуститься на первый этаж, ей предстояло пройти мимо больших стеклянных дверей зимнего сада. Она почти дошла до них и вдруг услышала возбужденный голос Сандры, доносящийся из-за неплотно прикрытой двери. Слов было не разобрать, но Анну удивил сам факт, что хозяйка встала ни свет ни заря и уже всю щебечет по телефону. Впрочем, щебечет – это не совсем верно. Сандра говорила быстро, явно торопясь, в интонациях проскальзывали истеричные нотки.

Аня остановилась. Она не хотела, чтобы Сандра подумала, что Анна застала ее за явно важным разговором. Поэтому она вернулась к своей

комнате, снова открыла дверь и шарахнула ею со всего маху о косяк. Она явно перестаралась, от удара ей на макушку сверху шлепнулся крошечный кусочек штукатурки. Зато Сандра услышала предназначенный для ее ушей сигнал. Голос мгновенно смолк. Проходя мимо стеклянной двери, Анна осторожно скосила глаза и обнаружила, что зимний сад пуст. Сандра успела укрыться за одним из мощных тропических растений.

Нарочито медленным шагом Аня дошла до лестницы и только тогда вприпрыжку понеслась вниз. «Так-так, – промелькнуло в ее голове, – интересно, с кем эта красавица ведет спозаранку разговоры, явно не предназначенные для чужих ушей?»

Машина стояла у крыльца. Анна забралась внутрь, поздоровалась с шофером и всю дорогу просидела молча, погружившись в размышления. Уж очень заинтересовал ее разговор Сандры. Точнее, ее таинственный собеседник...

– Вам туда, – сообщил шофер, паркуя машину неподалеку от высокого деревянного забора. – Я вас подожду здесь.

– Я постараюсь побыстрее, – заверила его Аня, чувствуя себя неловко. Вдруг машина нужна самому Барскову? Но шофер покачал головой:

– Сколько нужно, столько и беседуйте. Александр Федорович велел вам не мешать и ждать до упора, даже если вы здесь ночевать останетесь.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – улыбнулась Аня и вылезла из машины.

Калитка в заборе оказалась почему-то очень маленькой. Она была прорезана в створке ворот, предназначенных для автомобилей, но сами ворота были крепко заперты. Ане пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой. Если учесть, что открыли ей только после тщательного допроса, то напрашивался вывод – жильцы всерьез обеспокоены своей безопасностью. Интересно, такие меры предосторожности существовали всегда или появились только после смерти хозяина? Если справедлив первый вариант, то Глеб боялся не только воды, как рассказывал Барсков. А может, он был обыкновенным трусом?

Очувтившись по ту сторону забора, Аня быстро осмотрелась. Ровно постриженный газон, засеянный импортной травкой, радовал глаз яркой, какой-то весенней зеленью. Здесь не разбивали клумбы, Аня вообще не заметила ни одного цветка. Вокруг дома росли только ели. Сочетание темно– и светло-зеленого выглядело строго и элегантно. Сам дом, в полном соответствии со стилем, напоминал альпийское шале. Та же низкая крыша, перекрещенные темные балки, словом, не домик, а картинка.

Озеро Аня заметила не сразу, оно располагалось с другой стороны

дома и было очень маленьким, больше похожим на искусственный пруд, хотя, возможно, он и был искусственным. Вообще, все вокруг, включая озеро и ели, выглядело каким-то игрушечным, не совсем настоящим, как ожившая мечта. Аня даже не смогла удержаться и потрогала рукой иголки на одной из елей. Она бы не удивилась, обнаружив, что они пластмассовые.

За этим занятием ее и застала сестра Глеба. Она неслышно подошла сзади, и Аня, повернувшись, чтобы идти в дом, неожиданно увидела перед собой огромную женщину в красном платье. Если бы Ане пришла в голову дикая мысль подойти еще ближе, ее нос уперся бы прямоком в пышную грудь экстравагантной дамы. Кроме роста, девушку поразили волосы женщины, такие же огненно-красные, как и ее платье.

Так вот, эта живописная дама тихо стояла возле Ани и наблюдала за тем, как она трогает еловую ветку.

– Она настоящая, – почему-то сказала Аня. И добавила: – Здравствуйте.

– Вы Анна? – строго спросила дама, игнорируя замечание о елке. Аня кивнула. – Пойдемте в дом. Я – Мария Константиновна, сестра Глеба.

Аня покорно поплелась вслед за странной женщиной. Чтобы попасть ко входной двери, им пришлось обойти дом. И тут Анну ждало еще одно потрясение. Точнее, потрясением была сама дверь. Она была ярко-фиолетовая. Сочетание желтой штукатурки на стенах и этой фиолетовой двери окончательно добило Аню, она была так поражена, что чуть не забыла о цели своего визита.

Тем временем Мария Константиновна взошла на крыльцо и принялась ковыряться ключом в замке. Она это делала очень сосредоточенно. Так открывают двери только очень далекие от практических занятий люди, творческие, иначе говоря. Простые действия стоят им немалых усилий, им легче придумать что-нибудь гениальное, чем сварить борщ, а попасть ключом в замочную скважину – труднее, чем написать бестселлер.

И пока она там ковырялась, воюя с замком, Анна поняла, что Мария Константиновна совсем не страшная, несмотря на угрожающие габариты, и, скорее всего, сама очень волнуется.

В конце концов дверь все же отворилась, и они вошли внутрь. Хозяйка провела гостью на просторную веранду, усадила за стол и устроилась напротив.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? – спросила она, внимательно наблюдая за гостьей сквозь полуопущенные веки. Но Аня уже ее не боялась.

– Александр Федорович хочет, чтобы я разобралась с несчастным

случаем, который произошел с вашим братом.

– Да, он сказал мне. Не знаю, чем смогу вам помочь, но постараюсь.

– Если честно, я и сама не знаю, с какого конца приступить, – призналась Аня. – Давайте попробуем с чего-нибудь начать. Может, нужная информация всплывет сама собой. Ну, во-первых, Барсков сказал, что Глеб Константинович был один в ту ночь. Верно?

– Да. Он был нелюдим. Ему нравилось одиночество. Это началось после смерти его жены. Они жили очень дружно, этот дом он построил специально для нее. Она всегда мечтала жить в Швейцарии, вот он и создал «маленькую Швейцарию» для Лены.

– А отчего умерла его жена? – осторожно спросила Аня. – Извините, что спрашиваю, но ведь она была еще молодой...

– Конечно. Лене было всего тридцать пять, когда она... Ну, в общем, вы понимаете... Она была намного моложе Глеба. Он женился очень поздно. А вот что касается ее смерти... В этом как раз не было ничего необычного, точнее, внезапного. Хотя все равно, очень страшно терять любимого человека. Но еще страшнее жить рядом с ним и знать, что дни его сочтены.

Женщина помолчала. В ее глазах отразилась печаль. Аня поняла, что Мария Константиновна действительно любила Лену.

– Жена Глеба была неизлечимо больна. У нее был неоперабельный порок сердца. Он боролся за ее жизнь, как мог. Искал лучших врачей, возил ее за границу, но результат был нулевой... – Она снова замолчала. – Похоронив Лену, Глеб почти не выезжал из своего дома. Так продолжалось уже больше двух лет. Когда я узнала, что он умер такой странной смертью, то подумала, что он покончил с собой.

– А почему вы передумали?

– Не знаю. Ничего конкретного. Уйди он из жизни любым другим способом – я была бы уверена, но он боялся даже подойти к воде. Нет, только не это. Он выбрал бы другой способ, это точно.

– Я ошибаюсь, или вам кажется, что вашего брата убили? – осторожно задала вопрос Аня.

– Да я просто уверена в этом! – воскликнула женщина.

– А как же тогда тот факт, что он был один в доме?

– Не знаю. Все так странно и страшно. Дело в том, что я приехала сюда в то самое утро после ужасной ночи. Он ждал меня, мы договорились обсудить кое-какие семейные вопросы, и я специально прилетела из Москвы.

– А что за вопросы вы собирались обсуждать? – уточнила Анна. –

Извините, что спрашиваю. Я ведь предупреждала, что не знаю, с какого боку подступиться к делу.

– Никакого секрета тут нет, – устало вздохнула женщина. – Хотя теперь, после того, что случилось, вам это должно показаться подозрительным... да, какая разница! – махнула она рукой и выпалила:

– Он хотел переписать этот дом на меня, точнее, не на меня, а на мою дочь, его племянницу. Он говорил, что не может больше здесь жить, все напоминает ему о смерти Лены, хотел оформить документы и прямо вместе со мной уехать в Москву.

Анна насторожилась. Новости показались ей очень важными: успей Глеб встретиться с сестрой и он покинул бы это уединенное место навсегда. Если кто-то хотел покончить с ним, то этот факт, в том случае, конечно, если преступник был в курсе, должен был всерьез обеспокоить его и заставить действовать решительнее.

– У Глеба, как я понимаю, не было детей? – спросила Аня, немного подумав.

– Нет. Лена не могла рожать из-за своей болезни, а других женщин у Глеба не было.

– Вы так уверены?

– Абсолютно. До появления Лены женщины практически не интересовали его. Мы, его родные, даже начали беспокоиться, ну, вы понимаете...

– Да.

– Но напрасно мы волновались. Просто он поздно встретил свою судьбу, а размениваться на мелочи не хотел. Так что, если вы намекаете на его наследство, то он завещал все мне.

– Не слишком хороший расклад, вы не находите? – Аня постаралась, чтобы ее замечание не прозвучало оскорбительно. Но женщина не обиделась и уж тем более не испугалась.

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Милиция рада была бы сделать меня подозреваемой номер один, но им это не удалось. У меня было неопровержимое алиби. В то время, когда Глеб боролся со смертью на середине озера, я летела в самолете, в компании ста человек, которые с легкостью могли это подтвердить.

«Ну, это еще не доказательство, – подумала Анна. – Убийство необязательно совершать собственными руками. Можно нанять специалиста. Сейчас это просто». Но на самом деле она почему-то была уверена, что эта женщина ни при чем. И пусть на ней вместо траурного платья – огненно-красное, пусть не видно слез на ее глазах и она отлично

держит себя в руках, но сестра не убивала брата. Она любила его.

– Вы мне не верите? – спросила у Ани женщина. – Думаете, это я его убила?

– Нет. Я так не думаю, – твердо сказала Аня.

– Вы странная. Я чувствую в вас что-то... Какую-то силу. Не могу понять, что это, но вы гораздо сильнее, чем выглядите на первый взгляд, – задумчиво проговорила Мария Константиновна. – Не пугайтесь, просто у нас, художников, особое зрение.

– Так вы художник?

– Не слишком известный. Я владею крупной картинной галереей, а картины пишу больше для души, они не пользуются спросом.

– Впервые вижу художника, способного признать, что он далек от гениальности, – улыбнулась Аня.

Мария Константиновна засмеялась.

– Честность и трезвая самооценка – наша фамильная черта. И Глеб был таким. За всю жизнь он совершил единственный неблагоприятный поступок. Но это было очень давно, Глеб был еще подростком.

Анне очень хотелось узнать, что это был за проступок, но она поняла, что женщине не хочется ворошить прошлое. Да и в самом деле, какое отношение может иметь случай из юности к недавнему убийству... Анна поймала себя на том, что впервые подумала о случае с Глебом как об убийстве. До сих пор она считала это несчастным случаем. Что-то изменилось.

– Вы сказали, что прибыли буквально через несколько часов после... происшествия, – напомнила Анна.

– Да, рано утром, – подтвердила художница. – Именно я обнаружила тело Глеба. – На ее лице при этих словах отразился ужас пережитого, но она быстро взяла себя в руки. – И я могу подтвердить, что ничто не говорило о том, что в доме были посторонние.

– Если только они не уничтожили следы своего пребывания, – как бы про себя отметила Аня.

– Может, и так. Но зачем нужно было убивать Глеба? Ничего не пропало, ни единой мелочи. Я часто бываю здесь и прекрасно знаю, что где лежит. У Глеба была прекрасная коллекция живописи, да что там говорить, каждый предмет обстановки в этом доме, включая камин, это настоящее произведение искусства. Так вот, все на месте!

– Мотивом могла послужить не только кража, – возразила Аня. – Вы не могли бы показать мне дом? Вдруг я замечу что-то необычное?

– Да бога ради. Пойдемте, – поднялась со своего места женщина.

Они проходили одну комнату за другой, Мария Константиновна иногда коротко и по делу отвечала на вопросы Анны, касающиеся того или иного предмета. Честно говоря, вопросов этих оказалось не слишком много. По крайней мере до тех пор, пока они не очутились в спальне Кутько.

Оформленная просто и дорого, она была образцом спартанского стиля. Единственным украшением ее служил портрет. Прекрасно выполненное полотно запечатлело Глеба сидящим в кресле, одетым в простую, почти домашнюю одежду, которая тем не менее подчеркивала красоту его открытого, мужественного лица. Сильные руки опирались на подлокотники, вся фигура излучала силу. Казалось, Глеб вот-вот поднимется с кресла.

– Хорошая работа, – сказала Аня. У нее появилось странное ощущение тревоги. Нечто подобное она обычно испытывала, когда предчувствовала опасность. Но в этой комнате ей просто неоткуда было взяться. А беспокойство не проходило.

– Глебу очень нравилась эта картина, – кивнула головой Мария Константиновна. Ее голос звучал ровно, по нему было непонятно, разделяет ли она отношение брата к полотну. – Ее написал один очень модный сейчас художник, – пояснила она. – Но это совершенно новый для него стиль. Раньше его работы выглядели иначе.

– Лучше или хуже? – спросила Аня больше из вежливости.

– Не знаю. Просто по-другому. Возможно, вы слышали об этом художнике, о нем в последние годы много пишут. Клонов. Слышали о таком?

– Да, кажется, слышала, – Аня припомнила навязчивого попутчика, расхваливающего творчество Клонова, и добавила: – У него где-то поблизости, кажется, должна состояться выставка?

– Верно. Я собираюсь туда пойти. Хотела купить несколько работ для галереи. Мне его живопись не нравится, но спрос на него огромный.

Анна кивнула. Тем временем Мария Константиновна забеспокоилась. Она то и дело поглядывала на часы, и Анна сказала:

– Я вас задерживаю. Вы ведь собирались куда-то пойти во второй половине дня, а сейчас уже третий час. Если хотите, мы могли бы вас отвезти, раз уж я не уложилась во время.

– Было бы чудесно. У Глеба две машины, но я совершенно не умею водить. Вы подождете, пока я переоденусь?

– Конечно, – кивнула Анна.

Оставшись одна, она еще раз взглянула на портрет, зябко повела плечами и поспешно вышла из комнаты. Спустившись в холл, она подошла

к зеркалу, чтобы поправить волосы. Неловко задев рукой вазочку, она опрокинула ее на ковер. К счастью, ничего не разбилось и не пролилось – вазочка была медной, а цветы в ней – искусственные. Анна нагнулась, чтобы быстро вернуть все на место, потянулась за цветком и заметила возле ножки столика сверкающую вещичку.

Блестящий предмет оказался женской серьгой, сделанной в виде птицы, усыпанной бриллиантами. Хвост этой птички украшали три довольно крупных сапфира. Весьма экстравагантное и дорогое украшение...

– Я готова, – донеслось с порога. Аня обернулась. Мария Константиновна сменила алое платье на элегантный черный костюм. Огненные волосы скрывала шляпка.

– Извините, Мария Константиновна. У меня еще один, последний вопрос. Вы уверены, что после смерти супруги ваш брат не приглашал сюда других женщин? Хотя бы иногда?

– Вы ведь уже спрашивали об этом, – нахмурилась женщина. – Но я могу еще раз повторить: нет, никогда.

– Тогда, может быть, это ваша вещица?

Бриллиантовая птица в протянутой ладони, поймав солнечный луч, заискрилась крошечной радугой. Мария Константиновна не сводила с нее глаз минуту, не меньше. Потом она с трудом разжала губы и произнесла:

– Где вы нашли это?

– Вон там, – показала Аня, – она закатилась под столик. Так это не ваше?

– Нет. Но я не могу себе представить...

– Не огорчайтесь. Мужчины, они... В общем, всякое бывает. К тому же это необязательно была его любовница, это могла быть его знакомая, например, или...

– Или убийца... – неожиданно закончила за нее Мария Константиновна.

Глава 12

С разрешения сестры Глеба Анна оставила на время украшение у себя. Но Барскову о своей находке она говорить не торопилась.

За ужином вся семейка собралась в полном составе: Александр Федорович, Сандра и даже Герман, который из кожи вон лез, чтобы испортить вечер. Сандра по-прежнему изображала из себя айсберг. Только хозяин иногда пытался как-то сгладить обстановку, но это ему плохо удавалось.

Анна не замечала царившего вокруг напряжения. Она торопливо проглотила по-прежнему малосъедобные деликатесы, которыми по традиции угощались хозяева, и поспешила в свою комнату. Ей нужно было подумать.

Поездка к Кутько вроде бы не дала особых результатов, кроме одного – выяснилось, что Глеб не был таким уж затворником. Какая-то дама заставила его нарушить свое уединение. Анна дорого бы заплатила за то, чтобы узнать, кто побывал в гостях у Глеба незадолго до его смерти, а вероятно, и в тот роковой момент, но все, что она могла сказать с уверенностью, – гостя была состоятельной. Такая сережка стоила больших денег, и та, чье ушко она украшала, в средствах явно не нуждалась. К сожалению, этого было мало, чтобы вычислить таинственную незнакомку. Богатых, конечно, меньшинство, но все же достаточно, чтобы Анне хватило забот до конца жизни.

До сих пор Аня не нашла ни единого факта, подтверждающего, что в деле замешаны потусторонние силы. Наоборот, неизвестная женщина, потерявшая сережку, вполне могла оказаться убийцей. Трудно представить, каким образом ей удалось заманить Глеба в воду, но женским хитростям предела нет, наверняка что-то придумала. Да и какому мужику хватит духа признаться даме, что он трусит при виде воды. Нет, в такой ситуации мужик из кожи вон будет лезть, чтобы доказать свою удаль, а если он к тому же под градусом... Тут и подавно пиши пропало. Пьяному море по колено.

Мария Константиновна говорила, что не обнаружила никаких следов пребывания в доме постороннего человека. Так ведь у дамочки, если она и впрямь была в ту ночь у Кутько, было достаточно времени, чтобы позаботиться об уничтожении этих самых следов.

Эх, найти бы эту леди...

В дверь небрежно постучали. Аня едва успела спрятать сережку, как в комнату ввалился Герман. Глаза его возбужденно блестели. Анна поняла, что парень здорово набрался.

– Ну, как продвигаются дела у нашей принцессы черной магии? Всех уже заколдовала? – поинтересовался он, не скрывая насмешки.

– Я не занимаюсь колдовством, – резко сказала Анна. – Неужели не можешь придумать ничего умнее?

– Прошу прощения, – воскликнул Герман, сложив ладони вместе на уровне груди. – Просто мне ни разу не приходилось видеть живую ведьму. Слушай, может, научишь меня парочке приемов?

– А что именно тебя интересует? – с любопытством спросила Анна.

– О, конечно же, деньги! – цинично рассмеялся Герман. – Папочка наверняка уже успел поделиться с тобой моими проблемами.

– Разве у твоего отца денег недостаточно? – Аня прикинулась удивленной.

– Так то у отца! – хохотнул он. – Мне он выдает только на карманные расходы, как пятикласснику. Воспитывает, понимаешь.

– Слушай, тебе не надоело? – поинтересовалась Анна.

– Что? – не понял парень.

– Ну, комедию передо мной ломать?

– А кто сказал, что я притворяюсь? – продолжал упорствовать Герман.

– Так видно же.

– Ничего тебе не видно. Тоже мне, пифия, – неожиданно окрысился он. – Можно подумать, я не вижу, что ты уже на меня всех собак повесила. Не сегодня-завтра заявишь отцу, что я всех его друзей уничтожил, а теперь сплю и вижу, как бы его самого на тот свет отправить.

– Долго думал?

– О чем?

– Ну вот об этом? Почему ты решил, что я повешу всех собак именно на тебя?

– А то как же? У меня же и репутация подмоченная, и мотивчик налицо. Да не смотри ты на меня своими глазами праведницы! Не суй мне в нос свою добропорядочность! Да, я себе нравлюсь. Я много чего повидал и не всегда делал все по правилам. Но у меня по крайней мере хватает смелости не прятать свое истинное лицо. А вот ты – другое дело! Ну, признайся, ты же меня на дух не переносишь! Что, слабо? Можешь не говорить. Я и так вижу.

Анна посмотрела на Германа. Он с трудом держал себя в руках. Его черные глаза сверкали гневом, уголок губ кривила усмешка, похожая на

гримасу.

– Ты не можешь видеть то, что не существует в природе, – мрачно проговорила Анна. – Я вполне тебя переносу. Но мне кажется, ты становишься до отвращения занудным, когда старательно строишь из себя трудного ребенка. Твои поступки порой идиотские, порой оскорбительные, но меня они мало трогают. Нравится тебе эта игра – флаг тебе в руки. Я ясно выразилась?

– Более чем... – Герман взглянул на нее с интересом. – Ну ты и штучка! Отбрила только так, и при этом ни одного грубого слова. Долго тренировалась?

– Всю жизнь. Что-нибудь еще?

– Да нет. На сегодня, пожалуй, с меня достаточно впечатлений. Так что я пойду. – Он повернулся и протопал к выходу.

– Послушай, – окликнула его Анна уже на пороге.

– Что?

– Когда ты не кривляешься и не строишь из себя мачо, то производишь впечатление вполне симпатичного парня. Почему вы не ладите с отцом?

Герман криво усмехнулся и ответил:

– Если хочешь получить ответ на этот вопрос, то поехали завтра вместе со мной. Сама и разберешься.

– Куда это?

– На экскурсию. Посмотришь на папашкину ферму. Очень впечатляет. Поедешь?

– Хорошо, – кивнула Анна.

– Вот и ладно.

Он махнул на прощание рукой и вышел. Анна пожала плечами и принялась готовиться ко сну, размышляя о том, что некоторые мужчины, словно нарочно, стараются казаться хуже, чем они есть на самом деле. Нет, Герман, конечно, не ангел, но и не дьявол, каким хочет казаться.

Она улеглась на широкую кровать и укуталась поплотнее в одеяло. Она никак не могла согреться. Холод с улицы каким-то образом проникал в хорошо отапливаемое помещение, и она все время мерзла. Наконец Ане удалось немного согреться, она закрыла глаза, но сон все не шел.

Анна лежала с закрытыми глазами и прислушивалась к тишине. Должно быть, она все же задремала, и разбудило ее странное ощущение, что кто-то щекочет ее за ногу. Сначала Аня решила, что ей показалось, но ощущение не проходило. Что за ерунда? Вроде бы кошек в доме нет... А вдруг это мышь? Или, что еще хуже, крыса?

Аня боялась открыть глаза, чтобы посмотреть, что же там ползет по ее

ноге. Она чувствовала, как это что-то подбирается все выше. Вот уже оно на бедре, на талии. Что-то холодное и скользкое коснулось ее кожи. Анна тихонько вскрикнула и, вытаращив глаза, уставилась на то место, где должна была находиться эта гадость.

Поначалу ей показалось, что по ней ползает огромный паук. Он был невероятных, просто гигантских размеров. Его толстые, узловатые лапы противно шевелились. Существо нисколько не испугалось того, что девушка проснулась и зашевелилась, и упорно продвигалось все выше, подбираясь к ее груди.

Анну парализовал страх, она почувствовала, как холодный комок застрял где-то в горле, теперь она даже пискнуть не смела, только прерывисто дышала, как испуганное животное. В ее животе образовалась странная сосущая пустота.

Тварь неуклонно подбиралась к ее горлу. Все так же шевеля своими щупальцами, она вползла в полосу лунного света...

Аня почувствовала: еще немного и она сойдет с ума.

«Этого не может быть на самом деле, – убеждала она себя, – это сон! Тебе просто кажется!»

Но она понимала, что все это ерунда. Вот она, прямо перед ней, совершенно реальная... Только одно «но»: в реальности отрубленная человеческая кисть не может двигаться сама по себе!

Анна наконец-то закричала. Точнее, это было похоже на визг и вой одновременно. Преодолевая отвращение, она схватила шевелящую пальцами руку, ощутив противную скользкую поверхность гниющей плоти, отодрала ее от простыни и швырнула подальше от кровати. Раздался шлепок, а затем тихий шорох, похожий на топот крошечных лапок по паркету. Анна, опасаясь, что эта мерзость вновь вскарабкается на кровать, прыгнула на пол с другой стороны и метнулась к выключателю.

Вспыхнул свет, Анна, тяжело дыша, оглядывала комнату полубезумными глазами. Сердце колотилось о ребра с такой силой, что ей казалось, оно сломает их и вывалится наружу.

Твари в комнате не было. Анна ни минуты не сомневалась, что рука ей не привиделась. Ее собственные пальцы до сих пор были липкими. Она поднесла их к глазам, и ее едва не вывернуло наизнанку – зеленоватая слизь, источающая отвратительный запах, измазала ей всю ладонь. Отвращение оказалось сильнее страха, Аня бросилась в ванную, отвернула кран и принялась отмывать грязь с пальцев. Ладонки покраснели от ее усилий, и только тогда она немного успокоилась.

Она выключила воду и, осторожно ступая, вернулась в комнату,

готовая броситься наутек при малейшей опасности. За неимением более подходящего оружия, Аня прихватила из ванной тяжелую мыльницу из литого стекла и теперь держала ее наготове.

Тварь исчезла, словно испарилась. Анна методично обшарила каждый уголок своей спальни, заглянула во все закутки, но так ничего и не обнаружила.

– Вот пакость, – пробормотала она. – Куда же ты подевалась? Вылезай живо...

Через полчаса бесплодных поисков девушка немного успокоилась. Теперь она была уверена – откуда бы ни появилась мерзкая конечность, она убралась восвояси. Положив мыльницу на тумбочку, Анна рухнула на кровать и попыталась осмыслить то, что произошло в этой комнате. Но мысли путались, парализованные пережитым страхом. О том, чтобы заснуть, не могло быть и речи.

«Эх, кофейку бы сейчас хлопнуть!» – мелькнуло в голове. Сама мысль о чашке кофе заставила Аню соображать быстрее. Ей очень хотелось понять – каким образом отрубленная рука могла двигаться, да еще так резво? Принадлежала рука давно умершему человеку, это не вызывало сомнений. Так, что мы знаем об оживлении мертвецов? Надо признать, практически ничего. Знания Анны в этой области были весьма скудны и носили чисто теоретический характер. Сама она подобными примочками не увлекалась. «Были бы со мной мои книги, в момент бы разобралась, что к чему, – с сожалением подумала она. – Ну, на нет и суда нет. Так что же я знаю об этом?»

Первое, что пришло в голову, – зомби. Но они определенно из другой оперы. Во-первых, это вуду, магия для здешних мест нехарактерная, во-вторых, зомби – это все-таки целый труп, а не его отдельные части. Да и вид у них, надо сказать, попримечнее. Эта же ручка имела весьма несвежий вид.

Что еще? Кажется, можно вырастить тело человека из какой-то косточки. Но это тоже не подходит. Малоправдоподобно, и к тому же рука – это не тело, это огрызок какой-то. Значит, опять не то.

Аня перебрала еще несколько вариантов, но ни один из них не подходил.

В самый разгар размышлений на эту тему ей вдруг пришла в голову мысль, никак не связанная с оживлением мертвых. Она внезапно вспомнила, как громко завопила, увидев эту дрянь на своей кровати. И что же? Никто не поспешил ей на помощь, вот что! Не слышать не могли, орала она так, что звенели оконные стекла. Но почему же тогда они не пришли?

Ладно еще Герман с отцом, их спальни на первом этаже, могли и не услышать. Но Сандра?! Она же спит через стену! «Вот засранка, – со злостью подумала Аня, – слышала, небось, и даже с места не сдвинулась. Ну, сейчас я ей организую сладкую жизнь!»

Аня быстро вскочила с кровати и прямо как есть, в ночной рубашке и тапочках, отправилась в комнату Сандры.

В коридоре горели неяркие лампы ночного освещения, было очень тихо. Ничего, сейчас она устроит такой шум, что чертям тошно станет. С такими мыслями Аня решительно взялась за ручку двери в спальне Сандры и толкнула ее, даже не подумав, что та может быть заперта.

Дверь была открыта. В темноте Аня никак не могла понять, в какой стороне находится кровать коварной блондинки. Она была так рассержена ее бездействием, что, не особенно церемонясь, нашарила на стене выключатель и врубила свет.

Кровать стояла точно посередине. Только вот никакой Сандры в ней не было. Комната была пуста!

Анна, не веря своим глазам, медленно обошла уютную белую спальню, на всякий случай заглянула в ванную с огромной джакузи и кучей дорогой косметики на стеклянных полочках. Сандра словно испарилась. Аня посмотрела на часы – половина четвертого. Куда же она подевалась в такое время? Могло существовать, конечно, весьма простое объяснение – Сандра решила провести ночь в спальне собственного мужа, но Ане почему-то не верилось в такую возможность. Если уж супруги размещают свои комнаты на разных этажах, вряд ли это говорит о бурной личной жизни.

Но проверить свои предположения она все равно не могла. Врываться в спальню к самому Барскову – это уже перебор. Пришлось возвращаться к себе. Анна решила выследить гулену, но неожиданно для себя уснула, едва коснувшись головой подушки. Проснулась она только в девять утра, когда в окошко заглянул робкий лучик тусклого осеннего солнца.

Глава 13

За завтраком Аня вглядывалась в лица сидящих с ней за столом обитателей дома и не могла не признать – ни на одном из них она не заметила ничего подозрительного. Никто не сказал ни слова о ночном происшествии. Понятное дело – Сандра, ее попросту не было, но Барсков и Герман? Либо у них крепкий сон, либо паршивый слух, либо они просто делают вид, будто понятия ни о чем не имеют.

Аня вяло ковыряла вилкой омлет с грибами. Впервые за все время пребывания в этом доме ей подали что-то съедобное, но, как назло, именно сегодня у нее напрочь пропал аппетит. Остальные поглощали взбитые яйца довольно бодро, и Ане стало обидно: посмотрела бы она, как они будут есть, если ей придет в голову рассказать прямо сейчас, какой гость пожаловал к ней в спальню ночью.

Но она этого не сделала. Если присутствующие ни при чем, то ей, скорее всего, не поверят и, чего доброго, решат, что у нее с головой не все в порядке, а если кто-то в курсе, то тем более не стоит обнаруживать свой страх, чтобы не доставлять ему удовольствия. Возможно, на это и был расчет: напугать и выставить ее полной дурочкой.

Больше всего Аню интересовала Сандра, на свежем личике которой она не заметила и следа бессонной ночи. Где же ее носило? Хотелось бы знать, но в лоб же не спросишь! Хотя, зная ответ на этот вопрос, многое можно было бы прояснить. Слишком много загадок. Не успеешь разгадать одну, как тут же, как чертик из табакерки, вылезает другая. Впрочем, это Аня погорячилась, на самом деле она до сих пор не разгадала ни одной тайны, они росли просто как снежный ком.

– Как вам спалось, дорогая? – Аня настолько опешила от подобной наглости, что не сразу нашлась что ответить. Сандра терпеливо ждала, глядя на нее слишком внимательно, чтобы вопрос можно было счесть случайным. С чего бы это ей вдруг интересоваться самочувствием столь нелюбезной ее сердцу гостьи.

– Прекрасно! – отчеканила Аня, глядя прямо в холодные глаза. Что-то едва уловимое дрогнуло в глубине расширенных зрачков блондинки. Затем она кивнула и продолжила намазывать булочку джемом.

– А вот я спал отвратительно! – поделился своими ощущениями Герман. – Мне всю ночь снились кошмары, а я все никак не мог проснуться. Мерзкое чувство.

Барсков промолчал. Он первым поднялся из-за стола и попросил Аню после завтрака пройти в его кабинет. Она торопливо допила кофе и вышла следом за ним.

Барсков стоял у окна и курил, делая глубокие затяжки. На первый взгляд его поза была в высшей степени достойной, однако, приглядевшись, начинало казаться, что, если его тронуть, он зашипит. Барсков был очень зол.

– Вам удалось узнать что-нибудь новое? – спросил он, не оборачиваясь.

– Кое-что, – уклонилась от прямого ответа Анна, – но пока это только усложнило картину. Могу лишь с уверенностью сказать, что Глеб Кутько погиб не случайно. И не покончил с собой. Думаю, это убийство.

– У вас есть доказательства? – встрепнулся Барсков. Он нервно загасил сигарету в пепельнице и подался вперед.

– Доказательств у меня нет, – развела руками Аня. – Я не знаю, кто убийца, но кое-кто побывал в альпийском домике, и этот кто-то очень торопился. Вы знали о том, что Глеб собирался покинуть эти края и навсегда перебраться в Москву?

– В общих чертах, – кивнул Александр Федорович. – Но думал, что он серьезно это не решил. Ему, конечно, трудно было оставаться в доме после смерти Елены, но и покинуть ее могилу он был не в силах.

– В конце концов он принял такое решение, скорее всего, это произошло внезапно. Он действовал скоропалительно, боялся, наверное, что передумает. Убийце тоже пришлось поторопиться. Последнее свидетельствует в пользу того, что убийца из этих мест, ему гораздо сподручнее было действовать здесь, чем в далекой Москве. Так что он рядом. Или она...

– Почему вы так сказали? Вы думаете, что это могла быть женщина?

Но Аня не попала на его удочку. О сережке она говорить пока не собиралась. Поэтому просто пожала плечами и ответила:

– А почему бы и нет? Кстати, если все случаи связаны, то вы могли бы на досуге постараться припомнить, не обидели ли ненароком какую-нибудь особо нервную дамочку. Женщины, знаете ли, бывают такими мстительными.

Барсков машинально кивнул, хотя такая идея ему, похоже, не нравилась. Что-то еще беспокоило его в данную минуту, и Аня с нетерпением ждала, когда он расскажет ей об этом. Ждать долго не пришлось.

– Вы слышали, какие версии выдвинули журналисты относительно

причин пожара в «Паруснике»? – спросил Барсков мрачно.

– Нет. Что-то важное?

– Судите сами. По стечению обстоятельств, именно в этот день в отеле остановились профессиональный взрывник, работающий на чеченцев, парочка мафиози, приехавших на крупную разборку, и неверная жена с любовником, которую выследил и прихлопнул собственный супруг, кстати, вместе с любовником.

– Они остановились на четвертом этаже? – спросила Аня, припомнив двух убитых в номере.

– Вы что-то знали об этом? – насторожился Барсков.

– Ничего конкретного. Я видела их, я имею в виду парочку, уже после смерти, во время пожара. Это и есть версии журналистов? Муж-ревнивец, взрывник и мафия? Большой выбор. И что же они предпочли?

– Ни за что не догадаетесь. – Grimаса, искажившая его лицо, меньше всего походила на улыбку, скорее на оскал смертельно раненного зверя.

– Не буду и стараться. Говорите.

– Они вцепились в нечто совершенно иное. Загляните в любую газету, и вы увидите на первой полосе сенсационное заявление: гостиницу поджег сам хозяин.

– Зачем?!

– Ради страховки.

– Но для обвинений нужны доказательства. Иначе их можно привлечь за клевету.

– Они ничего не боятся, – устало сказал Барсков. – Утверждают, что есть свидетель, видевший Хвороста в районе очага возгорания.

– Но Николай Захарович погиб. Он застрелился!

– О, у журналистов и на это есть своя точка зрения. Совесть, дескать, замучила, вот и пустил себе пулю в лоб. Это черт знает что такое! – Барсков треснул кулаком по столу. Стекло, покрывающее столешницу, лопнуло, по руке мужчины заструилась кровь, но он не обратил на рану никакого внимания. – Чернят имя человека, который не может ничего сказать в свое оправдание, – продолжал бушевать Александр Федорович.

Анна молча ждала, когда он немного успокоится. Она обдумывала случившееся. Помимо воли в памяти всплыла встреча с Хворостом в момент пожара. Только он ли это был? Точно не скажешь, хотя уж больно фигура у хозяина гостиницы приметная.

– А что это за свидетель? – спросила она осторожно, когда посчитала, что Барсков перестал выглядеть как взбесившийся буйвол и способен услышать и понять суть вопроса.

– Какая-то горничная, кажется, Алла. Фамилии не помню, но у меня записано, – небрежно ответил Александр Федорович. – Эта девица заявила, будто видела Николая именно в том месте, где началось возгорание.

– Вы говорите, Алла? – подпрыгнула на месте Аня. – Кажется, я знаю ее. Это может оказаться та девушка, которую я вытащила из огня. Нужно с ней немедленно встретиться.

– Не выйдет, – усмехнулся Барсков. – Есть много желающих повидаться с этой малышкой, да только она успела вовремя улизнуть. Ее пытаются отыскать, но она ловко замела следы. Мошенница, одним словом.

– Но зачем ей скрываться? – не поняла Анна. – Она же не сделала ничего дурного!

– А это как сказать. Она наболтала журналисту чепуху, чтобы попасть в газету, а с милицией шутки плохи, те станут проверять каждую букву в ее заявлении, и ей придется отвечать за свои слова.

«Не знаю, не знаю, – подумала Аня, – слишком сложно для такой дурочки, какой показалась мне эта горничная при встрече. Хотя, может, речь идет о другой Алле?»

– Вы не могли бы раздобыть для меня домашний адрес этой девушки? – попросила она.

– Дома ее нет. Но, если хотите, можете записать. – Барсков достал свой ежедневник и продиктовал адрес. Фамилия девушки оказалась Лепетова.

Аня аккуратно записала все в блокнотик. На сем «совещание» и закончилось.

В коридоре ее подждал Герман. Он сообщил, что лошади уже готовы, и они могут отправляться прямо сейчас. Анна не имела ничего против. В конце концов, рано или поздно ей придется заняться непосредственно рекламой предприятия Барскова, так почему бы не взглянуть на него сегодня?

Она немного лукавила. На самом деле ей хотелось воспользоваться моментом, чтобы получше присмотреться к Герману. Она все еще считала его одним из подозреваемых. Такие мерзкие шуточки вполне в его характере, и ума и изобретательности ему не занимать. Хотя ей бы не хотелось, чтобы убийцей оказался именно он. Вся его бравада больше напоминала месть обиженного ребенка, наверняка его отец, человек властный и не слишком приветливый, уделял маленькому Гере мало внимания. Дети такого не прощают, они стараются обратить на себя внимание взрослых любыми доступными способами. И, похоже, у Германа этот период затянулся.

Чтобы разобраться, так это или нет, Анна и согласилась на эту

экскурсию.

Герман выбрал для себя гнедую кобылу по кличке Джина. Она была очень хороша, но Опала Аня считала вне конкуренции. Жеребец совсем привык к ней и радовался при ее появлении. Девушка тоже привязалась к красивому коню и с огорчением думала, что придет время и им придется расстаться.

Герман прекрасно ориентировался в окрестностях. Они друг за другом выехали на широкую поляну и бок о бок неторопливо направились по дороге, огибающей болото. Сильный ветер разогнал облака, светило солнце, но уже холодное. Анна слегка замерзла, но утешала себя тем, что хотя бы с неба не капает.

Они болтали о всяких пустяках. Вдруг окрестности наполнились неведомым звоном. Он несся откуда-то издалека и напоминал звук колокола.

– Откуда здесь колокола? – спросила Анна удивленно.

– Тебе повезло, – улыбнулся Герман. – Довольно далеко отсюда есть церковь. Она действующая, но погода здесь такая, что колокольный звон до нас не долетает. Туман поглощает звук. Услышать же его можно только в ясную погоду, такую, как сегодня. К сожалению, солнышко в этих местах появляется нечасто. Вот местные и шутят, что эти места прокляты. Бог заглядывает сюда редко, а в остальное время правит дьявол. Сегодня, видимо, божий день.

– Интересная легенда, – согласилась Аня. – Никогда не слышала о подобных явлениях. Зато церковь, кажется, проезжала по дороге сюда.

– Точно. Это она и была. Отсюда-то ее не увидишь, а вот с шоссе, ведущего в город, прекрасный вид.

Они еще некоторое время ехали молча. Аня принялась и поняла, что они уже близки к цели. В воздухе появился не слишком приятный запах. Но, оказалось, она ошиблась: пришлось ехать еще около получаса, однако вонь, окружающая ферму, была так сильна, что распространялась на многие километры.

На обочине возникла добротная стрелка-указатель: «Лягушачья ферма, 500 метров». В самом деле, совсем скоро дорожка уперлась в бетонную ограду с колючей проволокой по верхнему краю. Зловоние, доносившееся оттуда, оказалось просто чудовищным.

Но отступать было поздно. Борясь с тошнотой, Анна спешила и вслед за Германом вошла в ворота, ведя на поводу Опала.

Человек в дежурной будке узнал Германа и приветливо махнул ему рукой. Лошадей они оставили тут же, привязав их к кривому клену.

Во дворе стояли несколько грузовиков, плотно загруженных деревянными бочками, из которых несло разноголосое кваканье.

Пока они шли через двор к современному офисному корпусу, Герман то и дело бросал на Анну насмешливые взгляды. У нее появилось подозрение, что он специально заманил ее сюда, чтобы посмотреть на ее лицо, когда она вдохнет «чудесный» аромат. А Ане и в самом деле было худо. Она была готова ко всему, но такого и вообразить себе не могла. От резкого запаха резало глаза и щипало в носу. Аня попыталась одновременно не дышать и не смотреть и тут же налетела на дверь, услужливо распахнутую перед ней Германом.

– О, черт! – выругалась она, потирая ушибленный лоб.

– Ну, как тебе в угодьях лягушачьего короля? – со смехом поинтересовался ее спутник.

У Анны язык не повернулся сказать что-либо вежливо-нейтральное, и она промычала нечто нечленораздельное.

– Ладно, не скромничай, – с притворным сочувствием посоветовал Герман. – Воняет здесь, как в преисподней. Остальное – под стать запаху. Кстати, уже можешь дышать. Здесь везде кондиционеры. А то ты уже побагровела вся.

Анна сделала осторожный вдох. Герман не обманул. Здесь было вполне терпимо.

– Неужели твой отец сколотил состояние вот на этом? – спросила Аня, понимая, что вопрос прозвучал крайне невежливо.

– Вообще-то, деньги, как известно, не пахнут. И отец изначально был оч-чень состоятельным, когда огреб наследство своих предков, но вложенные в эту ферму бабки окупались сторицей, можешь мне поверить. Теперь он хочет, чтобы я продолжил этот бизнес, но мне как-то не улыбается носить корону лягушачьего короля, даже за все деньги мира. Веришь?

– Да! – искренне ответила Аня. Она и раньше-то весьма брезгливо относилась к земноводным, а после увиденного и вовсе испытывала к ним отвращение. Но она не забывала и о том, что Барсков заказал у них рекламу. Понимая, что второй раз сюда ни за что не вернется, она решила воспользоваться случаем и расспросить Германа о процессе, так сказать, производства.

– А как ловят лягушек? – спросила она. – Или их разводят в каких-нибудь аквариумах?

– Нет. В неволе лягушки совсем не те. Они живут там, где им и положено, – в болотной тине. Вот посмотри в окно. Видишь эти озерца? –

Он подвел Анну к окну, и она увидела поблескивающие на солнце лужицы. Отсюда картина выглядела даже симпатичной. Герман продолжал: – В этих озерах, которые на самом деле жутко вонючие, так как заполнены стоячей водой, живут наши отборные квакушки. Они ужасно плодовитые. Одна самка может отложить в год не один десяток тысяч икринок. Через три месяца появляются головастики, а еще через пару лет лягушку можно есть.

Аня содрогнулась. Герман, довольный собой, широко улыбнулся.

– Что, не любишь лягушатинку?

– Нет!

– Ясно. Я тоже не особенно, но кое-кому очень даже нравится. А если еще с чесночком...

– Ох, прекрати, пожалуйста, – взмолилась Аня.

– Ладно, не будем о еде, – покорно согласился Герман. – Ты спрашивала, как их ловят? Очень просто. Лягушки что едят? Насекомых. Поэтому на берегу пруда раскладывают куски тухлого мяса, на него слетаются тучи мух... Эй, ты куда?

– Где тут у вас туалет? – прохрипела Анна, зажимая руками рот и бросаясь прочь по коридору.

– Прямо и налево! – сквозь взрывы смеха неслось ей вслед.

В туалете Аню вывернуло буквально наизнанку. Она долго умывалась холодной водой, строя планы мести. Ну, Герман, ну, негодяй. А она-то, сыщица потусторонняя! Попалась, как кур во щи! При одной мысли о еде ее снова вывернуло. И снова пришлось умываться.

Слегка пошатываясь, она побрела обратно в коридор и с удивлением обнаружила Германа в обществе Демина, партнера Барскова. Увлеченные разговором, они не заметили ее, зато от Анны не укрылось, что Герман не на шутку разозлен. Теперь, когда он не дурачился, Анна увидела перед собой властного и даже жестокого человека, Герман стал очень похож на отца, разве что у этого напрочь отсутствовал даже намек на сентиментальность.

Демин трясся, как желе на блюдечке. Он пытался заглянуть Герману в глаза и заискивающе улыбался. Интересно, что это между ними происходит?

Но стоило им заметить девушку, как все изменилось, словно по мановению волшебной палочки. На лице Германа вновь заиграла глумливая улыбочка, а Демин старательно изображал безмерное счастье.

– Ну как, попрощалась с завтраком? – осведомился Герман у Ани.

– Спасибо за заботу, – глухо ответила она, криво улыбаясь.

– Слабенький у тебя оказался желудок, принцесса. И говоришь ты

теперь как чревовещательница. Знаешь что? Езжай-ка ты домой поскорее.

– А ты?

– У меня тут одно дельце. – При этих словах Демин, не переставая улыбаться, судорожно сглотнул. – Можешь, конечно, подождать, пока я закончу, но это займет часа два-три. Выдержишь?

От такой перспективы у Анны снова свело желудок, и она отчаянно замотала головой. Все, что угодно, только бы поскорее убраться отсюда!

Герман вежливо проводил ее до ворот и придержал стремя, помогая сесть в седло. Анна едва слышала, о чем он говорил. Она почти не дышала, опасаясь нового приступа тошноты и только кивала головой, как китайский болванчик.

Наконец-то она очутилась за воротами. Опал несся галопом до тех пор, пока злосчастная ферма не осталась далеко позади. Только тогда Аня придержала коня. Однако через некоторое время она поняла, что в каком-то месте неправильно свернула, и теперь понятия не имеет, куда ехать дальше.

Глава 14

И девушка, и лошадь выбились из сил, кружа по окрестностям. Аня понимала, что им еще повезло, ведь они ни разу не попали на топкое место, стараясь держаться только найденных троп. За несколько часов они не встретили ни одного человека, у которого можно было бы спросить дорогу. Анна совсем отчаялась, уже стемнело, и она всерьез опасалась, что придется заночевать в лесу. Единственная надежда – будут искать Опала. Он стоит больших денег, тогда как провалилась сама Аня сквозь землю, небось никто из семейки и ухом не поведет.

Окончательно выбившись из сил, Аня опустила поводья и прижалась к теплой шее жеребца. Он как будто почувствовал ее усталость.

– Попали мы с тобой в переплет, Опал, – прошептала девушка. В ответ раздалось негромкое ржание.

Не чувствуя поводьев, конь медленно побрел вперед. Анна не сразу поняла, что жеребец движется не абы как, а по какому-то ему известному пути. Аня снова почувствовала себя маленькой девочкой на необъятной спине старого Графа, бредущего по знакомому маршруту. Опал шел к дому. Теперь Аня знала это наверняка. Они выехали на небольшую возвышенность. Внизу сквозь деревья смутно мерцали огоньки близлежащей деревушки, а еще ниже, в долине светились окна коттеджа Барскова. На небе уже всю сияли звезды.

– Молодец, Опал! Ты нас привел к дому! – обрадованно воскликнула девушка. – Давай, спускайся потихоньку.

Конь послушно тронулся вперед. Они снова въехали под кроны деревьев. Это была та самая тропинка, по которой она проезжала в самый первый день.

Впереди мелькнула неясная тень. Присмотревшись, Анна поняла, что посреди дороги стоит человек. Она не испугалась, даже обрадовалась – слишком много времени пришлось провести в одиночестве. Но чем ближе они подъезжали, тем тревожнее становилось у нее на душе. Человек вел себя странно. Он стоял совершенно неподвижно. За все время он ни разу не пошевелился. Очертания его высокой фигуры становились все четче, но черты лица еще были неразличимы.

Жеребец тоже заволновался. Он попытался остановиться, но Аня слегка сжала его бока, заставляя продолжать путь. Чтобы успокоить и коня, и себя, она громко окликнула человека:

– Здравствуйте!

В ответ не донеслось ни звука. Опал всхрапывал и тряс головой, отказываясь идти. Он вертелся на месте, и Аня с трудом удерживалась в седле.

Когда до человека на дороге оставалось всего несколько метров, он неожиданно сорвался с места и стремительно бросился под ноги лошади, угрожающе размахивая руками. Опал дико заржал и взвился на дыбы. Аня вылетела из седла, как пробка из бутылки, но приземлилась довольно удачно, шлепнувшись в большую кучу опавшей листвы. Опал бросился прочь, не слушая зовущую его Анну.

Человек двинулся в ее сторону и тут, когда его лицо осветила луна, она пожалела, что, падая, не свернула себе шею. По крайней мере, не увидела бы этот кошмар. У существа, приближающегося к ней, было совершенно невероятное лицо, если это слово подходит к сведенной судорогой неподвижной маске со свисающей лохмотьями обугленной кожей. В глубоких глазницах что-то тускло поблескивало, хотелось бы надеяться, что это глаза, хотя в данном случае Анна поверила бы во что угодно.

Несмотря на сковавший ее ужас, от которого шевелились волосы, голова работала на удивление четко. Достаточно по крайней мере для того, чтобы сообразить – человек с такими ранами НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ЖИВ! Это мертвец!

Но он двигался! Он шел прямо на нее!

Аня взвизгнула и вскочила на четвереньки, норовя броситься в ближайшие кусты.

– Что тебе от меня надо? – вопила она. – Убирайся! Отстань!

Человек, или что там это было, как будто не слышал ее. Он подошел почти вплотную и навис над ней. Анна почувствовала отчетливый запах гниющей плоти и всхлипнула.

«Все, мне конец, – подумала она с тоской, – сейчас он меня прикончит».

Но мертвец или призрак, а Анна уже сообразила, кто перед ней, вдруг остановился, слабо покачиваясь. Анна услышала глухой, словно идущий изнутри, голос:

– По-мо-ги, – с трудом различила она. И снова: – По-мо-ги.

– Что? Что я должна сделать? – ошарашенно прошептала она, пялясь на ужасное существо у себя над головой. Оно точно решило окончательно свести ее с ума, так как протянуло к ней руки, и Аня увидела, что вместо кистей они заканчиваются отвратительными обрубками. Девушке даже показалось, что в полуразложившейся плоти шевелятся черви, но она

постаралась не думать об этом.

– Най-ди! – прохрипел мертвец.

– Что найти?

Он снова ткнул ей под нос свои культы.

– Ру-ки...

– Господи, да где же я их тебе найду? – в отчаянии воскликнула Анна.

Но вопрос остался без ответа. Призрак исчез, точно растворился в воздухе, оставив после себя только слабое зловоние. Анна помотала головой, совсем как Опал. Она не могла поверить, что существо не причинило ей вреда. Но почему оно обратилось со своей странной просьбой именно к ней? А может, он знал, кто она?

Господи, да ведь это его рука забралась прошлой ночью в ее постель! Как же так? Мертвец – отдельно, а его руки – отдельно? Белиберда какая-то. Так не бывает. Но память уже услужливо подсунула ей нужные сведения. Нет, бывает! Есть такое заклинание! И как она о нем раньше не вспомнила? Если завладеть какой-либо частью тела невинно казненного, то, проведя определенный ритуал, ты приобретешь над ним неограниченную власть! По крайней мере, он никогда не сможет найти покоя до тех пор, пока не вернет утраченное! А по ночам мертвец встает из гроба и ищет украденную плоть.

Но кто сыграл с этим несчастным такую злую шутку? Ведь случилось-то все больше двух сотен лет назад! А ручки до сих пор бегают. Она собственными глазами видела их в действии. Сами по себе они двигаться не могут, значит, кто-то ими управляет! Через столько лет кто-то проник в страшную тайну, завладел ею и теперь развлекается в свое удовольствие.

– Вот сволочь! – громко сказала Анна.

Неподалеку отозвался Опал. Он не убежал, потеряв всадницу. Анна обрадовалась такому проявлению дружбы, как никогда в жизни.

– Опал, хороший мой, я здесь! – позвала она.

Шорох листьев под копытами известил – Опал идет ей навстречу. Вскочив в седло, она ласково потрепала жеребца по шее. Уже через четверть часа они въехали в ворота усадьбы.

Анна отвела Опала на конюшню, поручив заботам конюха, и побрела к крыльцу. Освященные яркими лампами георгины почему-то показались ей ужасно противными. Их огненный красный цвет потерял свою яркость и теперь напоминал запекшуюся кровь.

Девушка неприязненно отвернулась от цветов, и вдруг ее взгляд наткнулся на знакомый силуэт. Подойдя ближе, она увидела Сандру, а вместе с ней того старика в инвалидной коляске. По-прежнему закутанный

в гору пледов, он высвободил правую руку и приветливо помахал Анне, как старой знакомой.

– Анна, ты выглядишь такой бледной и испуганной, словно повстречала в лесу привидение, – холодно заметила Сандра. – Твои прогулки до добра не доведут.

– Вы и в самом деле немного взъерошенная, деточка, – согласно пискнул старичок. – С вами все в порядке?

– Да. Просто немного сбилась с дороги, – соврала Анна. Она могла бы сказать, что сама Сандра была далеко не в лучшем виде. Ее самообладание на этот раз ей изменило. Она так нервничала, что искусала себе губы в кровь. Что это ее так скрючило? Неужели только то, что Анна застала ее в обществе этого безобидного старикана?

– Мы с вами в прошлый раз так и не успели познакомиться, деточка, – как ни в чем не бывало проворковал старичок. – Я уже знаю, что вас зовут Анна. А я – Клонов Оскар Егорович.

– Художник?! – воскликнула Анна, не веря своим глазам. Вот этот гном – тот самый мастер, которым бредит полстраны? Невероятно.

Наверное, ее мысли отразились на ее лице, потому что Клонов захихикал и, довольный произведенным впечатлением, потер маленькие ладошки друг о друга.

– Вижу, вижу, вы слышали обо мне! – радостно прочиркал он. – Вы представить себе не можете, как я польщен! Вот что, я заехал, чтобы пригласить прекрасную Сандру на свою выставку, которая открывается завтра. Буду весьма признателен, если и вы примете мое приглашение. Согласны?

Анна глянула на Сандру и увидела, что та побледнела как полотно, но возражать не посмела.

Получив согласие Анны и пожелав обоим доброй ночи, Клонов резво покатил восвояси и скоро скрылся из вида.

Аня первая пошла к ступенькам.

– Послушайте, Анна! – раздалось ей в спину. Девушка обернулась. – У меня к вам одна просьба. Не уверена, что вы согласитесь ее выполнить, но мне бы очень хотелось...

Сандра замолчала, совсем запутавшись. Еще недавно бледные щеки залил румянец. Но это была краска не стыда, а унижения. Сандре невыносимо было просить кого-то об одолжении, тем более если этим кем-то была Анна. Сделав над собой усилие, Сандра выдавила:

– Не говорите мужу о том, что здесь был Оскар Егорович.

– Почему?

– Они не ладят. Вы не скажете?

– Пока нет, а там будет видно, – ответила Аня, внимательно наблюдая за реакцией женщины. Та отшатнулась от нее с видом затравленного зверя и ринулась на крыльцо так быстро, как только позволяли ее каблуки. Дверь с грохотом захлопнулась.

Аня хмыкнула, медленно поднялась по ступенькам и вошла в дом.

От ужина она отказалась и сразу поднялась в свою комнату. Сейчас, когда она осталась одна, ей стало по-настоящему страшно. Все внутри буквально вопило об опасности, ее знобило. В комнате было очень тепло, даже жарко, но озноб не прекращался. Анна многое знала о магии и потустороннем мире. Поняв однажды, что ей не избавиться от своего дара, она попыталась хотя бы разобраться в нем как следует. Ей это удалось, она собрала уникальную коллекцию книг об оккультизме, некоторые из которых сохранились практически в единственном экземпляре. Что же касается практики, то впервые в жизни ей пришлось столкнуться с призраком лицом к лицу, да еще получить от него что-то вроде задания. Кое-что подобное она видела и раньше, но сегодняшняя встреча – это уже чересчур. Окажись на ее месте обычный человек, он не пережил бы подобного ужаса. Да и ей самой пришлось несладко.

Кстати, о людях, о тех, кто прожил в этих местах много лет. Призрак существует с незапамятных времен, так неужели никто не встречался с ним раньше? Пожалуй, пришла пора поговорить с кем-нибудь из местных.

Не успела она подумать об этом, как дверь ее комнаты осторожно приоткрылась и в нее проскользнула Маша с подносом.

– Вот, я вам чай принесла, – смущенно потупясь, сказала она. – Вы сегодня совсем ничего не ели. Может, чайку попьете? С вареньем.

– Спасибо, Маша, поставь поднос на столик, – улыбнулась Анна. Девушка выполнила просьбу и налила чай в чашку.

– Вам сколько сахара? – спросила она.

– Два кусочка.

Ловко орудуя серебряными щипчиками, горничная исподтишка посматривала на Аню. Наконец она не выдержала и спросила:

– У вас все в порядке, Анна Владимировна?

– Относительно. А почему ты спрашиваешь?

– Ну, вы такая бледная, и дрожите, и кофточка на вас вся испачканная. Вы ее мне дайте, я постираю и к утру просушу.

Анна с благодарностью отдала свитер и закуталась в теплый халат.

– Маша, а что ты знаешь о безруком призраке?

Девушка побледнела.

- Я ничего не знаю... – пролепетала она, отводя глаза.
- Не бойся, расскажи мне, – продолжала настаивать Аня.
- А зачем вам?
- Хочу разобраться во всем, что здесь творится. Так как насчет привидения? Видела его?
- Ну... его вообще-то многие видели. Я, кажется, тоже.
- Почему «кажется»?
- Может, показалось просто. Он ведь вроде как ненастоящий. Только тень, или облако. Но кое-кто видел его и по-другому.
- Это как же?
- Ну, вот как мы с вами, то есть на первый взгляд – живой человек, только страшный очень и ходит сквозь стены, как будто их и нету вовсе. Болтают, наверное. Здесь этот призрак – что-то вроде местной достопримечательности.
- Подожди-ка, ты сказала, что он ходит сквозь стены, а где это было?
- Да прямо здесь, в доме. Мне посудомойка рассказывала. Вышла как-то после полуночи в коридор, а он тут как тут. Она, конечно, заорала как резаная, а он – шасть в стенку и исчез. Вот и все. Да говорю вам, привиделось ей. Она к бутылке часто прикладывает, вот и допилась до зеленых человечков. Разве может кто-то сквозь стены шастать?
- Может, – задумчиво произнесла Анна. – Если этот человек жил раньше в доме, стоявшем на этом месте, то маршрут передвижений мертвеца будет таким же, как и при жизни. Он пройдет из комнаты в комнату в том месте, где раньше были двери. Но дом-то многократно перестраивался, и на месте бывших дверей теперь стены. Только призрак их как бы не видит, понимаешь?

Маша смотрела на Анну во все глаза. На глуповатом личике ясно читался испуг.

– Откуда вы все это знаете, Анна Владимировна? – спросила она почему-то шепотом.

Анна спохватилась, сообразив, что рассказала слишком много. Девчонка еще, чего доброго, подумает, что гостья слегка не в себе. Поэтому она с улыбкой ответила:

– Никакого секрета в том, что я тебе рассказала, нет. Я прочитала это в одной умной книжке, а сейчас вспомнила.

После своего явного промаха Анна поспешно спровадила горничную, надеясь, что странный разговор не задержится надолго в ее головке.

Спать она сегодня ночью не собиралась. Боялась, что к ней снова пожалует страшный гость. Кто знает, что случилось бы, не проснись она

вовремя. Возможно, утром ее нашли бы задушенной в постели, ведь рука подбиралась к ее горлу, и Ане как-то не верилось, что ее собирались просто пощекотать.

Заодно Анна решила последить за Сандрой. Ей не давал покоя вопрос: куда шляется по ночам эта белая и пушистая кошечка.

Первые несколько часов она просидела легко. В библиотеке отыскалось несколько свежих детективов. Читать Анна очень любила и с интересом углубилась в захватывающую историю, не забывая, однако, прислушиваться к тому, что происходит в коридоре за дверью.

Она слышала, как Сандра прошла к себе. Это было в одиннадцать. Потом в течение примерно двух часов из коридора не доносилось ни звука. Аню начало клонить в сон. Еще час спустя она начала подумывать о том, что Сандра, возможно, вообще не собирается сегодня покидать свою комнату.

Чтобы прогнать сон, Аня открыла окно, надеясь, что холодный воздух немного взбодрит ее, но вместо этого испытала ощущение, будто кто-то коснулся ее лица влажной ладонью. Густой туман, поднимающийся от болот, так и норовил проскользнуть в теплый уют спальни. Анна захлопнула оконную раму и сразу услышала скрип петель и осторожные шаги по коридору.

Девушка скинула тапочки, на цыпочках подбежала к двери и осторожно выглянула наружу. Она успела заметить краешек розового пеньюара Сандры, мелькнувший на лестнице, ведущей на первый этаж. Выждав немного, Аня проследовала в том же направлении.

Сандра уже была внизу. Мягко ступая по ковровой дорожке, она прошла через холл в гостиную, но свет зажигать не стала. Немного обескураженная, Аня бесшумно сбежала вниз. Она, честно говоря, ожидала, что хозяйка покинет дом, но та вовсе не собиралась этого делать.

Заглянув в гостиную сквозь стеклянную двустворчатую дверь, Аня увидела, как высокая фигура в развевающемся пеньюаре пересекла комнату, ловко ориентируясь в темноте, и скрылась за дверью, ведущей в коридор, где располагались спальни и кабинет Барскова.

Неужели она направляется к мужу? Но почему ночью, тайком? Анна терялась в догадках. Ее охватило беспокойство. Она помедлила, размышляя, стоит ли продолжать слежку. Что, если Сандра о чем-то догадалась и сейчас поджидает ее в коридоре? Более дурацкой ситуации и придумать нельзя.

Но любопытство взяло верх, и она все же пошла туда.

И как раз вовремя, чтобы увидеть, как дверь одной из комнат в

полутемном коридоре отворилась, чтобы впустить ночную гостью.

Анна только присвистнула, когда поняла, кому принадлежит эта комната. Вот это фокус! Ай да кошечка! И прямо у мужа под носом!

Больше Ане здесь делать было нечего. Тайна ночных исчезновений хозяйки дома разрешилась до отвращения банально: жена властного Барскова бегала по ночам к его молодому красавчику-сыну...

Глава 15

Стоя возле окна и спрятавшись за занавеской, Аня с интересом следила за тем, как Сандра торопливо пересекает двор и усаживается в темно-зеленую «Ауди». Понятно, чем вызвана такая спешка. Любительница ночных вылазок не забыла о том, как любезный Оскар Егорович пригласил вчера их обеих посетить открытие его выставки, и теперь пыталась смыться, чтобы не брать с собой Анну. Скорее всего, она надеялась, что в этом случае непрощенная гостья либо забудет о приглашении, либо не захочет отправляться на вернисаж в одиночестве или, что еще вероятнее, просто обидится, но в любом случае Сандра будет избавлена от неприятного ей общества. Чтобы достичь желаемого наверняка, Сандра исчезла из дома в начале девятого. Учитывая то, что большую часть ночи она провела без сна, такой поступок можно было приравнять к подвигу.

– Извини, дорогая, но мне придется тебя огорчить, – прошептала Анна себе под нос. – На выставку я отправлюсь в любом случае. Но вовсе не из любви к прекрасному. Просто мне надо поискать одну девушку, которая может рассказать кое-что интересное.

Аня имела в виду Аллочку Лепетову, горничную из «Парусника». Встреча с ней могла дать ответы на некоторые вопросы. Правда, Барсков сказал, что девушка прячется, но как знать, вдруг она уже вернулась? В противном случае Аня надеялась, что ей удастся вычислить ее убежище.

Завтракать пришлось в одиночестве, но это было и к лучшему. До города она добралась быстро, опытный шофер привез ее по нужному адресу и показал на скромный обшарпанный домик в три этажа, с вытоптаным палисадником:

– Вот этот, кажется, номер шестой. Таблички, естественно, поотрывали, но у меня в соседнем доме друг живет, так что это тот, что вам нужен.

Аня поблагодарила его и зашла в первый подъезд. В доме их было всего два, но квартира девять должна была располагаться в этом. Так и оказалось. Внутри дом выглядел еще хуже, чем снаружи. Оно и понятно, раньше за порядком следили ЖЭКи, теперь – никто. У жильцов нет ни денег, ни желания проводить капитальный ремонт, вот и любуются, горемычные, на разводы на потолке и покрытые похабными надписями стены.

Добравшись до нужной квартиры, Анна осмотрелась в поисках звонка, но его не обнаружила. Тогда она просто постучалась, и дверь сразу же открылась, как будто ее ждали.

На пороге, кутаясь в поношенную кофту, стояла... Аллочка! Сердце Ани подпрыгнуло от радости.

– Как я рада, что ты дома! – воскликнула она.

– Разве мы знакомы? – отшатнулась девушка.

Совсем другой голос! Это не Алла. Теперь Аня увидела, что женщина несколько старше совсем юной горничной.

– Извините, я ищу Аллу, а вы с ней очень похожи...

– Кто вы? Вы знали мою дочь?

– Вашу дочь? – искренне удивилась Анна. На вид стоявшей перед ней женщине можно было дать не больше двадцати пяти. Не в детском же саду она произвела на свет свою очаровательную дочурку?

– Маленькая собака до старости щенок, – улыбнулась женщина, заметив смущение Ани. – Проходите.

Аня шагнула в неожиданно просторную прихожую и прошла за женщиной на кухню. При ярком свете стало ясно, что маме Алочки, конечно же, не двадцать пять, но все равно она выглядела очень молодо. Подарок природы, вряд ли у нее были средства на дорогостоящие косметические операции – в этом доме жили бедно, что сразу бросалось в глаза. Но с бедностью пытались бороться, что тоже было заметно. Лицо женщины имело решительное выражение, столь характерное для тех, кто всю жизнь стремится жить «не хуже других» и не желает мириться с тем фактом, что это неосуществимая мечта.

Аня села на предложенную хозяйкой табуретку и согласилась выпить чашку кофе. Женщина варила его мастерски. Горячий напиток источал приятный аромат, и Анна с наслаждением сделала глоток.

– Вы мне так и не сказали, откуда знаете Аллочку, – произнесла женщина. – Раньше я вас не видела, а всех ее подруг я знаю.

– Ну, для ее подруги я, пожалуй, старовата, – мягко улыбнулась Аня.

– Сколько же вам?

– Тридцать.

– Ну вот, а вы удивлялись, услышав, что Аллочка – моя дочь, – улыбнулась в ответ женщина.

– Мы с ней почти не были знакомы, – пояснила Анна. – Встретились в гостинице, где она работала, в тот самый день, когда там случился пожар. Я помогла ей выбраться из горящего здания...

– Так это были вы! – всплеснула руками мать Алочки и неожиданно

заплакала. Анна, почувствовав недоброе, осторожно прикоснулась рукой к ее вздрагивающим плечам.

– Ну что вы, почему вы плачете? Ведь все уже позади. Просто мне надо поговорить с Аллой.

Женщина покачала головой и зарыдала, закрывая лицо руками.

– Она прячется? – попыталась догадаться Аня. – Не хочет никого видеть? Я знаю, она что-то сказала журналистам, но меня ей не надо бояться, я никому не скажу, что встречалась с ней. Вы только помогите мне с ней поговорить!

– Нет, – выдавила женщина.

– Но почему?

– Вы не знаете! Аллочка умерла. – Женщина отняла руки от лица и посмотрела на Анну заплаканными глазами. Сама Аня пыталась лихорадочно переварить информацию, звучавшую так чудовищно.

– Как же так? Неужели она так серьезно пострадала при пожаре? – проямлила девушка.

– Нет, благодаря вам – нет. Она попала в автомобильную аварию, упала с моста в реку.

– В реку? Здесь же нет реки.

– А это случилось не здесь. Аллочка действительно пряталась, она уехала отсюда к подруге, в другой город. Думала, что избежит неприятностей, а нашла в результате свою смерть.

– Это ужасно. Почему произошла авария? Вам сообщили?

– Конечно, – горько усмехнулась женщина. – Сказали, что Алла не справилась с управлением и вылетела за ограждение.

– Она была в машине одна?

– Это-то и удивительно!

– Почему же?

– Моя дочь не умела водить машину.

У Ани от такого заявления отвисла челюсть.

– Я совершенно в этом уверена, – продолжала женщина. – Дочка боялась любой техники, а в машине старалась ездить только на заднем сиденье. Не знаю, откуда у нее этот страх, но она ни за что не села бы за руль!

– Вы говорили об этом следователю?

– Говорила, но он, по-моему, пропустил мои слова мимо ушей. Им же лишь бы дело поскорее закрыть, а здесь все факты налицо. Зачем им лишние проблемы? Но они все же сказали, что были свидетели катастрофы. Водитель «Волги», которая ехала прямо за машиной моей дочери, сказал,

что автомобиль девушки вел себя странно: несясь вперед на какой-то невероятной скорости. Он еще подумал, что лихач за рулем доездитя до неприятностей. И как в воду глядел. Едва машина выехала на середину моста, как напрямик ринулась к бордюру и упала в реку. Он же сказал, что никто не выпрыгивал на ходу, девушка все время была одна. Но Аллочка и с места бы побоялась тронуться, не то что устраивать на дороге каскадерские гонки!

Анна молчала, глядя прямо перед собой. История действительно выглядела невероятной. Но очевидец утверждает, что именно так все и случилось. Вряд ли свидетель подставной, хотя случается и такое, но никто не стал бы городить огород из-за смерти скромной горничной. Однако как тогда все это объяснить?

– А зачем вы хотели видеть Аллочку? – спросила женщина. – Из-за того, что она рассказала журналистам?

– А вы в курсе этой истории?

– Конечно, ведь разговор состоялся при мне. Что бы там ни говорили, но Аллочка рассказала то, что видела. Она никогда не стала бы врать.

– И что же она рассказала? – затаив дыхание, спросила Аня, боясь сглазить удачу.

– В тот день заболела горничная с пятого этажа, и девочки поделили между собой ее комнаты. Аллочке в числе других достался номер хозяина, Николая Захаровича. До вечера все было спокойно. Зато ночь выдалась хлопотная. На четвертом этаже поселились два мафиози, они буянили далеко за полночь, одна из постоялиц даже попросила их утихомирить. Но Аллочка очень боялась этих постояльцев, она даже вроде бы видела у них оружие, поэтому не рискнула идти к ним с замечанием, и к охране не пошла по той же причине.

Чувствуя свою вину, она забилась на пятый этаж, в комнату дежурной и не заметила, как заснула. Разбудил ее звонок. Она посмотрела на пульт – вызов поступил из комнаты хозяина. Причем звонил он очень настойчиво, несколько раз подряд. Аллочка подумала, что хозяин вызывает ее уже не первый раз, она могла не услышать предыдущие звонки, и со всех ног бросилась в его номер, приготовившись получить выговор, а то и полный расчет. Но то, что она увидела, оказалось намного страшнее выволочки: Хворост лежал, навалившись на стол, ошметки мозгов из ужасной раны на виске забрызгали дорогую занавеску. Рядом валялся пистолет. Алла завизжала и бросилась вон из комнаты. Сначала она метнулась к охранникам, но там никого не оказалось. Она побежала к лестнице, чтобы спуститься на четвертый этаж. Только сейчас Алла уловила запах гари.

Перепуганная, она все же начала спускаться вниз и вдруг увидела хозяина гостиницы, живого и невредимого. Он тоже спускался по лестнице. Это было последней каплей, дочка сразу же потеряла сознание, а когда очнулась – вокруг уже всюду полыхало. Дальше вы знаете. Она сползла вниз, у нее начался приступ астмы, и тут ее заметили вы.

– Алла рассказала об этом журналисту?

Женщина смутилась. Помявшись немного, она сказала:

– Дочка говорила не совсем так. Понимаете, она решила, что у нее в голове спресонок все перепуталось и она сначала увидела Хвороста, крадущегося по лестнице, а уже потом – с простреленной головой в кабинете. Судите сами, иначе и быть не могло. Ну не может же человек с расколотым черепом разгуливать как ни в чем не бывало? Она так и не смогла до конца понять, что случилось сначала, а что потом. И от этого очень переживала. Журналисты сами раздули из ее слов целую историю, выдвинули дурацкое предположение, будто Хворост сам поджег «Парусник».

– Вы в это не верите?

– Не знаю. Меня там не было, – уклончиво ответила женщина.

– А почему Алла решила убежать?

– Что-то ее напугало. Сама не знаю – что именно, хотя обычно она бывала со мной откровенна. А тут ее словно подменили. Прибежала вся белая, вещи в сумку побросала и помчалась на вокзал. Я пыталась ее остановить, но она только отмахнулась. «Мне надо бежать, – говорит, – если он меня поймает, то мне крышка». Вот и все. Я даже не знаю, кто ее так напугал.

– Ее пытались разыскивать?

– Постоянно. Кто только не приходил: и милиция, и журналисты. Но я никому не говорила, что знаю, где прячется Алла.

– А вы знали?

– Да. Она мне позвонила на следующий день и сказала, что все в порядке, она в безопасности, у Катерины. Я сразу поняла, куда она уехала, и даже успокоилась. Катя девушка хорошая, они еще со школы дружили.

Больше ничего существенного Ане узнать не удалось. Она тепло попрощалась с матерью Аллы, еще раз выразила соболезнование и пообещала, что попробует разобраться в загадочной смерти девушки. Однако она понимала, что выполнить обещание будет нелегко. Противник ей попался на сей раз очень хитрый. Тем не менее Анна все больше убеждалась, что это – человек. И он виртуозно владел магическим искусством. Теперь это было не голословным утверждением. Анна ни за

что не стала бы объяснять матери погибшей девушки, как могло случиться, что Алла, испытывающая страх перед любым механизмом крупнее утюга, вдруг оказалась одна в салоне несущегося на бешеной скорости автомобиля, а потом и вовсе сиганула с моста в реку. Невероятно.

Но у Анны имелось объяснение, еще более невероятное, чем само происшествие.

Ей приходилось слышать о могущественных магах, способных даровать жизнь любому, даже неодушевленному предмету. Да-да, именно так, они утверждали, что органическая жизнь может быть вызвана везде! Объяснение такому феномену давала теория о том, что дух вполне способен становиться самостоятельной единицей и, повинаясь воле мага, внедряться в различные предметы. Например, в автомобиле... Такая машина будет действовать сама по себе, двигаясь туда, куда прикажет «ожививший» ее колдун.

Единственной сложностью в таком случае могла оказаться необходимость заманить ничего не подозревающую девушку в машину. Хотя вряд ли это можно назвать серьезным препятствием. Как бы Аллочка ни боялась машин, она наверняка пользовалась частниками и такси для того, чтобы передвигаться по городу. Трястись в трамвае, ползущем со скоростью полупарализованной черепахи, – занятие только для особо терпеливых. Аллочка таковой не являлась.

Когда Анна из чистого любопытства читала о подобных возможностях, она и представить себе не могла, что кто-то в реальности способен сотворить такое. Даже подозревала, что это не более чем выдумка. И вот пожалуйста. Где-то поблизости находится некто и совершенно безнаказанно творит свои мерзости.

Зачем ему понадобилось убивать Аллочку? Ну что такое она увидела? Она и сама не была уверена, что все было именно так, как она рассказала матери. Но ее рассказ почему-то встревожил преступника, и он поспешил навсегда заткнуть ей рот. Значит, было в ее словах что-то важное. Вот только что? Оживший Хворост с дыркой в черепе? Не-ет, на такое не способны даже самые искусные маги. Кто же тогда бродил по лестницам горячей гостиницы? Или Аллочка все же что-то перепутала?

Глава 16

К открытию выставки Аня не успела. Когда она вошла в просторный светлый зал, официальная часть уже закончилась и посетители небольшими группками толклись возле развешенных по стенам полотен.

Картины Клонова действительно были в моде. Среди присутствующих мелькали лица невероятно важных столичных персон. «В жизни не думала, что когда-нибудь увижу их живьем, – подумала Аня, – по моим дорожкам такие павлины не ходят».

Ей лично картины не понравились. Она вспомнила портрет Кутько и слова его сестры, что знаменитый художник вдруг изменил своему стилю. По мнению Ани, правильно сделал. Предыдущие его работы были просто отвратительны. Патологическая любовь к красному, должно быть, породила его манеру письма, что бы он ни пытался изобразить – это напоминало выворачиваемое наружу чрево, распоротое тупым ножом живое тело.

Рассмотрев пару полотен, Аня решила, что с нее достаточно, но уходить практически сразу же после своего появления она не стала, чтобы не показаться невежливой. Стараясь не смотреть на стены, она бродила по залам, до нее доносились обрывки разговоров. Клонова называли гением, талантливым карликом, дьяволом и бог знает кем еще, но неизменно восхищались.

Наконец Ане показалось, что она провела здесь достаточно времени и можно уходить с чистой совестью, но у самого выхода она столкнулась с Марией Константиновной, которая неслась ей навстречу, словно корабль под парусами. Статное тело, облаченное в облегающий костюм леопардовой расцветки, сразу выделяло ее в толпе, как хищника, вырвавшегося на свободу из клетки.

– Здравствуйте, Анечка! – громогласно приветствовала она Анну. – Уже уходите?

– Да, вроде бы все посмотрела, – кисло улыбнулась Аня.

– Не понравилось? – догадалась Мария Константиновна. – Так я и думала. А как вам портрет дамы в зеленом? Это в новой для Оскара Егоровича манере реализма.

– Что-то не припоминаю. По-моему, здесь только это... это... – Анна в замешательстве покрутила в воздухе рукой, пытаясь подобрать определение самобытным работам художника.

– Ну, что же вы, обязательно надо взглянуть, – продолжала настаивать

великанша. – Работа очень примечательная. Она вас обязательно заинтересует!

Анне показалось, что в словах женщины есть какой-то скрытый смысл, и покорно позволила ей увести себя в какой-то зал.

Мария Константиновна привела ее в небольшую нишу в дальнем конце одного из залов, которая и в самом деле как-то выпала из поля зрения Ани, впрочем, она нарезала круги без особой цели, лишь бы время протянуть. Теперь ее глазам предстал выполненный в полный рост портрет невероятно красивой женщины, одетой в старомодное платье из темно-зеленой парчи со стоячим белоснежным кружевным воротником. Сходство было поразительным. словно живая, на Анну с портрета смотрела... Сандра. Но это еще не все. В ушах красавицы висели до боли знакомые украшения – бриллиантовые серьги-птицы...

– Ну, узнаете? – спросила Мария Константиновна шепотом.

– Да, ошибиться невозможно. Это те самые сережки. Но как здесь оказался портрет Сандры?

– Что же тут удивительного. Спонсор выставки – ее муж, а портрет этой красотки – своеобразная благодарность.

– Барсков – спонсор выставки? – переспросила Аня, решив, что она ослышалась.

– Почему вас это удивляет? Он богат и давно помогает Клонову. Еще с тех пор, когда тот не был таким знаменитым.

– Странно. Я слышала, что они не ладят...

– Да? Возможно, и так. Но ведь спонсорство – это тот же бизнес. Деньги и слава всегда старались держаться поближе друг к другу, получая от этого взаимную выгоду. Ну, ладно, вы увидели то, что я хотела вам показать, а выводы сделаете сами. Мне нужно идти. Мое присутствие здесь – тоже бизнес, но помните: если сможете прижать убийцу моего брата – рассчитывайте на мою благодарность. Вы понимаете, о чем я?

Анна кивнула. Мария Константиновна, еще раз попрощавшись, отправилась заниматься своим бизнесом, а Анна осталась возле картины, внимательно вглядываясь в лицо изображенной на нем женщины и пытаясь угадать – неужели эти совершенные черты принадлежат жестокой преступнице?

– Вам нравится портрет?

Анна вздрогнула и обернулась, едва успев изобразить на лице вежливую улыбку. Клонов смотрел на нее снизу вверх и блаженно улыбался. Он был одет в белый смокинг и выглядел точь-в-точь как ребенок, наряженный во взрослую одежду.

– Рад, что вы пришли, – пропищал он своим детским голоском.
– Мне стало любопытно.
– Этот портрет мне и вправду удался. Хотите, я и вас нарисую?
– Нет, спасибо. У меня нет таких денег.
– Что вы, о чем речь. Я уже достаточно богат, чтобы позволить иногда рисовать то, что мне нравится, – замахал он короткими ручками. – У вас очень выразительное лицо! Особенно – глаза. Они сияют каким-то нездешним, ведьминским пламенем. Глаза, полные жизни и неутоленных страстей!

Анна смутилась, слушая такие дифирамбы в свою честь. Как все художники, Клонов сильно приукрашивал действительность. Глаза у Анны, по ее мнению, были самые обыкновенные.

– Так вы согласны? – не унимался Оскар Егорович.

– Я подумаю. Извините, но мне надо идти. Неудобно задерживать шофера. Все-таки я здесь в гостях.

– Всего доброго! Но вы все же подумайте и обязательно навестите меня. Очень хотелось бы поболтать с вами подольше.

Анне ничего не оставалось, кроме как пообещать побывать в гостях у художника. Но она была уверена, что вряд ли сдержит обещание.

* * *

Серьги-птицы в розовых ушках Сандры не давали Ане покоя. Теперь она знала, что найденное ею украшение принадлежит жене Барскова, но что это ей дает? Можно, конечно, явиться к заносчивой дамочке и заявить прямо в лоб о своих подозрениях. Ну и что? Если у Сандры с мозгами все в порядке, а до сих пор поводов сомневаться в этом не было, то она заявит, что знать не знает, откуда в доме Кутько ее сережка. Да еще приплетет слезную историю о том, будто бы потеряла драгоценность год назад. И свидетелей предъявит, если понадобится.

Нет, торопиться в этом случае не надо. Прежде чем разговаривать с девицей, необходимо проверить ее алиби. В доме Кутько ее никто не видел, иначе об этом уже было бы известно, а вот если она во время убийства отсутствовала здесь и это заметили слуги, тогда и разговор можно повернуть по-другому.

Воспользовавшись тем, что Сандра все еще не вернулась из города, Аня поспешила на поиски Маши. Глазастая девушка наверняка заметила, если хозяйка поздно явилась домой.

Рядом с дверью, ведущей в гостиную, находилась еще одна, обтянутая дерматином. Эта дверка вела на половину слуг. Аня спустилась по черной лестнице и обнаружила Машу в буфетной. Девушка протирала столовое серебро и, увидев Анну, удивилась.

– Вам что-то понадобилось? – спросила она, вскинув бровки.

– Ты не очень занята?

– Да нет. А что надо сделать?

– Поговорить.

Уже в комнате Ани, выслушав вопрос про то, как провела определенный день хозяйка дома, Маша надолго задумалась. Анна видела, как меняется ее лицо. Темные глаза девушки зажглись каким-то недобрым огнем, в уголках полных губ залегли резкие складки, сделавшие ее старше.

– Если я вам отвечу, у нее будут проблемы? – неожиданно спросила она.

– Вполне вероятно...

– Надеюсь, они у нее будут, – удовлетворенно кивнула Маша. – Она очень злая. Я ее ненавижу. Не удивлюсь, если узнаю, что ее обвиняют в убийстве. Эта тварь убьет кого угодно, если он встанет у нее на пути. В тот день, о котором вы говорите, ее не было дома часов до двенадцати. Но это ничего не доказывает. Обычно по четвергам она ездит в шейпинг-клуб и всегда возвращается поздно.

– Вот как... – разочарованно протянула Аня.

Маша предостерегающе подняла руку, давая понять, что она еще не договорила.

– Я сказала – обычно, но в тот день она не ездила в клуб.

– Откуда ты знаешь? – встрепенулась Аня.

– Потому что из клуба звонили. Сандра очень жадная. Она купается в деньгах, но если может сэкономить хотя бы копейку, то своего не упустит. Думаю, не стоит уточнять, что экономит она на других. Так вот, она зажала плату за абонемент. И менеджер клуба позвонила, чтобы спросить Сандру, когда поступит платеж. Трубку взяла я и сказала, что Сандра давно уехала в клуб, но менеджер заверила меня, что она там даже не появлялась, и попросила передать насчет платежа.

– Ты это сделала?

– Нет. Та тетка не спросила, с кем разговаривает, а Сандра, сунься я к ней с этим напоминанием, разорвала бы меня на части. Не любит, когда ее уличают в жадности. Так что в тот день в клуб она не ездила, а вернулась как обычно. Это вам поможет?

– Надеюсь.

– Что она натворила?
– Пока рано говорить, но, думаю, нечто страшное.
– Можете не говорить, я и так знаю – убила кого-нибудь. Надеюсь, вы это докажете.

Мягкий, хрипловатый голос девушки стих. Она была взволнована, над верхней губой проступили мелкие бисеринки пота.

– Спасибо тебе, Маша, ты мне очень помогла. Только никому не рассказывай о нашем разговоре. Мои подозрения ни в коем случае не должны дойти до Сандры, поняла?

– Конечно. Не бойтесь. Чтобы увидеть эту крысу за решеткой, я могу молчать хоть целый год.

– Надеюсь, мне понадобится гораздо меньше времени, – усмехнулась Анна.

Казалось бы, все улики были против Сандры. Мужа она обманывает, в день смерти Глеба болталась неизвестно где, прикрываясь посещением шейпинг-клуба, в доме Глеба осталась принадлежащая ей сережка. Все так. Но Анна не спешила с выводами. В этом деле отсутствовало самое главное – мотив! Зачем Сандре убивать Глеба? Какая выгода? Ее нет, и это очень плохо. Возможно, Аня была плохим детективом, но одно знала точно – для убийства нужен мотив, если его нет – то дело труба. Разве что подозреваемый – сумасшедший.

Единственная крошечная зацепка – предположение, что Глеб как-то узнал о связи Сандры с Германом – весомая причина для убийства, но Ане почему-то казалось, что эта связь – секрет полишинеля, Барсков наверняка догадывается, чем занимается супруга у него за спиной. Хотя говорят, что мужья узнают обо всем в последнюю очередь. Нет, это все-таки какая-никакая, а версия.

Разговор с Сандрой мог бы многое прояснить, и Аня решила действовать незамедлительно. Она слышала, как та вернулась в свою комнату, момент был подходящий – Барскова и Германа не было дома, и если Сандра вздумает устроить истерику, то круг ее зрителей будет весьма ограничен.

Сандра лежала на кровати с журналом в руках. Она успела переодеться в пеньюар, на этот раз – темно-синий. Ее золотистые волосы свободно падали на грудь живописными волнами. Она выглядела потрясающе и знала об этом.

Как только Аня вошла, на лице Сандры появилось выражение скуки, которое она даже не пыталась скрыть.

Анна заколебалась, спрашивая себя, удастся ли ей сбить спесь с этой

надменной женщины. Она вдруг почувствовала себя неловкой, чувство уверенности в себе моментально испарилось.

«Так не пойдет, – подумала девушка. – В конце концов, это Сандра должна волноваться, ведь она наверняка знает, что потеряла сережку, которая вполне могла остаться в доме Кутько».

– Нам надо поговорить, – произнесла Анна, стараясь придать своему голосу твердость.

– О чем нам с вами говорить? – лениво протянула блондинка. Пожалуй, чересчур лениво, она слегка переигрывала. Это придало Ане сил, и она сказала уже смелее:

– О вас, и еще вот о чем.

С этими словами Анна протянула Сандре раскрытую ладонь, на которой искрилась бриллиантовая птичка.

Сандра, бросив взгляд на украшение, ответила не сразу, и некоторое время в комнате стояла тишина. Обе женщины затаили дыхание. Ладони у Анны стали влажными, она чувствовала, как в груди бьется сердце.

Наконец Сандра пошевелилась. Резким движением, ожесточенность которого напугала Анну, она стиснула ворот шелкового халатика. Когда она заговорила, голос ее звучал четко и холодно:

– Откуда у вас эта вещь?

– А разве вы не знаете? – ответила Аня вопросом на вопрос.

– Понятия не имею. Я не намерена отгадывать ваши загадки. Говорите, что вам надо, или убирайтесь.

В душе Анны поднялась волна ярости. Эта похотливая, расчетливая сучка все-таки ее достала. Аня решительно пересекла комнату и уселась в кресло напротив кровати. Зрачки Сандры слегка расширились, но выражение лица осталось все таким же надменным.

– Должна признаться, мне надоели ваши выходки, – отчеканила Анна. – Вы изображаете королеву, и бога ради, кому-то ваш спектакль может внушить душевный трепет, но только не мне. На самом деле мне до лампочки, что с вами будет. Мне стоит только отнести эту штучку вашему мужу и рассказать, где я ее нашла. Наверняка вы уже поняли, что потеряли ее у Глеба. – Анна движением руки остановила собирающуюся возразить Сандру. – Не надо рассказывать мне сказки о том, что в тот день вы сгоняли жирок на тренажерах. Вы не ездили в клуб, это легко проверить. Ну так как? Расскажите все мне или пригласим вашего супруга? А можно еще и милицию, чем больше народу – тем веселее.

– Я не убивала Глеба, – глухо сказала Сандра. – Зачем мне это нужно?

– Я и не говорю, что вы его убили, хотя насчет отсутствия мотива вы

погорячились. Как вам такая версия: Глеб узнал, что вы крутите роман с сыном вашего мужа, и грозился открыть супругу глаза? Сомневаюсь, что Александр Федорович погладил бы вас по головке за такие дела. Скорее всего – вышвырнул бы вон без выходного пособия...

Сандра побледнела.

– Какая же ты дрянь! И про это разнюхала! – Ее голос поднялся до истерического визга, закончившегося рыданиями. – Убирайся отсюда ко всем чертям, можешь докладывать кому хочешь!

Аня обиделась. Но вместо того, чтобы развернуться и пойти туда, куда ее посылали, осталась сидеть в кресле и спокойно сказала:

– Мне глубоко плевать на твои амурные дела, я только хочу знать, что ты делала у Глеба. Расскажи мне, и я от тебя отстану.

Сандра подняла на девушку покрасневшие глаза и неожиданно кивнула:

– Хорошо, я расскажу тебе все...

Глава 17

Свой рассказ Сандра начала издалека. Она говорила тихим, бесцветным голосом и, хотя на покрасневшей щеке явственно билась жилка, сохраняла внешнюю невозмутимость.

Оказалось, что в детстве она была толстенькой, некрасивой девочкой с жиденькими светлыми волосами и белесыми ресничками. Родители ее были на редкость беспутными. Мать вместо кофе на завтрак предпочитала дешевое вино, в просторечье именуемое «бормотухой». Отец – актер-неудачник с непомерными амбициями – заставлял их то и дело мотаться с места на место в надежде ухватить хоть какую-то роль в одном из провинциальных театров. Все ее детство прошло в бесконечных переездах, в крошечных съемных лачугах. В довершение всех несчастий однажды вечером бабушка Сашеньки сообщила ей, что отец их бросил, просто взял – и ушел. Дома, где и так-то царил неразбериха, начался полный дурдом. Мать, теперь не таясь, в открытую глушила дешевую водку. Как-то напившись до свинячьего визга, она сказала Саше:

– А чего ты так убиваешься по отцу? Ведь он тебе не родной, просто чужой мужик.

После этой роковой фразы она икнула и впала в полную отключку. Саша не поверила матери. Поскольку чего-то добиться от нее в данный момент не представлялось возможным, она бросилась к бабушке, надеясь, что та объяснит сенсационное признание матери белой горячкой и скажет, что ее папочка, разумеется, самый настоящий, родной.

Но бабушка подтвердила: да, все так и есть. Настоящий отец девочки в данный момент отбывает длительный срок в колонии строгого режима за разбой и грабежи.

– Мой отец – уголовник? – в ужасе воскликнула Саша.

– По мне, так уж лучше уголовник, чем этот прохиндей, который вечно болтался по стране и дочиста пропивал и без того крошечную получку.

В этот момент Саша почувствовала, что мир вокруг нее разлетелся вдребезги. Мирок-то был плохонький, но теперь не осталось и такого. Ее отец – вовсе не отец ей, а какой-то приبلудный черт, настоящий папаша – рецидивист-уголовник, а мать и бабушка всю жизнь ей ввали. Девочка приняла первое в жизни серьезное решение – уйти из дома.

И ушла.

Она оставила не только свой дом, но и тот город, где незадолго до

этого осела их семья. Девушка подалась в Москву. Ей было всего шестнадцать, но у нее хватило ума сообразить, что легкий на первый взгляд путь на Тверскую – не лучший выход из положения. Ей, в общем-то, повезло. Вместе с такой же девчонкой-провинциалкой они сняли крошечную малосемейку на самой окраине Москвы, и Саша стала думать, что делать дальше. Она ничего не умела, весь ее капитал составляли молодость и приятная внешность, хотя последняя требовала серьезной доработки. Для начала Саша решила похудеть. Это оказалось не так уж сложно: денег было в обрез, к тому же она вкалывала на двух работах: днем мыла подъезды в трех девятиэтажках, а ночью отмывала жирные тарелки в ночном ресторане.

Короче, денег едва хватало, чтобы платить за квартиру. Хорошо еще, что дело было летом и овощи стоили копейки. Саша научилась виртуозно готовить капусту, кабачки и морковь.

Через полгода такой жизни, когда за окном замелькали первые хлопья снега, Саша из неуклюжего подростка превратилась в грациозную куколку. К тому же природа наградила ее удивительным голосом – низким, чуть хрипловатым и очень сексуальным.

И судьба ей улыбнулась. Совершенно случайно она познакомилась с молодым коммерсантом и сумела очаровать его настолько, что он бросил семью и стремительно женился на юной красавице.

Кому-то могла показаться невероятной такая удача – скромная провинциалка получила разом и мужа, и достаток всего за полгода. Но на самом деле все было вполне объяснимо – устав от раскрашенных стервозных красоток, с калькулятором вместо мозгов, парень просто потерял голову от не менее красивой, но гораздо более чистой и непритязательной девчонки, которая искренне радовалась каждому подаренному цветку, не то что дорогому подарку. Конечно, в таком поведении тоже была доля расчета, но Саша сделала правильную ставку и выиграла.

Два года она была абсолютно счастлива. Дела мужа шли в гору, она наконец смогла жить, ни в чем себе не отказывая. Идиллия продлилась ровно до тех пор, пока на горизонте не возник господин Барсков.

К тому времени Александра с успехом работала моделью, сменив имя на более соответствующее имиджу. Так она превратилась в Сандру. На одном из показов ее и заметил Александр Федорович.

Сандра, как и все женщины, обладающая звериным чутьем, очень быстро поняла, что Барсков, как это говорится, запал на нее всерьез, но в душе ее только забавляла запоздалая страсть миллионера. Несмотря на все

свое богатство, по сравнению с ее молодым красавцем-мужем Барсков представлял жалкое зрелище.

И вот тут она совершила роковую ошибку, так как недооценила упрямство своего нового поклонника. Тот привык получать все, что хотел. В данном случае он хотел обладать молоденькой моделью, и очень скоро у мужа Сандры начались серьезные неприятности на работе: комиссии, срывы поставок, наезды братков и расторгнутые договоры с надежными клиентами.

Муж скучнел и мрачнел, ломая голову над тем, откуда взялись неисчислимы напасти, но Сандра навела кое-какие справки и быстренько вычислила источник возникших проблем, после чего крепко призадумалась.

Поразмыслив, она пришла к выводу, что Барсков не отступится, пока не добьется своего. Скрепя сердце Сандра решила уступить, надеясь, что после одной ночи «король лягушек», как она окрестила его про себя, поостынет и оставит ее в покое.

Не тут-то было. После первой ночи состоялся и первый серьезный разговор, в ходе которого выяснилось, что в качестве любовницы Сандра Барскова не устраивает. Он хотел, чтобы она стала его женой.

Сандра почувствовала себя загнанной в ловушку. Она ощущала не только опасность, таящуюся в этом человеке, но и его силу. Барсков никогда не нервничал сам, зато постоянно заставлял нервничать других. Любого другого на его месте она сразу бы отшила, но сейчас Сандра знала, что этот человек не может быть ею отвергнут.

А неприятности все не кончались. Чтобы расплатиться с долгами, они продали машину, шикарную трехкомнатную квартиру в центре и переехали на окраину, поселившись в клоповнике, как две капли воды похожем на ту халупу, в которой Сандра жила до встречи с мужем.

Она, стиснув зубы, терпела. Муж начал пить, но она не сдавалась. Но однажды, вернувшись домой поздно ночью после тяжелого показа, перешагнув через валяющегося на пороге мужа, она открыла холодильник, полки которого были совершенно пусты. Денег в доме не было уже неделю...

И тогда она сдалась...

– Что ж, печальная история, но в любом случае она не имеет отношения к моему вопросу, – сказала Анна. Она так долго молчала, слушая рассказ Сандры, что звук ее голоса вызвал у той замешательство. Наверное, ей стало казаться, что она разговаривает сама с собой, и теперь Аня разрушила эту иллюзию.

– Верно, – согласилась Сандра, – но только отчасти.

– Я поняла, что Барсков добился вашего расположения чем-то вроде шантажа. Из этого должно следовать, что все эти годы вы его ненавидели, но меня в данном случае интересует Глеб Кутько.

– Дойдем и до этого, – усмехнулась Сандра. – Насчет ненависти вы не правы. Да, в первые годы я пыталась изводить его капризами, надеясь, что это ему быстро надоест и я получу долгожданную свободу. Но он быстро укротил мой буйный нрав. Он доходчиво объяснил, что идти-то мне некуда. Мой бывший муж окончательно опустился, у меня не осталось ни квартиры, ни денег, ни старых связей в модельном бизнесе. В этой сфере очень быстро забывают о тех, кто сошел с дистанции. На мое место давно пришли другие, еще более молодые и напористые. Дурой я никогда не была и сообразила, что под крылом весьма обеспеченного мужа, который, кстати, мне ни в чем не отказывал, можно жить вполне сносно, если время от времени позволять себе маленькие развлечения.

Сандра немного помолчала, прежде чем продолжить.

Да, она признавала, что деньги и влияние Барскова изменили ее жизнь. Находясь рядом с ним, она научилась языку деловых людей и тому, как они используют свою власть. Она была накоротке с великими людьми, носила эксклюзивные туалеты и украшения. Пресса следила за каждым шагом ослепительной пары, и Сандра упивалась всеобщим вниманием.

Но была одна мелочь, которая портила ей жизнь, – необходимость ложиться с мужем в постель. Чем дольше она оставалась с ним, тем больше чувствовала себя проституткой, которая расплачивается за все своим телом.

Не то чтобы он не был способен вести себя как нежный любовник. Технически он был силен, владея ее телом в совершенстве. Но он бывал и жестоким, и невнимательным, и грубым. Его настроения и чувства не имели для нее большого значения, но она испытывала отвращение к его насилию. Она быстро заметила, что его поведение в постели напрямую связано с тем, как обстоят дела в его бизнесе. В те вечера, когда он был зол или вымотан до изнеможения тем, что какие-то дела идут не так, как ему хочется, он нападал на нее, словно пещерный медведь.

– Но к странностям своего мужа я постепенно привыкла и даже привязалась к нему, – с улыбкой закончила Сандра. – Сейчас мы существуем вполне мирно, если не сказать счастливо.

– Неужели вы наивно полагаете, что он не знает о ваших похождениях? – усомнилась Анна.

– Возможно, догадывается, – кивнула Сандра довольно равнодушно. – Но пока его не ткнут в это носом, задев самолюбие и сделав посмешищем в

глазах общества, он не станет вмешиваться.

– Так что же все-таки произошло с Глебом? – не унималась Анна, досадуя, что Сандра все время пытается увести разговор в сторону.

– Причина, по которой я оказалась в его доме втайне от мужа, не имеет ничего общего с вашими домыслами. Я действительно ездила к нему и сразу после возвращения поняла, что, скорее всего, потеряла там свою сережку. Я даже хотела вернуться, чтобы под благовидным предлогом попробовать поискать ее, но не рискнула, боясь привлечь к себе внимание. Если бы не это убийство, в моем визите не было бы ничего криминального, очень скоро мой муж узнал бы о нем от меня самой.

– Неужели? – фыркнула Анна. Сандра смерила ее холодным взглядом. Мгновение она казалась рассерженной. Анна видела, каким жестким стал изгиб ее красивого рта. Но ей снова удалось взять себя в руки. Годы жизни рядом с Барсковым сделали из нее потрясающую актрису.

– У моего мужа послезавтра – день рождения. Вы об этом не знаете, как я понимаю, – сообщила Сандра. – Так вот, я ездила к Глебу, чтобы забрать подарок. Дело в том, что Глеб, как, впрочем, и я, большой поклонник Клонова. Я заказала Клонову портрет мужа втайне от него самого. Александр Федорович ни за что не согласился бы позировать, но сам подарок его порадует, я надеюсь.

– В прошлый раз вы просили меня не говорить вашему мужу о визите Клонова. Теперь утверждаете, что муж не стал бы позировать художнику. У них сложные отношения? Почему?

– Этого я не знаю. Мне известно, что знакомы они давно и муж оказывал Клонову финансовую поддержку на первых порах, но лично с ним он предпочитает не общаться, хотя Оскар Егорович – очень милый человек и прекрасный собеседник.

– Значит, вы ездили за портретом?

– Да, Глеб выступил в роли посредника.

– И что произошло, когда вы встретились?

– Ничего, – пожала плечами Сандра. – Он отдал мне портрет. Пришлось его распаковать, чтобы посмотреть. Потом я занималась тем, что заворачивала картину в бумагу, а Глеб куда-то вышел. Когда я закончила возиться со всеми этими бечевками и хотела сказать, что мне пора ехать, то не обнаружила Глеба в доме. Сначала меня это удивило, я выглянула в окно, и мне показалось, что я вижу Глеба, идущего к озеру. Но мне это только показалось, так как через секунду Глеб спустился со второго этажа по лестнице. Я окликнула его, но он мне не ответил, только махнул рукой и быстро вышел. После этого я пошла к своей машине и отправилась домой.

– Вас не удивила такая грубость? Все-таки вы приехали к нему в гости, а он даже не попрощался.

– Глеб был странным человеком. На него порой что-то такое накатывало. Это последствия травмы, нанесенной смертью жены, которую он просто боготворил. Так что я не слишком расстроилась.

– Если вы говорите правду, то в ту ночь на участке Глеба находился кто-то посторонний?

– Именно об этом я и толкую. Хотя необязательно посторонний. Я провела в доме всего четверть часа. У Глеба вполне мог оказаться гость, который по какой-либо причине не захотел со мной встречаться и вышел прогуляться к озеру. Хотя после случившегося я, конечно, подумала, что видела убийцу Глеба. Вы мне не верите?

– Не знаю. Возможно, вы говорите правду, а может быть – вешаете лапшу на уши. Тот человек, в отличие от вас, не оставил никаких следов своего пребывания. Его существование подтверждается лишь вашими словами, а вы не кажетесь мне особенно правдивой.

– Но я его видела! – воскликнула Сандра. – Клянусь вам, я видела его своими глазами.

– Вы сказали, что сначала приняли его за Глеба?

– Да, пока не увидела Глеба на лестнице, я была уверена, что это именно Кутько.

– Вы хорошо его разглядели?

– Да нет, там, у озера, было темно. Но силуэт, походка, все вроде бы совпадало. В любом случае этот человек очень похож на Глеба.

– А где сейчас портрет вашего мужа?

– В летнем домике. Я отнесла его туда, чтобы он не попался на глаза Александру. Хотите взглянуть?

– В другой раз, – сказала Анна, поднимаясь. От того, что она увидит портрет, ничего не изменится. Доказательством того, что Сандра привезла его именно в ту ночь, он служить не может.

К огромному облегчению Сандры, Анна наконец ушла. В коридоре она неожиданно столкнулась с Фрэнком. Он быстро прошел к лестнице, изображая чрезвычайную занятость. Интересно, что ему могло здесь понадобиться? Невольно закралось подозрение, что суперслуга просто подслушивал. Но зачем ему шпионить за Сандрой?

Еще один вопрос. О господи, придет ли когда-нибудь конец этим вопросам?

Анна и сама не знала, верить ли ей рассказу Сандры. Она была о ней невысокого мнения, такой ничего не стоит выдумать таинственного

посетителя и добавить красочные подробности. Но мотив по-прежнему отсутствовал. Кроме того, были еще два несчастных случая с друзьями Барскова. И жены его поблизости в тех случаях не наблюдалось, в то время как у Анны крепла уверенность, что все три случая действительно связаны. Совсем абсурдной казалась идея, что Сандра способна овладеть магическими знаниями. Анна сразу чувствовала людей, наделенных подобным даром. У Сандры он полностью отсутствовал. И это, как ни печально, говорило в ее пользу.

Аню все больше интересовало, почему Барсков так невзлюбил Клонова. И вел себя совершенно непоследовательно: оказывал тому финансовую поддержку и при этом не пускал на порог своего дома, точнее, тщательно избегал личной встречи. Обычно люди руководствуются чем-то одним: им либо нравится человек, либо нет. Исключения возможны в том случае, если один человек зависим от другого. Тут уж не до личных симпатий. Но Барсков никоим образом от Клонова не зависел.

Неизвестно почему, но девушке хотелось разобраться в этом деле. На первый взгляд, оно не имело никакого отношения к тому, чем она занималась, но Аня устала от бесконечных вопросов и хотела получить конкретный ответ хотя бы на один из них. Это можно было сделать, спросив о Клонове у самого Барскова.

Но осуществить свое желание ей удалось только на следующий день. Барсков явился домой после одиннадцати вечера, и Анна не решилась лезть к нему с вопросами в столь поздний час. Зато Германа подобные формальности не волновали. Он заявился к Ане в спальню и с порога спросил:

– Что ты наговорила Сандре, принцесса? Она весь день смотрит букой и похожа на тень самой себя.

С тех пор как они ездили на «экскурсию», Герман ни разу даже не пытался заговорить с Анной. Она все еще злилась на него за то, что позволила поставить себя в дурацкое положение с этим посещением лягушачьей фермы. Да и шашни с отцовской женой не добавляли ему привлекательности в ее глазах. Поэтому она ответила довольно резко:

– Мне кажется, это не твое дело, но с чего ты взял, что именно я виновна в дурном настроении твоей пассии?

– Ого! – вскинул брови Герман. – Это что-то значит! Я ослышался, или ваше высочество изволили намекнуть на то, что мы с Сандрой любовники?

– А разве нет?

– Ох, Анна, неужели тебе не надоело размахивать у меня перед носом своей добропорядочностью? – скривился Герман. – Тебе стоит добавить к

своему имиджу немного чертовщинки.

– Думаю, что как-нибудь обойдусь без твоих советов, – прошипела Анна.

– Да ты никак ревнуешь? – радостно заржал красавец. Что поделаться, видимо, у него в голове не укладывалось, что какая-либо женщина в состоянии противостоять его чарам. Анна не стала его переубеждать. Герман, естественно, воспринял ее молчание как подтверждение своей правоты. На его лице появилась самодовольная усмешка, и он снисходительно сказал:

– Сандра – не та женщина, к которой стоит ревновать. Несмотря на весь свой внешний лоск, она осталась всего лишь глупенькой гусыней. Отцу не стоило на ней жениться. Она очень хороша, но у нее куриные мозги.

– Ты преувеличиваешь, мне она показалась весьма расчетливой и хитрой.

– Хитрость – еще не ум, – резонно возразил Герман. – А считать умеет простой калькулятор. Но ты не сможешь заставить его слагать поэмы. Такие девицы, как Сандра, волнуют мужчин, но не могут их удержать. С ней можно спать, но не о чем разговаривать. Если уж на то пошло, то да, я сплю с ней время от времени. А почему бы и нет?

– Ты переходишь все границы, – поморщилась Аня.

– Ты же сама начала этот разговор. Кстати, ты – совсем другое дело. Если мужчина полюбит такую, как ты, – это навсегда, можешь мне поверить.

– Прекрати. Меня не касаются ваши отношения, даже если вы все ночи проводите вместе. И ты так же не вправе предсказывать, как складываются мои отношения с мужчинами...

– Подожди-ка, – перебил ее Герман. – С чего ты взяла, что мы спим вместе каждую ночь?

Анна покраснела до корней волос. И черт ее дернул за язык!

– Не знаю, что ты там надумала, но это не так. Да, мы приятно провели пару часов не далее как прошлой ночью. Мне было как-то неуютно, и душечка Сандра согласилась разделить мое одиночество, но это случилось впервые с тех самых пор, как ты появилась в доме.

Анна удивилась. Станный подход у этого типа. Если уж признаваться, так до конца. Ведь она точно знала, что Сандра не ночевала в своей комнате по крайней мере две ночи подряд. Почему же Герман утверждает обратное? А если он говорит правду, то где же была Сандра предыдущей ночью?

Герман уже успел удобно устроиться в плетеном кресле возле окна и

явно не собирался его покидать. Но Анна была настроена весьма решительно и вытолкала его вон. Спать она отправилась только после того, как тщательно проверила все запоры на окнах и двери. Этой ночью она намеревалась выспаться как следует, сюрпризы ей слегка поднадоели.

Глава 18

– Почему вы вдруг заинтересовались Клоновым? – мрачно поинтересовался Барсков, когда Анна сунулась к нему со своим вопросом. Он подался вперед и вперился в девушку пристальным взглядом. Анна не отвела глаз и сказала:

– Приходится хвататься за любую соломинку. Дело, которое вы мне поручили, очень запутанное. Практически ни одного свидетеля и очень мало фактов. Единственное объяснение случившемуся – чья-то месть. Я пытаюсь вычислить, кто может настолько сильно вас ненавидеть. Признаюсь честно, ничего конкретного я не выяснила. У вас много недоброжелателей, но настоящих, сильных врагов, обладающих к тому же недюжинным умом и изобретательностью, – нет. Или, если говорить более точно, я их не обнаружила. О ваших отношениях с художником ходит много противоречивых слухов, и мне стало любопытно услышать о них из первых рук, то есть – от вас.

– Если вы считаете, что виновник всего случившегося – этот несчастный калека, то могу посоветовать одно – бросьте эту версию. Она никуда вас не приведет. У нас действительно нет близкой дружбы, хотя знакомы мы давно. Я оказываю ему поддержку по мере возможности, так как признаю его талант, а также – в память о наших давних отношениях. Вот и все. Больше мне сказать нечего. И, прошу вас, не забивайте себе голову ерундой. Гораздо лучше, если вы съездите к Дмитрию Чумакову. Мне кажется, разговор с ним многое прояснит.

Анна прикусила губу от досады. Вот, значит, как. Барсков нанял ее, чтобы раскрыть преступление, и в то же время не желает быть с ней откровенным, решает за нее, что ей следует знать, а что нет. Ну хорошо, господин Барсков, пока сыграем по вашим правилам. Он хочет, чтобы она встретилась с Чумаковым, – отлично, но когда она вернется, то найдет способ заставить его рассказать правду о Клонове.

Она и сама не знала, зачем ей это так нужно, но именно интуиция и отличала ее от других. Иногда это чувство заставляло ее совершать те или иные поступки, мотивы которых поначалу были неясны даже ей самой, но впоследствии всегда оказывалось, что она действовала правильно, и Анна привыкла доверять своим предчувствиям.

– Когда я должна выехать? – спросила она ровным голосом.

– Завтра. Я уже обо всем договорился.

Согласно кивнув, Анна поднялась со своего места и направилась к двери.

– Машина будет готова к восьми. Постарайтесь не задерживаться, – сказал ей вслед Барсков. Анна снова кивнула и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь кабинета.

* * *

Тюрьма – заведение само по себе неприятное. Что хорошего в заведении, окруженном глухим забором с колючей проволокой поверху и смотровыми вышками по углам. Но эта производила особенно тягостное впечатление. Серая глыба торчала посреди необозримого, ровного, как гладильная доска, пространства без малейших следов растительности. Нет, трава-то была, правда, какая-то жухлая, непонятного оттенка, словно больная, но ни единого кустика высотой более полуметра Анна не обнаружила за многие километры пути.

«Да, отсюда не убежишь, – с тоской подумала она. – Мало того, что окрестности просматриваются до самого горизонта, так еще, вдобавок ко всему, равнина представляет из себя не что иное, как бескрайние болота, на которые не решаются ступить даже старожилы, настолько коварны здешние топи».

Глядя на унылый пейзаж, Анна почувствовала, как ее саму охватывает неясная тоска и предчувствие опасности. То, что она совершенно свободна и через несколько часов благополучно покинет это место, как-то забылось, она чувствовала, как тело охватывает неприятная дрожь, и крепко стиснула пальцы, чтобы успокоиться.

С лязгом отворились и захлопнулись ворота. Анна очутилась на крошечном пяточке, впереди – еще одна железная дверь. Наконец она вошла в административное здание и, объяснив постовому, кто она и по какому вопросу явилась, получила четкое указание, как найти кабинет начальника тюрьмы.

Стараясь не смотреть на выкрашенные в грязно-зеленый цвет стены, Анна повернулась было, чтобы пойти в указанном направлении, как вдруг почувствовала, как кто-то дергает ее за рукав.

Она в недоумении оглянулась. Перед ней стояла худенькая, похожая на подростка, девушка с длинными волосами. Они были бы красивыми, если бы она их помыла.

Еще раньше Анна обратила внимание на нескольких человек, в

основном женщин, которые сидели на колченогих стульях, расставленных вдоль стены. У всех этих людей на лицах было одно и то же выражение – терпеливой покорности. Глаза, подернутые дымкой усталости, равнодушно смотрели вокруг и оживлялись только при виде человека в форме, который время от времени появлялся из-за обшарпанной двери.

Девушка, которая привлекла внимание Ани, производила странное впечатление. Одета она была очень и очень неплохо, в мягкий кожаный жакетик, фирменные брючки и дорогие полусапожки, но вся одежда имела весьма несвежий вид, а что касается жакета, то он и вовсе был некстати – на дворе собачий холод, а тут тонюсенькая кожа. В лице девушки отсутствовали яркие краски, оно напоминало незаконченный портрет, набросок, но набросок этот был гениальным: таких совершенных черт лица Анна никогда не видела. Даже то, что девушка была явно голодна, не могло уничтожить волшебное мягкое сияние, исходившее из ее серых глаз.

– Простите меня, пожалуйста, – прерывисто зашептала она, – я слышала, как вы разговаривали с дежурным. Вы идете на свидание с Дмитрием Чумаковым, правда?

– Да, – осторожно ответила Аня, пытаясь сообразить, кто это такая? Одна из поклонниц? Любовница? Сестра?

– Умоляю вас, выполните мою просьбу, – еще быстрее заговорила девушка. – Меня к нему не пускают. Он даже не знает, что я здесь. Вы увидите его. Вы будете с ним говорить. Передайте ему, что я не верю в то, что это сделал он. Скажите, что я буду ждать его, сколько понадобится. Я никуда не уйду, я буду рядом до конца!

– Хорошо, я все передам, – кивнула Анна, поражаясь огню, который зажегся в глазах этой хрупкой девочки, похожей на прозрачную тень. В ее голосе звучала такая уверенность, такая любовь, что Анна невольно позавидовала Чумакову. Пока кто-то вот так верит в тебя и любит, несмотря ни на что, ты неуязвим! – Я все передам, – повторила Анна, – но кто вы? Как ваше имя?

– Меня зовут Варя, – едва слышно ответила девушка. – Я его жена.

– Хорошо, – выдавила Аня. И добавила поспешно: – Обязательно дождитесь моего возвращения. Нам надо поговорить.

– Куда же я уйду, – грустно улыбнулась та.

Дробно стуча каблучками по истертому линолеуму, Аня прошла в дальний конец коридора и остановилась перед дверью, на которой висела табличка с нужной фамилией. Постучавшись, она вошла. В тесной комнатке, похожей на собачью конуру, восседал мужчина в форме, которая едва сходилась на весьма объемистом животике. Полное, обрюзгшее лицо

мужчины было таким же настороженным и злым, как и его голос.

– По какому вопросу? – рывкнул он, глядя на Анну маленькими глазками, похожими на черные смородинки, утопленные в непропеченном тесте.

– Мне разрешено свидание с Чумаковым, – сообщила Анна, стараясь не поддаваться панике. Она знала, конечно, что Барсков обладает большими связями, и ее визит обговорен заранее, но тип, сидящий за столом, выглядел таким непробиваемым, что Анна засомневалась в благополучном исходе дела.

Толстяк издал звук, в котором явно слышался ропот на судьбу. Анна перестала дышать от напряжения.

– У меня возникла ужасная проблема, – начал толстяк недовольным тоном и немедленно принял вид человека, измученного сомнениями. – С одной стороны, Чумаков находится под следствием и свидания с ним строго запрещены. С другой стороны, Александр Федорович – уважаемый человек, которому трудно отказать. Я до сих пор сомневаюсь, что его желание организовать встречу подследственного с вами – достаточно веская причина...

Анна не стала слушать дальше. Все и так стало ясно. Она сунула руку в сумочку, извлекла стодолларовую бумажку и шлепнула ее на стол перед мужчиной. Она с большим удовольствием засунула бы ее ему за шиворот, но прекрасно сознавала, что после такой выходки ее выставят отсюда в два счета и уже никакие связи не помогут ей вернуться снова.

Что-то, очевидно, мелькнуло в ее глазах, потому что мужчина, взглянув на ее лицо, слегка отшатнулся, быстро убрал купюру в карман и буркнул:

– Второй этаж, комната семнадцать.

Анна развернулась и вышла. Прощаться с этим взяточником она сочла излишней роскошью. Жадный тип наверняка получил от Барскова хорошую мзду и все-таки не удержался от желания заработать еще немного.

Нужная комната оказалась незапертой, но совершенно пустой. Кроме двух стульев и покосившегося стола, во многих местах прожженного сигаретами, здесь не было никакой мебели. Решетка на маленьком окне под потолком не позволяла забыть, где она находится.

Только через двадцать минут дверь комнаты отворилась, и через порог в сопровождении конвойного шагнул высокий мужчина в жуткой, какой-то бесформенной одежде.

– У вас десять минут, – деревянным голосом объявил конвойный и вышел, оставив Анну одну на одну с Дмитрием Чумаковым, точнее, с тем,

что от него осталось.

Анна никогда не сталкивалась с этим человеком в жизни, но фотографий, показанных ей Барсковым, вполне хватило, чтобы понять: Дмитрию здорово досталось. Из полного жизни красавца он превратился в существо с тусклыми, какими-то мертвыми глазами, в которых не осталось ничего, кроме тоски.

Чумаков тяжело сел на стул, держа скованные наручниками руки перед собой, и спросил без всякого интереса:

– Кто вы?

– Я от вашего друга, Александра Федоровича Барскова, – ответила Анна, усаживаясь напротив.

Чумаков кивнул, но на его лице так и не появилось никакого интереса.

– У вас есть сигареты? – неожиданно спросил он.

– Да. – Анна порылась в сумке, достала пачку «Вирджинии» и зажигалку. – Извините, они с ментолом, – сказала она, протягивая пачку Дмитрию.

– Гадость, – слегка сморщился он. – Но все равно спасибо.

Глядя, как он пытается прикурить, неловко зажав зажигалку скованными руками, она испытала острый укол жалости. Дмитрий не был готов к той жизни, которая уготована ему в этих стенах. Он не борец, наверняка в камере ему приходится туго.

Дождавшись, пока Дмитрий раскурит сигарету, она сказала:

– Я встретила внизу Варю, вашу жену. Она просила передать, что не верит в то, что вы виновны. И еще – она обещала быть рядом, что бы ни случилось.

Это сообщение произвело неожиданный эффект. Глаза Чумакова расширились, и совершенно неожиданно он заплакал.

– Господи, бедная девочка! – бормотал он. – Я так виноват перед ней.

Анне было тяжело смотреть на это, но из-за дефицита времени она, не дожидаясь, пока Дмитрий справится с собой, спросила:

– Что случилось в ту ночь на самом деле?

– Вы о чем? – насторожился Чумаков.

– Барсков сказал, что поначалу вы не только утверждали о своей невинности, но и говорили о каких-то невероятных фактах, будто бы случившихся в вашем доме в ночь, когда произошло убийство. Что это за факты?

– Какое это имеет значение теперь? – произнес Чумаков, вновь превращаясь в безвольное затравленное животное. Он жадно затянулся, так, что сигарета истлела почти наполовину за один раз. – Зачем вам знать?

– Затем, что ваш друг находится в большой опасности. Кто-то устранил его верных друзей, одного за другим, и сообщил, что теперь очередь за самим Александром Федоровичем.

– Подождите, – остановил ее Чумаков. – А как же Николай? С ним тоже что-то случилось?

– Хворост Николай Захарович погиб при пожаре в своей гостинице, – тихо сказала Анна.

– Не может быть, – пробормотал Чумаков. Он затушил сигарету о стол и сразу же прикурил следующую.

– Это правда. Так что случилось с вами?

– Нечто, похожее на кошмарный сон, который вдруг стал реальностью. В тот день я приехал в свой загородный дом с Жанной. Увы, я довольно часто позволял себе такие развлечения. Ничего серьезного. Просто очередная молоденькая старлетка, жаждущая забраться в постель к известному актеру. Мы уснули довольно поздно. Девочка очень старалась доставить мне удовольствие, а я не особенно сопротивлялся. – Он горько усмехнулся, покачав головой. – Проснулся я от какого-то шума. Подумал, что кто-то забрался в дом, и с удивлением обнаружил, что кровать пуста, Жанны рядом не было. Почти сразу я услышал какой-то сдавленный крик. Звук доносился откуда-то снизу. Я выглянул в окно и остолбенел: кто-то тащил Жанну за волосы на лужайку перед домом. Я бросился вниз, на ходу натягивая одежду, выскочил на крыльцо. Человек, напавший на Жанну, оглянулся, словно почувствовал мое присутствие. Он приподнял ее голову, она закричала от ужаса, а убийца медленно, по-прежнему не сводя с меня глаз, занес руку с ножом и несколько раз полоснул ее по горлу. Брызнула кровь. Он отшвырнул ее, метнулся к зеленой изгороди и исчез. Я бросился к Жанне, но помочь ей был уже не в силах, у нее началась агония, и она скончалась через несколько минут. Оглушенный, почти обезумевший, я огляделся по сторонам и увидел, как из дома напротив, из окна на меня с ужасом смотрит соседка. Дальше все произошло очень быстро. Откуда-то появилась милиция, слишком быстро, должно быть, ее вызвали заранее, вызвал сам убийца или его сообщники. Меня скрутили и запихнули в машину, не слушая оправданий. Никто мне не поверил. Даже друзья...

– Подождите, – перебила Анна. – Вы сказали, что выбежали на крыльцо в тот момент, когда Жанна еще была жива. Почему же вы не попытались спасти ее? Почему вы медлили и дали убийце улизнуть?

– У меня был шок. – Дмитрий медленно поднял глаза и тяжело посмотрел на Анну. – Не от страха. От того, что я увидел.

– Что же вы увидели?

- Себя.
  - Кажется, я не совсем понимаю...
  - Убийца, который держал Жанну, был похож на меня, как две капли воды. Теперь понимаете, почему мне никто не верит?
  - А вы не могли ошибиться? – недоверчиво спросила Аня. – Все-таки ночь была, темно.
  - Нет, – покачал головой Чумаков. – Не мог, по той же причине, по которой соседка сразу опознала меня. Лужайка перед домом ярко освещена специальными прожекторами. Все видно, как на ладони.
  - А одежда? Вы были полуодеты. Соседка не могла не заметить, что одежда на вас изменилась.
  - В том-то и дело. Он тоже был в джинсах. Она видела, как он метнулся в кусты, а потом появился со стороны крыльца, но подумала, что сначала я хотел бежать, а потом вернулся, потому что забыл возле тела нож.
  - Кстати, о ноже. На нем же должны быть отпечатки!
  - А как же. Были. Мои собственные.
  - Вы трогали оружие убийства? – ужаснулась Анна.
  - Нет. Но отпечатки на ноже в точности совпадали с моими.
- Анна, ошарашенная, молчала. Если Чумаков врет, то он полный идиот. Придумать такую дурацкую историю в свое оправдание мог только полоумный. Дмитрий на полоумного не похож. Значит, история скорее всего правдивая, но вот как это доказать. Анна понимала, что в данном случае ничто не сможет помочь несчастному. Разве что...
- Она достала из сумки блокнот, ручку, вырвала листок и принялась чертить на нем непонятные знаки. Ручка прыгала по бумаге, рисуя круги и какие-то невероятные иероглифы. Закончив, она быстро сунула Дмитрию исписанный листок.
- Что это? – недоуменно спросил он.
  - Спрячьте это. И храните как зеницу ока. Не расставайтесь с этим листком ни на секунду, особенно в зале суда, – торопливо говорила Анна. – Я не могу сделать так, чтобы вас освободили немедленно, но обещаю – вы выйдете на свободу не позднее чем через год. Наберитесь терпения и ждите.
  - Кто вы? Что вы такое говорите? – растерянно спрашивал Дмитрий.
  - Неважно, кто я. Просто человек, который, как и ваша жена, верит в вашу невиновность, – улыбнулась Аня.
- Чумаков, все еще недоумевая, едва успел сунуть бумажку в карман, как вернулся конвойный. Дмитрий поднялся. На пороге он обернулся и сказал:
- Передайте Варе, что я прошу у нее прощения за все. И еще. Я люблю

ее. Так и скажите.

Анна кивнула. Но Дмитрий этого не увидел. Как раз в этот момент конвойный грубо толкнул его в спину.

Глава 19

Спустившись вниз, Анна не сразу заметила Варю и подумала, что она, не дождавшись ее, ушла. Но девушка обнаружилась тут же, она спала, сидя на стуле. Аня подошла к ней. Голова Вари запрокинулась, на бледной, тоненькой шейке пульсировала голубая жилка.

Аня наклонилась и осторожно тронула Варю за плечо. Она вздрогнула и моментально открыла глаза.

– Это вы? – выдохнула она.

– Да. Где вы живете? Давайте я отвезу вас домой, там и поговорим.

Девушка смущенно опустила глаза и пролепетала:

– Я ночью прямо здесь.

– Давно? – только и смогла спросить Анна.

– Уже неделю. Раньше я снимала комнату в деревне, но за месяц все деньги, что я взяла с собой, кончились. Из комнаты меня выгнали, пока ночью здесь, жду, когда мама пришлет деньги, но перевод задерживается...

– А что же ты ешь? – оторопела Анна, переходя на «ты».

– Ну... Вообще-то я уже два дня ничего не ела, – покраснела Варя. – Да мне уже и не хочется.

– Так. Все понятно, – решительно заявила Аня. – Ну-ка поднимайся, и пойдем.

– Куда?

– Для начала – в машину. Поедем в деревню, найдем тебе жилье, а потом подумаем, что делать дальше.

Девушка покорно последовала за Аней к машине. Шофер удивленно поднял брови, увидев новую пассажирку, но ничего не сказал, послушно развернул машину и направился в ближайшую деревню.

До «ближайшего» населенного пункта оказалось пятнадцать километров. Вопрос с жильем решился быстро. Анна просто отвела Варю на прежнюю квартиру и заплатила хозяйке за полгода вперед, благо деньги Барсков ей передал еще в первый день. За сто рублей бабка пообещала оперативно соорудить ужин, и, действительно, через полчаса на столе в Вариной комнате дымилась горячая отварная картошка, миска с солеными огурцами и хрустящей квашеной капустой распространяла по комнате аппетитный запах укропа.

Девушка набросилась на еду и на какое-то время даже позабыла о своей неожиданной помощнице. Когда она смущенно отставила миску,

Анна передала ей слова мужа.

Из глаз Вари потекли слезы. Плакала она необычно: не морщила лицо, не шмыгала носом, просто крупные капли слез катились по ее щекам как горох.

– Я так и не спросила вас, кто вы? – вытирая рукой слезы, улыбнулась Варя.

– Знакомая.

Уголки губ Вари опустились.

– Нет, я не его любовница, – поспешила успокоить ее Анна. – Меня прислал Барсков. Знаете такого?

Варя кивнула.

– Он хочет разобраться в том, что произошло с вашим мужем. Вы что-нибудь знаете об этом?

– Почти ничего, – покраснев, сказала Варя. – Вам трудно это понять, а мне стыдно рассказывать о своем позоре...

– Зря вы так думаете, – немного резко произнесла Анна. – Вашей вины в том, что Дмитрий бегал за юбками, – нет. Если уж на то пошло, то когда-то со мной произошла похожая история: я полюбила такого же бабника и даже вышла за него замуж. Долго закрывала глаза на его художества, все думала, что это кончится. Так вот, я ошибалась. Однажды он решил поразвлечься с подружкой прямо в нашем доме, а так как он не любил банальных решений, то предложил мужу этой женщины, который тоже был у нас в гостях, воспользоваться мной в качестве утешительного приза... Но у вас все будет по-другому, – уже мягче добавила она. – Дмитрий попал в серьезную переделку. Если все закончится благополучно, то он, поняв, как вы его любите, будет предан вам до конца жизни. Я вам это обещаю.

– Обещаете?

– Да. Верьте мне, – улыбнулась Аня. – А теперь очередь за вами. Расскажите мне все.

Собственно говоря, история Вари была похожа на сотни тысяч других подобных историй. Девушка полюбила Дмитрия не за славу и не за красивую внешность. Просто, увидев его, она поняла, что этот высокий, красивый человек – ее вторая половинка. Так же быстро до нее дошло и то, что Дмитрий, хотя и увлекся ею настолько, что сделал своей женой, никогда не полюбит ее так же сильно, как она его. Но Варя довольствовалась тем, что есть. У него были поклонницы, случались интрижки, но она делала вид, что ничего не замечает, радуясь, что он возвращается к ней. Правда, временами, плача в подушку, Варя недоумевала, как он может думать, что она не подозревает о его

многочисленных любовницах. Только гордость помогала ей справляться со страданиями, на которые она сама себя обрекла. Она худела, одна за другой к ней привязывались многочисленные болячки, она чувствовала, что постепенно теряет привлекательность, но ничего не могла с собой поделать. У нее совершенно пропал аппетит. Лекарств от депрессии Варя боялась как огня и надеялась только на собственные силы.

Шли годы, но ни разу Варя не подумала о том, чтобы разорвать тягостные отношения. Правда, надо заметить, что и Дмитрий не желал развода.

И вот появилась эта Жанна. Дмитрий ничем не выделял ее из толпы своих любовниц, но сама девица оказалась слишком хваткой. Она донимала Варю звонками, угрожала, оскорбляла ее, требуя, чтобы Варя сама подала на развод. В частности, Жанна позвонила Варе накануне отъезда в загородный дом, чтобы сообщить, где и как проведет уик-энд.

И Варя не выдержала. Она быстренько собралась и поехала следом. Она собиралась выяснить все разом. Точнее говоря, она и сама не знала, как поступит, но надеялась, что у нее появится решимость развестись, когда она собственными глазами увидит измену мужа.

Однако на деле все получилось по-другому. Поставив машину за зеленой изгородью, там, где ее не было видно, а Варе открывался прекрасный обзор на окна второго этажа, она вдруг поняла, что не может заставить себя выйти из машины. Шторы были не задернуты, любовники не опасались слезки, и Варя могла вдосталь любоваться страстными объятиями собственного мужа и этой нахалки.

Она не помнила, сколько времени просидела в машине. Варя словно оцепенела. Когда в спальне погас свет, она хотела развернуться и уехать, но у нее дрожали руки, она была не в состоянии вести автомобиль. Прошло не меньше двух часов. Она, точно загипнотизированная, смотрела на темные окна второго этажа, как вдруг увидела страшную картину: ее Дима выволок на крыльцо визжащую Жанну и потащил на лужайку. Девица отчаянно отбивалась, но он не обращал на ее вопли никакого внимания. А потом на крыльцо выбежал... еще один Дима! Она не верила своим глазам. В этот момент Дима номер один хладнокровно перерезал глотку орущей Жанне. Никогда Варе не забыть этот страшный звук. Стоит ей забыться, и она вновь слышит его.

После убийства Дима номер один отбросил дергающееся в предсмертной агонии тело и нырнул в кусты. А другой Дима подбежал к девушке. Потом приехала милиция, второго Диму забрали, она поехала следом и с тех пор не оставляла свой пост ни на минуту.

– Значит, ты видела все от начала до конца? – спросила Анна.

– Да.

– И что, этот номер первый действительно так похож на твоего мужа?

– Копия.

– А у Димы, случайно, нет брата-близнеца?

– Нет. Дима один ребенок в семье. Я и сама все время ломала голову – откуда взялся этот двойник. И знаете что? Я не могу понять, как он вообще оказался в доме! Ведь я приехала, когда было еще светло. Почти сразу же вслед за ними. И все время оставалась в своем укрытии. Могу сказать с уверенностью – никто туда не входил! Ни вечером, ни ночью. А вышел этот номер первый из дома! Так как же он туда вошел?

– Может, через черный ход?

– Там нет черного хода.

– Через окно на первом этаже? Ну, с той стороны, которую ты не видела.

– Невозможно. Предыдущие хозяева ужасно боялись воров и спроектировали дом таким образом, что одна стена оказалась полностью глухой, без единого окна. Глупо, конечно, но зато могу точно сказать: если бы этот убийца влезал в окно в то время, пока я была там, то я бы его непременно заметила. Там ведь еще прожектора жуткие. Яркие такие, что светло как днем.

Как они обе ни ломали головы, понять, как попал в дом неведомый убийца, не смогли. Анна стала собираться. У нее наметилось еще одно срочное дело. Перед уходом она вручила Варе еще немного денег на еду и попросила держать ее в курсе событий.

– Домой? – с надеждой спросил шофер, когда Анна вернулась в машину.

– Нет еще. Знаете, где загородный дом Дмитрия Чумакова?

– Конечно. Это совсем недалеко от дома Александра Федоровича. В поселке. Туда, что ли?

– Точно. Именно туда.

Шофер выполнил указание беспрекословно, хотя на лице его читалось явное недовольство. Однако служба у Барскова имела одно неоспоримое достоинство – служба четко выполняла свои обязанности, а на сегодня обязанностью шофера было возить Анну, куда она пожелает.

Стройная белая колокольня, на которую Анна обратила внимание еще в первый день, вблизи оказалась не менее привлекательной, чем издали. Удивительная архитектура создавала впечатление, что церковь соткана из белоснежного кружева. За зданием тщательно следили, на кипенно-белых

стенах не было видно ни единой трещины, ни намека на отвратительные ржавые потеки, образующиеся от частых дождей.

Миновав церковь, машина запетляла по узким улочкам. Дом Чумакова, как объяснил шофер, находился на самой окраине.

Анна с некоторым удивлением смотрела в окно. Поселок мало напоминал деревню. Скорее, он был похож на маленький город. На глаза постоянно попадались строительные площадки. Причем работа на них так и кипела. Строители сновали по возведенным лесам, как муравьи.

Они выехали на площадь, и Анна, не переставляя удивляться, стала читать вывески на отлично отреставрированных зданиях: «Рок-кафе», гостиница, супермаркет, современное здание школы и даже ночной клуб.

Ничего себе деревня.

– Я думала, здесь по улицам коровы ходят, а оказывается... – не удержалась она.

– Так оно и было, – кивнул шофер. Он выглядел польщенным. – И куры с коровами, и грязь непролазная – все было. Да только с тех пор, как Александр Федорович обосновался в этих местах, многое изменилось. Сами видите, сколько всего понастроили. Конечно, окраины и сейчас не фонтан, но центр полностью отреставрировали. Спасибо хозяину. У нас теперь даже издательство свое имеется. Местную газету выпускаем.

– Да, повезло жителям, – согласилась Анна.

– Вон за тем поворотом будет нужный вам дом, – предупредил шофер.

Анна кивнула.

Мысль осмотреть дом, принадлежащий Дмитрию Чумакову, посетила Анну внезапно. В глубине души она возлагала на этот шаг большие надежды. Она чувствовала, что разгадка должна быть где-то рядом. Еще немного – и она поймет все. Она слегка дрожала, но не от холода, а от невероятного возбуждения.

– Похоже, там что-то горит, – воскликнул шофер, показывая рукой на густые клубы дыма, поднимающиеся над деревьями далеко впереди. – Вот растяпы! – в сердцах буркнул он. – Каждую осень пожары. То замыкание, то еще что-нибудь. Оно и понятно, проводку-то чинить вовремя надо. А они... О, черт.

Машина как раз вывернула из-за поворота, и теперь полыхающий дом оказался прямо перед ними. Огонь уже сделал свое дело – от дома остались одни головешки. Возбужденные жители окрестных домов толпились вокруг, громко переговариваясь. Одновременно с Анной к дому подъехала допотопная колымага, выкрашенная в красный цвет, очевидно – местная пожарная машина. Но пожарные, высыпав на дорогу, только разводили

руками. Спасать было уже нечего. Огонь стоило тушить только ради того, чтобы пламя не перекинулось на соседние дома.

– Ну ладно, Виктор, поехали, – попросила Анна. – Нам надо успеть осмотреть дом Чумакова и вернуться до темноты.

– Да сдастся мне, осматривать-то уже нечего, – вздохнул шофер. – Вот он, дом Дмитрия Петровича, как раз догорает.

Анна невольно вскрикнула, прижав к побелевшим губам холодные пальцы. Разгадка, которая была так близко, исчезла, оставив после себя только запах гари да головешки.

В эту минуту ударил колокол. Анна вздрогнула. От этого звука, мощного и протяжного, отчего-то неприятно сжалось сердце, точно в предчувствии беды.

– Четыре часа, – сообщил Виктор. – Звонят к вечерне. По ним часы можно проверять. – В голосе его слышалось удовлетворение.

– Виктор, немедленно возвращаемся, – крикнула Анна, бросаясь к машине.

– Чума, ну точно – чума. То ей в тюрьму, то в поселок, то вот, нате вам – немедленно домой! – ворчал шофер про себя, кряхтя, забираясь в машину.

Он рванул с места с такой скоростью, что Анна опрокинулась на спинку сиденья. Разбрызгивая грязь, машина понеслась к дому Барскова. По расчетам Анны, через двадцать минут такой езды они будут на месте.

Но судьба распорядилась по-иному. Словно натолкнувшись на невидимую стену, автомобиль как-то странно подпрыгнул и замер посреди дороги.

– Ешкин кот, – выругался Виктор. – Кажись, приехали.

Он выбрался из салона и, шлепая по грязи, обошел неподвижно стоящую машину. Открыл капот, поковырялся там минуты две, сплюнул в сердцах и с грохотом захлопнул железяку.

– Что случилось? – встревоженно спросила Анна, когда он вернулся.

– Помпа накрылась. Теперь будем торчать тут, пока кто-нибудь мимо не проедет.

Анна с тоской огляделась. Вокруг – ни души. Неизвестно, сколько пройдет времени, прежде чем появится какой-нибудь транспорт. А неприятное предчувствие, охватившее ее в поселке, все росло и теперь граничило с паникой.

– Я не могу ждать! – с отчаянием прошептала она.

– Не можете – пешком идите, – буркнул Виктор. – Километров пять всего осталось. Дорога, правда, дрянь. Не хотите ножки пачкать – ждите здесь. Часа через два кто-нибудь обязательно проедет.

– Нет, – помотала головой Аня. – Мне надо идти.

Виктор посмотрел на нее, как на сумасшедшую, и покачал головой, глядя, как она выбирается из машины.

Светило солнце, но холодное, осеннее. К тому же дул сильный ветер. Он подхватил волосы Анны и растрепал их, бросив в лицо. Но девушка не остановилась. Легкие ботиночки из замши моментально промокли насквозь, в них хлюпала холодная вода, но Аня, упрямо стиснув губы, шагала вперед.

Ветер дул в спину, словно подталкивая ее грубой рукой. Через час, когда у нее уже зуб на зуб не попадал, впереди показалась знакомая ограда. Еле передвигая окоченевшие ноги, Анна подошла к дому. Окна горели почти во всех комнатах. На площадке перед домом рядами стояли машины гостей. Но Анну поразила необычная тишина – не было слышно ни смеха, ни музыки.

Медленно, словно к каждой ноге привязали по булыжнику, Анна поднялась по ступенькам, ухватилась за тяжелую металлическую ручку и потянула дверь на себя.

В холл выглянула какая-то женщина с бледным и каким-то испуганным лицом. При виде Анны она судорожно вздохнула и крикнула куда-то в глубь гостиной:

– Это не они.

Послышался приглушенный гул голосов.

– Что произошло? – еле вымолвила Аня.

Женщина помолчала, точно собираясь с духом, потом выпалила:

– Самоубийство. Александр Федорович покончил с собой.

Глава 20

Народу в гостиной было немного. А может, Ане просто так показалось. Присутствующие небольшими группками разместились вдоль стен и негромко переговаривались.

Анна поискала глазами Сандру. Та сидела на стуле у дальней стены. Ее лицо было даже не бледное, а какое-то серое. Сандра смотрела застывшим взглядом прямо перед собой. Рядом с ней, держа ее за руку, стоял Герман. Он что-то шептал ей на ухо, но женщина никак не реагировала. Похоже было, что она вообще ничего не воспринимает.

Сам Герман был бледен как смерть. Он то и дело проводил рукой по волосам и нервно покашливал.

«Наверное, я и сама выгляжу не лучшим образом», – подумала Аня. Ее колотил озноб. Неожиданно даже для себя она, слегка пошатываясь, подошла к столику с напитками, плеснула в стакан коньяка и залпом выпила, даже не почувствовав обжигающего вкуса. Затем она буквально упала на стоявший рядом стул. За всю свою жизнь Аня не испытывала такого отчаяния. Прошло несколько минут, прежде чем ей удалось хоть немного оправиться от шока.

И как раз вовремя. Хлопнула входная дверь, в комнату, громко топя грязными сапогами, ввалились трое милиционеров. Осмотрев гостиную бесстрастным взглядом, один из них произнес официальным тоном, в котором сквозило нескрываемое презрение:

– Где тело?

Сандра, точно очнувшись, поднялась со своего места и пригласила стражей порядка следовать за собой. Анна бесстрастно смотрела, как маленькая процессия пересекла гостиную и вышла в коридор, ведущий к спальням и кабинету.

Анна поднялась на ноги и пошла прочь из комнаты.

Она чувствовала себя беспомощной и жалкой. Ей было стыдно. Какой самонадеянностью казался ей теперь собственный поступок! Как смела она вообразить, что сможет в одиночку расследовать целую серию преступлений. Барсков понадеялся на нее, и вот теперь он мертв, а она готова локти кусать от бессильной злобы. Почему он покончил с собой? Почему этот сильный, уверенный в себе человек не захотел больше жить? И было ли это самоубийством?

Нет. Стоп. С нее достаточно. Она уже вдоволь наигралась в частного

сыщика. Казалось, этот дом лишил ее сил. Он угрожающе наваливался на нее, как тяжелый туман, который здесь повсюду, она не могла освободиться от этой тяжести, как ни старалась.

Нужно срочно уехать. Ее никто не станет задерживать. И Сандра, и Герман вздохнут с облегчением, когда она уберется, наконец, восвояси. И поделом. Строила из себя этакую всезнайку, а сама тыкалась беспомощно, точно слепой котенок!

Размазывая по горящим щекам злые слезы, Анна ворвалась в свою спальню и принялась с остервенением запихивать в пакет немногочисленные пожитки. Она понятия не имела, как будет добираться до вокзала. Ничего, остановит какую-нибудь машину. А нет – так пойдет пешком. Единственное, чего она ни за что не сделает, так это не попросит помощи у Барсковых.

Она швырнула в пакет последнюю вещь, и в этот момент дверь в ее комнату открылась.

– Что ты делаешь? – услышала она за спиной бесстрастный голос Сандры.

– То, о чем ты мечтала с самого первого дня, – огрызнулась Аня. – Собираю манатки.

– Хочешь уехать?

– Нет. Хочу устроить большую стирку, – Анна резко обернулась и зло уставилась на Сандру. – Слушай, сделай одолжение и прекрати изображать заботливую хозяйку. Ты немного припозднилась с этим. Так что я не обижусь, если ты прямо сейчас скажешь мне «до свидания» и не станешь провожать до двери.

– Почему ты решила так быстро уехать? – с непонятной настойчивостью продолжала допытываться Сандра. Она так и осталась стоять на пороге. Расшитое блестками платье нелепо смотрелось в сочетании с мертвенно-бледным, осунувшимся лицом. Сандра обнимала себя за плечи, похоже, мерзла в чересчур открытом наряде, кожа покрылась мелкими пупырышками. Хозяйка выглядела довольно помятой, точно дорогая кукла, попавшая в руки к неаккуратному ребенку, но Анна запретила себе какие бы то ни было эмоции. Пусть разбираются сами. Поэтому она ответила довольно грубо:

– Отвяжись. Дай мне хотя бы уехать спокойно.

– Я хочу, чтобы ты осталась, – медленно и отчетливо произнесла женщина. Анна повернулась так резко, что потеряла равновесие и шлепнулась на кровать. Челюсть у нее отвисла.

– Что ты сказала?

– Ты прекрасно слышала. – На секунду Сандра вновь стала прежней, холодной и высокомерной. Но всего лишь на секунду. Затем черты ее лица снова обмякли. Она прошла наконец в комнату и рухнула в кресло. – Ты работала на моего мужа, выполняя его поручение. Теперь я хочу, чтобы то же самое ты сделала для меня. Сколько он тебе платил?

– Нисколько, я согласилась взять оплату только после окончания дела. У меня были деньги на расходы. Нет, какого черта? Что ты болтаешь? Ты же спала и видела, чтобы я вымелась из этого дома как можно скорее. Что же произошло? Зачем ты просишь меня остаться?

– Я не прошу. Я предлагаю тебе работу.

– За-чем?! Скажи мне, зачем тебе это?

– Это трудно объяснить. Но я попытаюсь, – нахмурилась Сандра. – Ты подозревала, что я затеяла всю эту игру, чтобы получить наследство и избавиться от собственного мужа. Меня бесила твоя настойчивость и твои нелепые подозрения. Но теперь, когда с Александром случилось несчастье, очень многие будут думать точно так же, как ты. А мне ни к чему такие слухи. Муж нанял тебя, но он ничего не делал просто так. Раз он поручил тебе расследование, значит, по каким-то причинам считал, что ты – именно тот человек, который способен довести дело до конца. Я полагаюсь на его выбор и хочу, чтобы ты доказала, что я не убивала и не подставляла его друзей, а значит – не доводила мужа до самоубийства.

– Неужели у тебя нет алиби на тот момент, когда произошли все эти несчастья с его друзьями? Я не имею в виду случай с Глебом, – усмехнулась Анна.

– Алиби у меня есть, – спокойно ответила Сандра. – Но этого мало. Мне нужно, чтобы ты нашла настоящего убийцу. Только тогда я смогу сохранить свою репутацию.

– А вдруг я докажу, что это все-таки ты? – не унималась Анна.

– Не докажешь. Хотя можешь попытаться. Так ты согласна? Кстати, я могу заплатить тебе больше, чем Барсков. Сколько он предлагал?

– Десять тысяч долларов, – неохотно ответила Анна.

– Хорошо. Получишь пятнадцать.

Анна помедлила несколько минут, прежде чем ответить.

– Хорошо, – наконец сказала она. – Я попробую. Но не из-за тебя. А из-за твоего мужа. Он просил у меня помощи, и я осталась перед ним в долгу, так как не смогла уберечь его от смерти.

Сандра пожала плечами.

– Мне все равно, какие у тебя причины. Выполни работу – получишь деньги. Эмоции тут ни при чем.

– Да, хватка у тебя как у бульдога, – хмыкнула Анна. – Интересно – это врожденное или благоприобретенное?

Сандра пропустила колкость мимо ушей.

– А сейчас, раз уж ты меня наняла, – продолжила Аня, – сделай милость, расскажи, как все произошло. С самого начала.

Сандра кивнула и заговорила сразу, как будто готовилась к этому заранее.

– Вначале все было как обычно. К часу собрались гости. Поздравления, подарки. Ну, в общем, как всегда. Затем произошла небольшая накладка. Маша, горничная, помогала накрывать на стол и уронила несколько тарелок из парадного сервиза. Он большой, на сорок восемь персон, и из-за ее оплошности мы оказались в дурацкой ситуации. Александр терпеть не мог, когда приборы на столе неодинаковые. Но Фрэнк, как всегда, предложил выход: он вызвался съездить в магазин, где продавали в точности такой же сервиз. Я обрадовалась. Если он поторопится, то гости ничего не заметят. Фрэнк должен был обернуться где-то за час. Это было около трех. Чтобы скрасить ожидание, я велела принести побольше выпивки. Гости, занятые друг другом, разбрелись по дому. Александра я почти не видела, да я и не считала нужным следить за ним. Тем не менее он время от времени попадался мне на глаза, беседуя то с одним, то с другим гостем. В последний раз я видела, как он поднимался по лестнице, ведущей на второй этаж. Потом на меня налетела Нина Ладыгина, ужасная болтушка, и мне ничего другого не оставалось, кроме как слушать ее бесконечный треп. Я была с ней в малой столовой, когда со стороны гостиной послышался какой-то странный хлопок и крики гостей.

Я бросилась туда. Возле дверей кабинета собралась целая толпа. Мне объяснили, что туда только что вошел Барсков, кто-то слышал, как он заперся на ключ, а потом прогремел выстрел.

Началась паника. Александра пытались звать по имени. Но он не отвечал. В кабинет мы попасть не смогли: обе двери, из коридора и со стороны библиотеки, оказались запертыми изнутри. Пришлось их взломать...

Сандра замолчала. Ее лицо исказилось при воспоминании об ужасной сцене. Она крепко стиснула руки и содрогнулась. Анна молча смотрела на нее, ожидая окончания рассказа.

– Когда мы распахнули двери, то увидели Александра, ничком лежащего на полу, рядом с правой рукой валялся его личный пистолет. Он был мертв. И тут раздался грохот. Все подпрыгнули, как будто произошел взрыв, и обернулись. На пороге стоял бледный Фрэнк. У его ног лежала

груда осколков. Он привез-таки этот проклятый сервиз и, увидев труп мужа, тут же разбил его. – Сандра нервно хихикнула и судорожно вздохнула. – Вот, собственно, и все, – закончила она. – Милиция уже уехала. Версия самоубийства не вызвала у них сомнения. Множество свидетелей видели, как Барсков сам зашел в кабинет, заперся на ключ. Проверили все окна – они также были заперты изнутри. – Сандра развела руками. – Как видишь, это самое настоящее самоубийство.

– Но почему он вдруг решил на это? Да еще при гостях, в свой день рождения? – недоуменно воскликнула Аня.

– Ты не знала Барскова. Он обожал театральные эффекты. Если бы он решил на что-то подобное, то сделал бы только так и не иначе. Знаешь, теперь, когда он умер, мне почему-то стало ужасно жаль его, – немного растерянно проговорила Сандра, словно не ожидала от себя таких чувств.

– Мне тоже. Но что толку сейчас говорить о жалости? Нужно узнать, кто виновен в его смерти. Даже если он сам спустил курок, виноват тот, кто довел его до этого шага.

– Позднее я кое-что покажу тебе, – помолчав, сказала Сандра. – А сейчас ты, наверное, захочешь посмотреть на место, где он... где это случилось?

– Да.

Они спустились на первый этаж. Ни в холле, ни в гостиной не было ни души. Милиция не слишком долго задержалась на месте происшествия. Остальные также поспешили убраться подальше из дома, где случилась трагедия. Анну неприятно поразило то, что никому из гостей, которые при жизни Барскова готовы были лизать ему пятки, не пришло в голову остаться, чтобы поддержать вдову или хотя бы просто выразить ей соболезнования. Разбежались, как крысы.

Дверь в кабинет не была опечатана, что яснее слов говорило о том, что у милиции не возникло и тени сомнения в том, что Барсков покончил с собой. Женщины вошли. У Анны слегка закружилась голова, когда она увидела толстую меловую черту на полу, обозначающую контуры тела самоубийцы. Она невольно отвела глаза и вздрогнула, встретившись с пристальным взглядом... Барскова.

Глаза смотрели на нее строго, с некоторой неприязнью, как будто Барсков был недоволен тем, что Анна явилась сюда. Чтобы прогнать наваждение, она зажмурилась, потом снова открыла глаза и еще раз взглянула в глаза изображенного на холсте человека. Теперь, когда первый шок прошел, портрет, стоящий на полу и прислоненный к стене, выглядел обычно, хотя достоверность изображения по-прежнему была невероятной.

– Это тот портрет, что ты заказала через Глеба? – спросила Анна, удивляясь, что ее голос звучит относительно спокойно.

– Да. Правда, ужасно? На портрете Александр как живой. А на самом деле его больше нет...

Анна кивнула, соглашаясь, подошла к меловому силуэту и присела на корточки, внимательно вглядываясь в темные пятна на полу, в том месте, где была очерчена голова Барскова.

– Что ты там разглядываешь? – окликнула ее Сандра, заглядывая через плечо.

– Слишком мало крови, – как бы про себя сказала Аня.

– Ты совсем спятила! – возмутилась Сандра. – Крови ей мало! Это тебе не кино, там нальют целое озеро и не поморщатся, а здесь настоящий, живой человек застрелился.

– Заткнись, а? – прервала Анна поток громких воплей. – Я как раз сомневаюсь, что живой человек застрелился именно здесь. Хотя все факты говорят именно об этом.

Сандра примолкла. Глянув на Аню исподлобья, она сказала недовольным тоном:

– Я начинаю сомневаться, что правильно поступила, наняв тебя. У тебя слишком буйная фантазия. Ладно, пойдем отсюда. Я обещала тебе кое-что показать. Теперь самое время.

Они расположились в гостиной. Сандра позвонила и велела вошедшей женщине принести кофе. Когда они снова остались одни, Сандра запустила пальцы в вырез своего вечернего платья и извлекла оттуда смятый листок бумаги.

– Вот, полюбуйся, – сказала она, протягивая бумажку Ане. – Надеюсь, это развеет все твои сомнения.

Анна не стала задавать лишних вопросов, она просто взяла листок, развернула его и принялась медленно читать, с трудом разбирая малопонятный, какой-то корявый почерк. По мере того, как до нее доходил смысл прочитанного, ее брови ползли вверх, на лице появилось выражение полного недоумения.

«Александр Федорович, – прочла она, – вы отказались говорить со мной, и я решила сообщить вам о своем решении в письме. Я не виню вас за то, что вы воспользовались моей неопытностью и в результате я оказалась на сносях. Но вы заставили меня сделать аборт, и врач сказала, что у меня теперь никогда не будет детей. Я собираюсь рассказать Сандре о том, как вы поступили со мной. Уверена, когда она узнает всю правду, вы потеряете ее навсегда, так же как я навсегда потеряла возможность стать

матерью».

Подписи не было.

Анна взглянула на Сандру, сидевшую с каменным лицом, и спросила:

– Где ты это взяла?

– Не я. Милиция. Они нашли записку в кармане пиджака Александра, когда осматривали тело, а потом отдали мне. Теперь ты убедилась, что у Барскова была причина покончить с собой? Он обрюхатил какую-то бабу, и та грозилась прийти ко мне, чтобы восстановить справедливость. По крайней мере, милиция, ознакомившись с этим шедевром эпистолярного жанра, сочла его достаточным поводом для самоубийства.

Анна осторожно положила записку на край стола и откинулась на спинку кресла. Вместо того чтобы окончательно поверить в самоубийство Барскова, она почувствовала еще большую неуверенность. Очень уж сомнительно, чтобы такой человек, как Александр Федорович, запаниковал из-за глупых угроз истеричной женщины. Сейчас не девятнадцатый век, и даже не доперестроечные времена, когда за подобные шалости могли выпереть из партии или еще чего похуже. Что же касается страха потерять Сандру, то это и вовсе полная ерунда. Насколько поняла Анна, в последнее время Сандра была для Барскова чем-то вроде антикварной мебели – и выбросить жалко, и пыль стирать лень. Нет. Что-то здесь не вяжется.

Ее мысли прервала появившаяся горничная, которая принесла кофе. Осторожно ступая, она приблизилась и нагнулась над низким столиком, собираясь поставить поднос, уставленный чашечками и тарелочками с печеньем. Вдруг ее взгляд случайно упал за листок, лежащий на краю стола. Женщина вскрикнула, пошатнулась, поднос выскользнул у нее из рук, и она шлепнулась на пол без сознания.

Сандра, на которую вдобавок ко всему пролилось содержимое горячего кофейника, с визгом вскочила на ноги, ругаясь, как последний сапожник. Анна тоже вскочила и бросилась к лежащей на полу горничной.

– Черт, что происходит? Эта дура обварила меня кипятком! – визжала Сандра, пытаясь с помощью салфетки стряхнуть с голых коленок горячую коричневую жижу. – А ну, живо поднимайся! Немедленно убери этот свинарник! – бушевала она, нимало не заботясь тем фактом, что лежащая в глубоком обмороке горничная при всем желании не могла ей ответить.

На вопли Сандры сбежались все, кто оказался поблизости: Фрэнк, еще одна горничная, Герман и даже мужик в спецовке, забредший в дом по какой-то надобности. Все они таращили глаза на распростертое тело. Аня прекрасно понимала, что причиной обморока девушки стала записка, и не хотела, чтобы в момент, когда та очнется, вокруг были лишние глаза и уши.

Поэтому она встала и произнесла тоном, не терпящим возражений:

– Все нормально. Сандра обожглась, а у горничной легкий обморок. Принесите нашатырь, если он есть, и оставьте нас.

Как ни странно, ее послушались все, даже Герман. Один за другим все покинули комнату. Потом Фрэнк вернулся и передал Анне пузырек с нашатырным спиртом. К этому моменту она успела спрятать злополучную записку в карман, но не могла поручиться за то, что кто-нибудь не успел заметить ее на столе.

Сандра перестала вопить. О ее возмущении говорила только недовольная гримаска на холеном лице.

Аня поднесла вонючую бутылочку к носу горничной, та отдернула голову и открыла глаза, глядя вокруг с недоумением.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Анна.

– Голова болит, – пробормотала девушка, ощупывая рукой затылок. Потом ее лицо внезапно посерело, и она спросила, затравленно глядя на Сандру: – Где она?

– Вы имеете в виду записку? – уточнила Аня.

Девушка едва заметно кивнула и разрыдалась.

Глава 21

Постепенно рыдания перешли в тихие всхлипывания.

– Возьмите это, – Анна подала горничной чистую салфетку. Та послушно принялась промокать мокрые щеки, старательно отводя глаза в сторону.

На вид девушке было не больше двадцати, ну, может быть, двадцать два. Она не была красавицей, хотя некоторым нравятся такие вот сочные пышечки с тугими румяными щеками. Правда, Анна сомневалась, что Барсков мог польститься на эту простушку, имея в своем распоряжении такую красавицу, как Сандра.

Кстати, Сандра, до которой, видимо, начал доходить смысл происходящего, смотрела на свою же собственную горничную во все глаза. Во взгляде, устремленном на съезжившуюся фигурку девушки, скорее читалось любопытство, чем раздражение. По крайней мере, пролитый кофе разозлил ее гораздо сильнее, чем вероятность того, что эта дурочка скрашивала досуг ее мужа. В конце концов Сандра не вытерпела и спросила напрямик:

– Это ты написала записку?

Девушка вздрогнула, как будто ее ударили, но, сделав над собой невероятное усилие, кивнула.

– Ну и дрянь! – воскликнула Сандра. – Трахалась с моим мужем у меня под носом!

«Уж чья бы корова мычала...» – подумала Анна, бросая на Сандру укоризненный взгляд. Та нисколько не смутилась и продолжала сверлить несчастную взглядом.

– Я не виновата! – взмолилась девушка. – Я думала, никто не узнает. Не понимаю, откуда вдруг взялась моя записка.

– Ну ни фигя себе! – рявкнула Сандра. – Из-за твоих фокусов мой муж пустил себе пулю в лоб.

– Нет! Это неправда! Этого не может быть! – запричитала девушка. Из ее глаз снова потекли слезы.

– Успокойся, – попросила Аня, поглаживая ее по вздрагивающим плечам. – А ты, пожалуйста, сбавь обороты. Хочешь, чтобы она снова хлопнулась в обморок?

Сандра фыркнула и демонстративно отвернулась.

– Почему ты думаешь, что твоя записка не могла послужить причиной

того, что Александр Федорович застрелился? – спросила Аня, глядя на девушку с нескрываемым сочувствием.

– Потому, что это было давно.

– Что ты имеешь в виду? Что было давно? Ваши отношения? Или записка?

– Все.

– И насколько давно?

– Шесть лет назад.

Сандра, позабыв свой гонор, повернулась, раскрыв рот от удивления. Анна тоже пребывала в некоторой прострации.

– Ты ничего не путаешь? Сколько же тебе тогда было?

– Пятнадцать, – прошелестел едва слышный голосок.

– Мать твою! – выдохнула Сандра. – Это же было как раз накануне нашей свадьбы!

Девушка кивнула, подтверждая ее слова.

– Значит, ты собиралась рассказать обо всем Сандре в то время, когда она была еще невестой Барскова?

Девушка снова кивнула.

– Почему же ты не сделала этого?

– Он попросил меня об этом. Сказал, выбирай: или получаешь большую сумму и остаешься работать в доме, или делаешь по-своему, но вылетаешь отсюда на все четыре стороны. Понимаете, я не хотела его шантажировать. Просто мне было так страшно, что я никогда не смогу родить ребеночка. Мне казалось, что никто больше не захочет на мне жениться, если узнает, что я бесплодная. – Девушка снова заплакала, на этот раз она тоненько поскуливала, как маленькая побитая собачка.

Анна попыталась успокоить ее и отправила в свою комнату, потребовав у Сандры обещания, что девчонка не вылетит с работы за давнюю провинность. Стиснув зубы, Сандра дала обещание.

Они снова остались одни.

– Ну, что думаешь? – поинтересовалась Аня. – Веселенькая получается история?

– Ага, прямо цирк, – оскалилась Сандра. – Кто же подсунул записку в карман Александру? И, главное, зачем? И так ведь ясно – самоубийство.

– Очень сомневаюсь, что это так, – покачала головой Анна. – А записку подбросили от излишнего усердия. Надеялись, что ты, получив ее от ментов, не захочешь делиться своим позором с общественностью и уничтожишь улику. Ума не приложу, как удалось имитировать самоубийство? Ведь не придерешься! Сам вошел, сам заперся, все при

свидетелях. Ладно. У меня сегодня голова раскалывается. Наверное, простыла, когда шлепала пешком по дороге. Завтра, надеюсь, что-нибудь соображу.

– Завтра утром придет нотариус. Читать завещание, – сообщила Сандра. – Хочешь поприсутствовать?

– Разумеется. Тебе известно, кому он оставил свое состояние?

– Нет. Никто не знал, можешь мне поверить. Так что завтра нас всех ожидает большой сюрприз!

* * *

За всю свою жизнь Анне до сих пор так и не представился случай присутствовать при чтении завещания. Среди ее знакомых не было никого, кто был бы настолько богат, чтобы потребовалось составлять подобный документ. Хотя, строго говоря, завещать можно и старую кофеварку. Что поделать, не приучены мы к этим формальностям, вот и брачные контракты, к примеру, не прижились в отечественном климате.

Утром Анну разбудила незнакомая горничная.

– А что с Машей? – спросила она молчаливую девушку, расставляющую на столике завтрак.

– Ее уволили вчера за разбитый сервиз.

«Надо же. Бедная девочка, – подумала Анна. – Потерять хорошее место из-за нескольких разбитых тарелок».

Анне действительно было жаль, что она больше не встретится с Машей. Девушка ей нравилась. Но скоро мысли о ней сменились размышлениями по поводу предстоящей церемонии.

Содержание завещания, казалось Ане, может пролить свет на многое. Те, кто наследует основную часть немалого капитала, автоматически становятся заинтересованными в смерти Барскова. Все-таки деньги – это главный мотив, из-за которого совершаются преступления. Правда, Сандра вчера заикнулась о том, что Барсков строго хранил тайну своей последней воли. Ну да кто ищет, тот всегда найдет. Тайна, известная двоим, – уже не тайна. Кроме самого Барскова, с содержанием завещания был знаком нотариус, а это уже двое.

Одним словом, в комнату, где должно было состояться знаменательное событие, Аня вошла не без душевного трепета. Она отметила, что все присутствующие, включая слуг, охвачены похожими чувствами. Настороженное ожидание читалось на всех лицах без исключения.

Последней вошла Сандра. Она оделась соответственно случаю, в черное платье, но, на взгляд Анны, немного перестаралась. Платье могло быть и поскромнее, в этом же она скорее напоминала какую-то неведомую черную птицу: шуршащая по полу тафта, расшитый сверкающим бисером лиф и подол, у плеч – воздушные волны шифона. Вдобавок еще черные перчатки до локтя и цветы в волосах, тоже, естественно, черные.

Сандра, не обращая внимания на любопытные и осуждающие взгляды, гордо проследовала к своему месту в первом ряду и уселась на стул, держа спину идеально прямо.

Наконец прибыл нотариус. Это оказался невероятно тощий и длинный старик в строгом черном костюме. Анна не слишком хорошо представляла себе, как должен выглядеть нотариус при чтении завещания, но этот больше всего напоминал гробовщика.

Таким же замогильным был и его голос, немного дребезжащий, как надтреснутая тарелка, и очень тихий.

Присутствующие затаили дыхание. Но завещание оказалось до обидного коротким и простым, хотя содержание и повергло всех в шок. Итак, состояние делилось пополам, одна часть доставалась Сандре, включая дом, а вот наследником другой части оказался... Фрэнк.

Когда нотариус произнес это имя, по комнате пронесся легкий вздох изумления. Анна совершенно ничего не понимала. И не только она одна. Все как один уставились на счастливику, который из обыкновенного, пускай и доверенного, слуги в одночасье превратился в очень состоятельного человека.

Сам Фрэнк выглядел довольно спокойным, впрочем, его лицо, изуродованное шрамом, потеряло естественную подвижность, и понять, что он чувствует в данную минуту, было практически невозможно.

– Вот оно, торжество справедливости! – раздался громкий голос Германа. Теперь все головы повернулись в его сторону. Единственный сын не унаследовал ничего. И это тоже было удивительно. Как бы ни складывались его отношения с отцом, но все же он являлся продолжателем рода Барсковых. У него могли появиться дети, внуки, а подобным завещанием Барсков обрекал свой собственный род на жалкое существование.

Анна внимательно посмотрела на Германа. Нельзя сказать, чтобы он выглядел огорченным, но она заметила слегка подергивающееся веко, он здорово нервничал, но пытался держать удар. Впервые в душе Анны промелькнуло что-то, похожее на уважение к этому человеку.

Нотариус тем временем сложил документы в папочку и пошел к

выходу. Проводить его отправился Фрэнк. Он еще не освоился со своим новым положением и по привычке выполнял свои обязанности.

Задвигались стулья, люди потянулись к выходу, многие были разочарованы. Барсков больше никого не упомянул в завещании. При жизни он платил всем более чем щедро, но в завещании выделить кого-то особо не пожелал.

Герман и Сандра подошли к Анне.

– Каково? – усмехнулся Барсков-младший.

– Я же говорила – будет сюрприз, – недовольно поджала губы Сандра. – Хотя даже я не могла предположить в муже подобной оригинальности. Оставить половину состояния слуге. Фи.

– Ты бы, конечно, предпочла, чтобы все досталось тебе, правда, кошечка? – язвительно сощурился Герман. – Похоже, ко мне, оставшемуся, в сущности, без гроша, ты сочувствия не испытываешь?

От неловкой ситуации Сандру избавил неожиданный звонок мобильного. Она извлекла его откуда-то из пышных складок платья и поспешно отошла, держа трубку возле уха.

– Одно радует меня в этой истории, – с усмешкой сказал Герман.

– Неужели тебя может еще что-то радовать, ведь отец лишил тебя всего.

– Ну что же, не все коту масленица. Зато сейчас я могу общаться с тобой, дорогая, совершенно безбоязненно. Ведь теперь тебе придется вычеркнуть меня из списка подозреваемых.

– Похоже на то, – кивнула Анна. – Вопрос может показаться глупым, но все же постарайся ответить: как ты на самом деле относился к отцу? Тебя совсем не трогает его смерть? Я, конечно, понимаю, наследство и все такое...

– Вообще-то, я не люблю, когда мне лезут в душу, – неожиданно посерьезнел Герман. В его глазах промелькнуло что-то очень похожее на боль, но он тут же придал им привычное, насмешливое выражение. – Давай поговорим об этом как-нибудь в другой раз, идет?

Анна не стала настаивать и спросила:

– Ты мог предположить, что отец оставит все Фрэнку?

– Ну, как тебе сказать... Вообще-то, нет. Но ведь оставляют же миллионы обществам любителей кошек, например. Так что Фрэнк ничуть не хуже. К тому же он и в самом деле служил отцу многие годы. Фрэнк немного замкнутый, но это-то и нравилось отцу. Конечно, он скорее всего выбрал его, чтобы побольнее уколоть меня, но тут уж ничего не изменишь.

– Это с какой стороны посмотреть, – возразила девушка. – Как-никак –

ты прямой наследник и вполне можешь оспорить завещание.

– Возможно, я подумаю об этом, – тихо сказал Герман и неожиданно добавил, – хотя мне кажется, что лучше оставить все как есть. Такова была воля отца. Ему бы не понравилось, что кто-то, пусть даже и после его смерти, пытается изменить принятое им решение.

Анна посмотрела на Германа с интересом. Ей показалось, что в нем появилось нечто новое, чего она раньше не замечала, считая парня самовлюбленным, избалованным типом. А он, оказывается, способен уважать волю своего отца, хотя то, что тот лишил сына наследства, вряд ли можно назвать справедливым решением.

– А за что отец так рассердился на тебя? – спросила Анна.

– Ну, мы поссорились. Скорее всего, отец изменил завещание под горячую руку. Если бы он не умер так внезапно, то изменил бы его снова. Как бы то ни было, он был умным человеком и не захотел бы оставить своих потомков нищими. Сандра ведь, в сущности, чужой ему человек. У них даже детей не было. Да что теперь говорить. Посмотри-ка на Сандру.

Анна обернулась. Сандра только что закончила разговор и стояла, задумчиво глядя на уже отключенный мобильник. Ее гладкий лобик прорезали две аккуратные складочки, что могло означать только одно – она была чем-то всерьез озабочена. Настолько озабочена, что занималась непривычным для себя делом – пыталась принять какое-то решение. От чрезмерных усилий у нее над верхней губой выступили мелкие капельки пота. Сандра машинально слизнула их языком, продолжая смотреть прямо перед собой невидящим взором.

– Эй, Сандра, кто звонил? – безапелляционно спросил Герман.

– Маша... – автоматически ответила та и сразу же разозлилась: – Какое тебе дело?! Вечно лезешь с расспросами.

– Эй, ты чего? Какая муха цапнула тебя за задницу?

– Отвяжись. Мне некогда.

Сандра заспешила к выходу. Анна, почуяв неладное, бросилась вдогонку.

– Сандра, подожди, – окликнула ее она.

– В чем дело? – бросила через плечо вдова. – Извини, я тороплюсь.

– Всего минутку.

– Ну?

– Что тебе сказала Маша?

– Да ничего такого, – как можно равнодушнее заявила Сандра. Но Анна поняла, что она лжет.

– Послушай, не хочу лезть со своими советами, но лучше бы тебе быть

поосторожнее. Я все больше убеждаюсь, что твой муж умер не своей смертью. А это может означать только одно – убийца где-то рядом. Он был вчера в этом доме, и еще неизвестно, успокоился ли он со смертью Александра Федоровича.

– Ты мне угрожаешь? – удивилась недалекая Сандра.

– Нет. Предупреждаю. Не делай глупостей.

Анна надеялась, что после ее слов Сандра расколется и скажет, куда это она понеслась с такой скоростью, но та оказалась крепким орешком. Она снова сослалась на занятость, и уже через десять минут Анна увидела в окно, как Сандра поспешно садится в машину.

Глава 22

Когда Анна говорила Сандре о том, что ее муж убит, она ничуть не сгущала краски. Сама она в этом не сомневалась вопреки всякой логике. И главным образом потому, что при огнестрельном ранении головы несколько капель крови на полу – это нонсенс. Конечно, Анна не была экспертом-криминалистом, но даже дилетанту понятно: крови должно быть намного больше.

Барскова убили в другом месте, а потом перетащили тело в кабинет и инсценировали самоубийство. Но кто тот человек, который вошел в кабинет? И куда он потом делся? Вопрос, неразрешимый на первый взгляд, на самом деле мог иметь вполне логическое объяснение. Да, свидетели утверждали, что в кабинет вошел именно хозяин дома.

Но, во-первых, в коридоре перед кабинетом всегда довольно темно, освещение там приглушенное, и хорошо загримированный человек, стремительно прошедший мимо гостей, вполне мог сойти за Барскова. К тому же никто особенно к нему и не присматривался. Насколько Анна помнила, его окликнул кто-то из гостей, но «Барсков» не отреагировал.

Во-вторых, человек, довольно похожий на хозяина дома, входящий в собственный кабинет, может быть принят за истинного хозяина чисто автоматически. Такова уж логика человеческого ума. Тем более что собравшиеся на праздник гости не ожидали ничего плохого. Третье, и последнее, в этом деле постоянно встречаются двойники. С той или иной степенью достоверности свидетели упоминают о невероятно похожих на жертв людях. Кроме того, во всех случаях преступник действовал в полумраке. Ни разу – при ярком солнечном свете. Оно и понятно – на свету подделка сразу бросилась бы в глаза.

Правда, похоже, что преступник действовал не один. Изобразить и худощавого Диму, и слоноподобного Хвороста одному человеку явно не под силу.

Анна вновь вернулась к последнему преступлению. Она внезапно вспомнила о выстреле, прозвучавшем в кабинете. Если ее рассуждения верны и Барсков убит в другом месте, то стреляли в воздух. Но тогда пуля застряла где-то в стене.

Окрыленная новой догадкой, Анна бросилась в кабинет. Ее интересовали две стены, слева и справа от входа. Напротив входа всю стену занимало окно, а стрелять в сторону коридора стал бы только полоумный.

Покосившись на портрет, все так же прислоненный к стене, Анна принялась осматривать правую стену. Портрет смущал ее, все время казалось, что Барсков с неодобрением следит за ней. Стараясь не обращать внимания на неприятное ощущение, Анна продолжала искать. Она обшарила каждый сантиметр, но стенка была ровнехонькая.

Но огорчаться Аня не спешила. Оставался еще один шанс. Она развернулась на сто восемьдесят градусов и, прищурившись, оглядела предстоящее поле битвы. Большую часть противоположной стены занимал камин, что значительно сокращало объем поисков. К несчастью, возле одного из свободных участков стены стояла картина. Ее следовало передвинуть. Но не тут-то было. Барсков был изображен в полный рост, в натуральную величину, да еще массивная бронзовая рама. Анна попробовала сдвинуть полотно и поняла, что это бессмысленная затея.

– Ну, погоди у меня, – прошептала она. – Все равно я от тебя избавлюсь!

О том, чтобы позвать на помощь кого-нибудь из мужчин, не могло быть и речи. Анна не доверяла ни одной живой душе в этом доме. Придется справляться самостоятельно.

Тяжело вздохнув, она огляделась. Однажды ей пришлось переставлять в квартире мебель. Мужчин в этот момент не подвернулось, но близкая подруга Вера, вызвавшаяся помочь, предложила блестящий выход: засунуть под неподъемную вещь кусок мягкой ткани и везти ее по полу в нужном направлении. Мебель они тогда переставили в два счета, и сейчас Анна решила воспользоваться старым трюком. Вот только с тряпкой были проблемы.

Не долго думая, она стащила накидку с кресла, подсунула ее под край картины и, сосредоточенно сопя, поволокла произведение искусства в сторону. Резная рама больно колола пальцы, во время очередного рывка что-то острое вонзилось ей в руку. Аня вскрикнула от неожиданности, скользкая рама выскользнула из рук, и картина с грохотом рухнула на камин.

– О, черт! – воскликнула Анна, увидев, что произошло вслед за этим...

Раздался тихий шорох, как раз в том месте, где недавно стояло полотно, кусок стены размером с небольшую дверь плавно отъехал назад, открывая глазам небольшую площадку.

Анна с опаской подошла поближе и заглянула внутрь. Справа в толще стены она увидела проход с ведущей наверх лестницей.

– Теперь ясно, как сюда попал настоящий господин Барсков, – вполголоса произнесла она. – А вот откуда он сюда попал – мы сейчас

выясним.

Она решительно шагнула в простенок и начала подниматься по лестнице. Тайным ходом, похоже, пользовались весьма активно. Здесь не было пыли и сыростью не пахло. Неужели никто из домашних не знал о существовании этого хода? Похоже, что нет. Иначе обязательно подумали бы о том, что через него мог проникнуть убийца. Но все утверждали, что кабинет был заперт изнутри и никто не мог в него войти.

Лестница привела ее на второй этаж. Голова уткнулась в обыкновенный люк, который бесшумно приподнялся. Первое, что увидела Анна, – это огромную плеть тропической лианы, свисающую откуда-то сверху. Рядом покачивал гигантскими листьями настоящий банан. Воздух был влажным и горячим.

Анна оказалась в оранжерее.

Как только девушка, выбравшись наружу, отпустила крышку люка, та мгновенно захлопнулась, слившись с полом. Как ни старалась, Анна не смогла вновь открыть ее. Должно быть, с этой стороны тоже существовало какое-нибудь хитрое приспособление. Но она не стала тратить время на поиски. Ей не было нужды возвращаться тем же путем.

Оранжерея занимала площадь не менее ста квадратных метров, от пола до потолка заставленных зеленью. Здесь были пальмы, плющи, цветущие орхидеи и множество других растений, больших и маленьких, названий которых Анна не знала. Она медленно шла по проходу между кадками и деревянными ящиками, внимательно вглядываясь в пол. Она моментально покрылась испариной, температура воздуха поддерживалась здесь не ниже тридцати градусов, плюс еще влажность. Пол был выложен кафельной плиткой, и Анне приходилось ступать осторожно – не хватало еще растянуться на скользком полу.

В центре оранжереи находился довольно большой бассейн. В прозрачной воде метнулась золотистая тень, за ней другая. Золотые рыбки!

Первую странность Анна обнаружила в самом углу оранжереи, рядом с растением, больше всего напоминавшим гигантский лопух. Наверное, это и был лопух, только тропический.

Так вот, возле этого самого лопуха на кафельной плитке почему-то лежал красный ковер. Причем не какая-нибудь синтетика, а натуральная шерсть, в этом-то Анна разбиралась. Конечно, в таком богатом доме могли себе позволить разбрасывать дорогие ковровые изделия где попало, но пару минут назад она проходила мимо уголка отдыха с плетеными креслами и столиком. В этом уголке, как видно, наиболее посещаемом, на полу лежала обыкновенная циновка, вещь, конечно, тоже недешевая, если учесть то, что

она была сделана из рисовой соломки, но все же не ковер ручной работы, который Анна разглядывала сейчас с замиранием сердца.

Где-то неподалеку легонько хлопнула дверь, и Анна застыла с протянутой рукой, занесенной над ковриком. Она прислушивалась некоторое время, но было тихо. Видимо, ей показалось, и дверь хлопнула на первом этаже.

Стараясь побороть страх, Аня ухватилась за толстый ворс ковра, резким движением откинула край в сторону и замерла: на светлой кафельной плитке темнела большая размазанная лужа темно-коричневого цвета. Анна дотронулась до нее дрожащим пальцем, поднесла его поближе к глазам и тихо присвистнула. На пальце была самая настоящая кровь.

Внутренняя, более светлая часть ковра также потемнела от крови, но сверху, на фоне красного пятно было незаметно.

Итак, ее предположение получило неожиданное подтверждение, но она почему-то не испытывала радости. Наоборот, ей стало страшно. Убийца был в тот день в доме, он прекрасно ориентируется здесь, знает о существовании тайного хода... О, господи! Кто же это? Ясно одно – кто-то из своих.

Не успела Аня решить, кому рассказать о своей находке, как со всех сторон раздалось тихое шипение, оно все нарастало, и с потолка хлынул самый настоящий дождь. Включилась система орошения. Тонкие колкие струи лупили по спине, по лицу, в мгновение ока Анна вымокла насквозь.

Она бросилась к выходу, то и дело вытирая с лица струи воды, почти вслепую нашарила входную дверь, вылетела в коридор и бросилась к лестнице, оставляя на ковровой дорожке мокрые следы.

Времени на то, чтобы переодеться, у нее не было. Надо найти Германа и Сандру, если она уже вернулась.

Когда Анна буквально ворвалась в комнату Германа, он преспокойно читал газету, развалившись в кресле. Увидев мокрую с головы до ног Аню, со слипшимися волосами и в намокшей блузке, он удивленно крикнул и неуверенно спросил:

– Это что, новый способ обольщения? А что, неплохо... – уголки его чувственного рта сложились в плотоядную ухмылку. Анна взглянула на себя и тихо ахнула: намокший шелк блузки, став прозрачным, прилип к ее телу, а поскольку бюстгалтер нужного размера она купить так и не удосужилась, то выглядела сейчас более чем двусмысленно.

Кое-как прикрывшись руками, Анна сказала, едва сдерживая злость:

– Хватит издеваться. Поднимай свою задницу от кресла, и пойдём в оранжерею.

– Ты хочешь сделать это там? – продолжал развлекаться Герман.

– В оранжерее – кровь твоего отца, придурок! – рявкнула Аня.

Герман мгновенно стал серьезным.

– Что ты несешь? – вскочил он на ноги. – Какая кровь? Где?

– Бежим скорее, сам убедишься! – топнула ногой Анна.

Герман не стал больше задавать глупых вопросов и молча выбежал вслед за ней в коридор.

* * *

– И где же кровь? – недоуменно спросил Герман.

Аня растерянно хлопала глазами. Там, где буквально пять минут назад было отвратительное бурое пятно, сияла чистая, мокрая от воды кафельная плитка!

– Ее смыло! – в отчаянии прошептала Аня, стараясь сдержать злые слезы. – Ее смыла эта проклятая поливалка! Кто-то включил систему орошения. Надо немедленно найти того, кто это сделал.

Она рванулась обратно к двери, но Герман успел поймать ее за рукав.

– Не спеши...

Она изумленно подняла на него глаза.

– Видишь ли, никто не включал систему.

– Но как же...

– Подожди. Я понимаю. Достаточно взглянуть на тебя, чтобы понять, что ты угадала напрямик под дождик. Но систему никто не включал специально. Она автоматическая. Включается в час дня. – Он посмотрел на наручные часы. – Сейчас – тринадцать десять. Значит, десять минут назад система включилась в положенное время.

– Ну почему именно сейчас! – простонала Анна. – Теперь ничего не докажешь. Улики-то тютю, дождиком смыло.

– Не торопись. Ты говорила, что пятно было накрыто этим ковром?

– Да. Ты не помнишь, он раньше тут лежал?

– Нет, конечно. Это туркменский ковер из коллекции отца. Ему лет сто, не меньше. Он не лежал ни здесь, ни в другой комнате. Это коллекционная вещь, и хранилась она в специальном помещении, вместе с другими раритетами. Но в данном случае его коллекционная ценность не имеет значения. Надеюсь, что за сутки кровь впиталась в ковер достаточно глубоко. Можно будет сдать его на анализ...

– Ты гений! – обрадовалась Анна. – Давай отвезем его немедленно!

– Я бы подождал. Представь, что начнется, если менты выяснят, что это действительно кровь отца. Они же оцепят все вокруг, начнется паника, а преступник тем временем заляжет на дно, и мы его ни за что в жизни не отыщем.

– Пожалуй, ты прав, – кивнула Анна. – Надо дожидаться Сандру и все ей рассказать.

– Расскажем. Только, сдастся мне, она и бровью не поведет. Для нее лишняя шумиха ни к чему. И так разговоров хватает. А в этом случае она попадет под подозрение первая – ведь она одна из главных наследниц.

– Действительно, надо подумать, как лучше поступить. Послушай, ты в курсе, что из кабинета твоего отца сюда ведет потайная лестница?

– Нет. Впервые слышу! – удивился Герман. – Ай да папенька! Ну, романтик! И ведь никому ни слова!

– Не совсем так. Кое-кто наверняка знал о существовании лестницы.

– И кто же?

– Ну, тот, кто ее мыл, например. Мне как-то трудно представить твоего отца со шваброй в руках, а лестница чистая, ни пылинки. Во-вторых, мастера, которые ее делали.

– Да уж. Отец, конечно, любил тайны, но на то, чтобы, как бывало в старые времена, уничтожить создателей секретного хода, у него бы фантазии не хватило. Можно попробовать их отыскать. Сохранились документы, сметы на строительные работы. Нужно спросить у Фрэнка. Кстати, он наверняка знает о ходе. Отец доверял ему как самому себе. Сейчас проверим.

– Погоди, – остановила его Аня. – Мне надо переодеться.

В глазах Германа снова заплясали чертенята.

– По-моему, и так совсем неплохо. Оч-чень эротично.

Анна дернула плечом и отправилась в свою комнату, делая вид, что хихиканье за спиной ее нисколько не волнует.

Фрэнка они нашли на кухне, где он отдавал распоряжения насчет обеда.

– По-прежнему держите дом в своих руках? – с усмешкой спросил Герман.

– Привычка, – пожал плечами Фрэнк. – Я занимался этим большую часть жизни. За один день трудно себя переделать. Кроме того, Сандра пока не нашла мне замену.

– Удивляюсь вашей сознательности, дружище.

Фрэнк метнул в его сторону неодобрительный взгляд и спросил:

– Вам что-нибудь нужно?

– Один вопрос, Фрэнк. Вы знали о потайной лестнице в кабинете отца? – Вопрос был задан прямо в лоб, и Фрэнку не оставалось ничего другого, кроме как ответить так же честно.

– Знал, конечно, – вздохнул он. – Я лично следил там за порядком. Александр Федорович испытывал большое удовольствие от сознания того, что в доме есть что-то, недоступное другим его обитателям. Конечно, это ребячество. Но я сдержал данное слово и никому не говорил о том, что ход существует.

– Но кто-то все же прознал об этом, – пробормотал Герман.

– О чем вы говорите? – насторожился Фрэнк.

– Мой отец не покончил с собой, дружище. Его убили в оранжерее, а потом протащили по этому ходу в кабинет и разыграли маленький спектакль. Думаю, ушел убийца точно так же, как и пришел, через оранжерею. Там есть еще один выход прямо в сад.

Фрэнк смертельно побледнел и прошептал посиневшими губами:

– Не может быть! Вы уверены?

– Более чем, – кивнул Герман. – Кстати, почему вы не сказали о лестнице, когда узнали о происшествии?

Бледная кожа Фрэнка покрылась красными пятнами.

– Понимаете, когда я вернулся из магазина, все уже произошло. Я был ошарашен случившимся, у меня в голове все перепуталось. Признаюсь, в тот момент я совсем позабыл о секретном ходе. А позже все стали говорить, что Александр Федорович покончил с собой в запертом изнутри кабинете, гости видели, как он туда зашел, слышали выстрел. Милиция и вовсе не заинтересовалась этим делом, сразу сказали – самоубийство. Ну, я и промолчал, думал, ход все равно тут ни при чем. Теперь понимаю, что сделал ошибку. Надо было хотя бы вам сказать, или Сандре...

– Ладно, Фрэнк, с кем не бывает. Теперь придется поднимать документы по ремонтным работам. Попробуем выяснить, кто еще знал о ходе. Окажите услугу, поищите их, хорошо?

– Это несложно, – кивнул Фрэнк. – Сейчас подадут обед, а после этого я найду все бумаги. Вы не знаете, Сандра вернется к обеду?

– Неизвестно, – хмыкнул Герман. – Она унеслась с утра, как пушечное ядро, и не сказала, когда вернется.

Фрэнк снова кивнул и поспешил к маячившей у двери в кухню горничной. Она явно старалась привлечь его внимание, Анна и Герман не стали дольше отрывать его от дел.

Глава 23

Сандра явилась только поздно вечером, в начале десятого. Ей, очевидно, не хотелось ни с кем встречаться, так как она попыталась проскользнуть в свою комнату незамеченной, но бдительный Герман перехватил ее у лестницы.

Анна заметила, что Сандра выглядела чрезвычайно довольной. На красивом личике блуждала хитренькая улыбка, делая ее похожей на сытую кошку.

– погоди, Сандра, надо поговорить, – сказал Герман.

Девушка посмотрела на него со снисходительной усмешкой:

– Думаешь, есть о чем? Мне кажется, ты не скучал в мое отсутствие. – Выразительный взгляд, брошенный в сторону Анны, заставил ту покраснеть.

– Брось молоть чепуху, – нахмурился Герман. – Я с тобой не заигрывать собираюсь. Дело серьезное.

– Ах, оставь, я так устала. Поговорим завтра утром. – И она побежала вверх, всем своим видом демонстрируя, что сегодня ей ни до чего нет дела.

– Вот стерва, – буркнул Герман. – Сияет, точно кошка, нажравшаяся сливок. Любовника нового завела, что ли? Быстро утешилась, однако.

– Ревнуешь? – усмехнулась Аня, наблюдавшая за сценой.

– Эту, что ли? – пренебрежительно хмыкнул Герман. – Ну уж нет. Просто за отца обидно. Шесть лет прожил с оторвой, одевал, обувал, побрякушки всякие дарил, а она уже на следующий день после его смерти усвистела, задрав хвост.

– Что-то поздно ты вспомнил о целомудрии. Помнится, сам не брезговал...

– Ладно, виноват. – Герман мотнул головой, сунул руки в карманы и мрачный, как туча, побрел в гостиную.

Аня немного подумала и решила, что все же стоит сообщить Сандре об их открытии.

Из-за закрытой двери доносилось негромкое мурлыканье, Сандра беззаботно напевала. «Интересно, – подумала Аня, – чему это она так радуется?»

Она толкнула дверь и вошла в комнату, забыв постучаться. Сандра обернулась и недовольно нахмурилась.

– Ну, чего тебе? – сквозь зубы спросила она. – Я же сказала, все разговоры завтра.

– Это не может ждать до завтра! – разозлившись, рявкнула Анна.

– Ну-ну, не надо так кричать, – вполне миролюбиво пропела Сандра. Анна отметила, что хотя та и сослалась на усталость, но переодеться в обожаемый ею пеньюар отчего-то не спешила. – Что там у вас стряслось?

– Твой муж не кончал жизнь самоубийством. Его убили. И я могу это доказать.

В ответ Сандра сказала то, что Анна меньше всего ожидала услышать.

– Я знаю, – спокойно произнесла она, вызываяще глядя на девушку.

– И говоришь об этом таким тоном? – оторопела та. – Что тебе известно? Откуда? И где ты была, наконец?

Зная характер Сандры, можно было предположить, что она ответит на подобный вопрос какой-нибудь дерзостью. Ну, в крайнем случае просто промолчит. Но она не сделала ни того, ни другого. Слегка нахмутив гладкий лобик, она посмотрела на Аню вполне миролюбиво и вкрадчиво произнесла:

– Послушай, Аня, я все расскажу тебе, обещаю, но только завтра, идет? Сейчас мне надо хорошенько подумать.

Анна поняла, что ее выпроваживают, но не нашлась, что возразить. В конце концов, Сандра тут хозяйка, ей и решать, что и когда. Она молча повернулась и вышла из комнаты, но когда за ней закрылась дверь, она буквально кипела от ярости и собственного бессилия.

Вернувшись к себе, она упала на кровать и долго лежала, бездумно глядя в потолок.

Сандра не убивала мужа. В этом не было ни малейших сомнений. У хрупкой, даже тщедушной женщины просто не хватило бы сил стащить тело вниз по довольно узкой лестнице. Кроме того, в день приема она все время была на виду, болтала с какой-то подругой.

Нет, это не она. Но сегодня Сандра узнала нечто, проливающее свет на убийство Барскова. И что-то очень важное.

Сандра буквально пела от радости. В такое приподнятое настроение ее могла привести только одна вещь – деньги. Она была просто помешана на деньгах, и то, что она узнала об убийстве мужа, должно было принести ей большую выгоду. Только этим объясняется ее веселье.

Ну что же, подождем до утра.

Если Сандра вернулась домой, то наверняка не сбежит, а уж утром они с Германом припрут ее к стенке и заставят выложить всю правду.

Сандра и в самом деле никуда не сбежала. Утром Аня первым делом

заглянула в соседнюю спальню и увидела, что та преспокойно дрыхнет. В комнате было холодно, и Сандра накрылась одеялом с головой. Анна не стала ее будить. Она здесь, и это главное.

К завтраку Сандра не спустилась. Это никого не удивило. Неженка обожала поспать подольше. Правда, сегодня она определенно решила оторваться по полной программе, так как не спустилась вниз ни в десять, ни в одиннадцать. В полдень Герман, беспокойно меряющий шагами гостиную, прорычал:

– Ну все, с меня довольно. Эта дрянь полагает, что может продрыхнуть до вечера. Но я не намерен ждать так долго. Пойдем. Я вытащу ее из кровати и заставлю все рассказать.

Они поднялись на второй этаж и без стука вошли в комнату Сандры. Она по-прежнему валялась в кровати. В комнате стоял собачий холод. Анна подошла поближе.

– Тебе не кажется, что у нее слишком большая голова? – удивленно спросила она.

– Бигуди наворотела. Красоту наводит. Сейчас я устрою ей косметический салон на дому!

С этими словами Герман рывком сдернул одеяло. Анна завизжала. Герман тихо охнул и выпустил одеяло из рук.

На кровати Сандры лежала обнаженная женщина. Понять, Сандра это или нет, было невозможно. На голову женщины была надета уродливая маска в виде отвратительного рогатого существа. Гадкая морда тарасила на перепуганных людей налитые кровью глаза, ее пасть была разинута в свирепом оскале.

Маска была цельной и плотно охватывала шею.

Когда первый шок прошел, Анна наклонилась над телом, разглядывая жуткую морду.

– Удивительно, в ней нет прорезей! – сдавленно воскликнула она.

– Каких еще прорезей? – хрипло спросил Герман.

– Ну, дырок для глаз и носа. Она сплошная.

– Боже, меня сейчас вырвет, – простонал Герман, хватаясь за горло.

– Вырвет тебя позже, когда мы снимем маску. Она задохнулась, и обещаю, зрелище будет не из приятных.

– Может, не надо? – бледнея на глазах, спросил Герман.

– Может, и не надо. Милиция не погладит нас по головке за самодеятельность.

Анна отступила назад, так и не решившись прикоснуться к телу. Под ногой у нее что-то громко хрустнуло.

– Это еще что? – спросила она, опуская глаза. – Боже мой, стекло!

Она бросилась к окну, отдернула занавеску и сказала:

– Все ясно. Окно разбито, весь подоконник в земле. Вызывай милицию. Пусть разбираются.

– Ох, что сейчас начнется! – пробормотал Герман, но покорно побрел к телефону.

Он не ошибся, предвидя кошмар, но даже он не мог предугадать размеров бедствия.

Анне показалось, что в дом ворвался по меньшей мере целый полк одетых в мышиную форму людей, похожих друг на друга, как семечки в огурце. Они шарили по комнатам, задавали бесчисленное количество вопросов и удалились только через несколько часов, унося с собой тело и запретив всем живущим в доме куда-либо уезжать.

Убитая действительно оказалась Сандрой. Когда с нее сняли маску, Германа пригласили для опознания. Анна потащила следом, против чего представители закона не возражали. Увидев посиневшее лицо с выпученными глазами и разинутым ртом, Анна пожалела о своем любопытстве. Честно говоря, узнать красавицу Сандру было непросто. Ужасная смерть от удушья лишила ее главного достоинства – красоты. Оперативник, ведущий допрос Ани, подтвердил, что они считают, будто преступник проник в комнату жертвы через окно, натянул маску на спящую женщину и держал ее до тех пор, пока она не задохнулась, – на запястьях обнаружили сильные кровоподтеки, которые Анна, к слову сказать, просмотрела.

Когда они наконец остались одни, то у них не осталось сил, чтобы обсуждать случившееся. Ане казалось, что коварный дом насмехается над ней, ей было тошно, она задыхалась в этих стенах.

– Я пойду немного подышу воздухом, – сказала она. Герман даже не повернулся в ее сторону. Ему тоже было несладко.

На улице ей не стало легче. Противная мертвенно-серая пелена, окутавшая дом, напоминала саван. Воздух был затхлым и нездоровым.

Внезапно у подножия лестницы раздался тихий скрип. Из-за густого тумана Анна не могла разглядеть источник этого звука.

– Кто здесь? – окликнула она встревоженно.

– Анна Владимировна. Как хорошо, что вы вышли на крыльцо, – раздался в ответ тоненький голосок. Анна узнала Клонова, а потом и увидела его, когда спустилась вниз на несколько ступенек.

Художник в своей коляске беспомощно остановился перед лестницей. Взобраться по ступенькам он не мог и выглядел растерянным.

– Здравствуйте, – сказала Аня. – Вы... к Сандре?

– Не совсем, – замялся художник. – У вас ничего не случилось? Я видел несколько милицейских машин на дороге и подумал, что...

– Вы правы, случилось несчастье, – тщательно подбирая слова, произнесла девушка. – Сейчас я позову кого-нибудь, кто поможет вам войти в дом.

* * *

– Ужасная история, – пробормотал Оскар Егорович, выслушав грустный рассказ Анны. Они сидели в гостиной. Герман почти не говорил. Он все время хмурился, глядя на огонь, весело полыхающий в камине.

– Это похоже на злой рок, – продолжал Клонов, – сначала Александр Федорович кончает жизнь самоубийством, затем его жена гибнет при ужасных обстоятельствах.

Анна и Герман быстро переглянулись. Не сговариваясь, ни один из них не рассказал милиции о сделанном ими открытии. Тем более они не собирались посвящать в подробности постороннего человека.

Чтобы скрыть смущение, Аня потянулась рукой к чашке с чаем. Взгляд Клонова упал на перстень.

– Какое красивое кольцо, – заинтересовался он. – Удивительно хорошая копия.

– Копия чего? – насмешливо спросила Анна. Ее уже начало раздражать, что перстень то и дело принимают за подделку.

– Не обижайтесь. Это очень хорошая работа, просто уникальная. Не знай я, что оригинал безвозвратно утерян, то сказал бы, что это подлинное кольцо графа Валишевского.

– А что, если это и есть то самое, от графа? – прищурилась Аня.

В глазах Клонова зажегся лукавый огонек.

– И откуда же он у вас?

– Какая разница?

– Большая. Граф умер, не оставив наследников. Примечательная, скажу вам, была личность. Подлинный знаток оккультизма, магистр черной магии.

Анна поймала насмешливый взгляд Германа. Он открыл было рот, но мысль, которая его осенила, в конце концов показалась ему не настолько удачной, чтобы произносить ее вслух. Он хмыкнул и снова отвернулся к камину.

От Клонова не укрылась их безмолвная дуэль.

– Вы имеете представление о магии? – спросил он Анну.

– В общих чертах...

Герман поперхнулся и громко закашлялся.

– Тогда вы, возможно, слышали историю этого перстня. Он обладал огромной силой, наделяя владельца невероятными способностями, делая его практически неуязвимым. На обратной стороне изумруда имелась надпись, короткое, но чрезвычайно мощное заклинание. Вы позволите, я покажу вам?

Анна сняла с пальца кольцо и протянула художнику, с интересом следя за выражением его лица. Ни о чем не подозревая, тот перевернул кольцо, показывая пальцем на внутреннюю сторону оправы.

– Вот здесь должна быть надпись, ее невозможно воспроизвести, в существующих каталогах сохранился только общий вид перстня...Что это? – Зрачки художника расширились, он поднес камень ближе к глазам, поправил очки, потом совсем снял их. Когда он вновь обрел дар речи, его голос звучал хрипло:

– Он подлинный? Не может быть.

– Как видите, может, – спокойно сказала Анна, протягивая руку за украшением. Клонов, точно загипнотизированный, вернул ей перстень. Лицо его вытянулось, выражая крайнюю степень удивления.

– Мне кажется, этот перстень довольно популярен. У Сандры был точно такой же.

От этих слов Клонов точно очнулся.

– Да-да, бедная Сандра, – пробормотал он.

Анна вспомнила искаженное предсмертной мукой лицо красавицы и содрогнулась.

– Мне тоже жаль их обоих, – слегка дрожащим голосом сказала она. – Сандра была еще так молода...

– Она была идиоткой! – неожиданно взорвался Герман. – Жила как мотылек, в башке – мякина. Даже завещания не оставила, дурочка. Собиралась жить вечно.

– Что ты возмущаешься? – мягко упрекнула его Аня. – Кому может прийти в голову, что завтра ты можешь умереть. Тем более ей было всего двадцать с небольшим.

– Простите за нескромный вопрос, – неожиданно встрял Оскар Егорович, – но кому теперь достанется ее часть наследства?

Он повернулся к Герману, ожидая ответа.

– Ну, не знаю, – растерянно пробормотал тот, – она еще не вступила в

права наследства и формально капитал все еще принадлежит моему отцу. Поскольку он не оставил других распоряжений, то ее часть, вероятно, ойдет ближайшим родственникам отца, а это я, больше никого не осталось...

– Ошибаетесь, молодой человек, – раздалось от двери. Три человека одновременно повернулись в ту сторону и недоуменно уставились на невесту откуда взявшегося Фрэнка, который стоял, прислонившись к косяку и скрестив на груди руки – поза, просто невероятная для вышколенного слуги.

– Ошибаетесь, – повторил он. – У вашего отца остались родственники. Его старший брат.

– Что за чушь? – дернулся Герман. – Он погиб. И вы отлично это знаете.

– Вы снова ошиблись. Я действительно знаю это точно, потому что я и есть Михаил Федорович Барсков, родной брат вашего отца...

Глава 24

– Вы спятили? – прошипел Герман, бледнея. – Да как вы смеете!

– Успокойся, Герман, – остановила Аня его, готового уже броситься на самозванца с кулаками. – Пусть объяснит. – Она снова повернулась к Фрэнку. – У вас есть доказательства?

– Разумеется. Доказать, кто я на самом деле, вовсе не так уж сложно.

– Но почему же вы молчали? Как могло случиться, что вы столько лет довольствовались ролью слуги, зная, что на самом деле состояние родителей принадлежит вам? – не переставала удивляться Анна.

– В действительности я совсем недавно узнал о том, кем являюсь на самом деле. Слушайте.

Михаил с самого детства был любимчиком отца, его наследником. Оба брата росли, казалось бы, в одинаковых условиях, у них были одни и те же игрушки, одинаково удобные спальни, лучшие преподаватели, но все же существовало различие. Михаилу после смерти отца надлежало стать богатым человеком, тогда как судьба младшего, Александра, была более чем неопределенной.

Кроме того, Миша явно проявлял больше сообразительности и усердия в учебе. В отличие от легко возбудимого, романтически настроенного мечтателя Саши, Михаил вел себя безукоризненно, был прекрасно воспитан и отличался логическим складом ума.

Нельзя сказать, что разница в положении сказывалась на отношении братьев друг к другу. Они не то чтобы были особенно близки, но и не ссорились. Они соблюдали полный нейтралитет.

Когда братья стали старше, Саше открылась неприятная истина – он обречен всю жизнь провести на вторых ролях. Ему придется здорово поднапрячься, чтобы обеспечить себе более-менее достойное существование. В то время как старшему все доставалось на блюдечке с голубой каемочкой просто потому, что ему посчастливилось родиться на год раньше. Ребенку трудно пережить подобную несправедливость. Саша не стал исключением. Его характер окончательно испортился. Он стал резким, капризным и драчливым.

Когда отца посетила мысль отправить младшего сына в Россию, тот поначалу взбунтовался, но, подумав хорошенько, смирился с волей родителей. В конце концов, думал он, лучше оказаться вдали от семьи, чем видеть, как брат наслаждается своим положением наследника.

Россия оказалась не такой страшной, как рисовалось Саше, более того, в привилегированном заведении, куда устроил его заботливый отец, к юноше относились с большой предупредительностью. Дело было, конечно, не в его личных достоинствах, просто сумма, которую щедро выплачивал отец на содержание сына, оказалась настолько значительной, что преподаватели отработывали свой гонорар.

В таких условиях, лишенный постоянной бесперспективной конкуренции со старшим братом, Александр неожиданно изменился. Он стал уверенным в себе, у него неожиданно обнаружились большие коммерческие способности и деловая хватка.

Большие успехи младшего сына не могли не обратить на себя внимание отца. Он решил сделать ему сюрприз и сообщил, что всей семьей они едут в Россию. На самом деле у него была и другая цель. Законы наследования несколько изменились, и отец стал подумывать о том, чтобы разделить состояние поровну между сыновьями. Но Александр, конечно, понятия не имел, что отец решил устроить ему смотрины. К тому же в то время он уже не так нуждался в деньгах и был весьма обеспеченным человеком, хотя его состояние и не шло ни в какое сравнение с богатством семьи.

В пути произошла ужасная катастрофа. Корабль затонул, помощь пришла слишком поздно, спасти удалось немногих. Но Михаилу повезло. Он выжил, хотя и получил тяжелую травму головы, в результате чего потерял память на долгие годы.

Александр не мог не узнать брата, но тут в его голове зародился дьявольский план, должно быть, всплыли все те обиды и унижения, которые он пережил в детстве, получая жалкие крохи от того, что доставалось старшему брату. И тогда он, срочно вызванный к месту катастрофы, опознает брата как... слугу Фрэнка. Опровергнуть его слова было некому, у Фрэнка, который был старше Михаила всего на четыре года, не было родственников, отец и мать братьев утонули, Михаил абсолютно ничего не помнил о себе. Таким образом он стал слугой своего младшего брата. Впрочем, как уже говорилось, много лет он понятия не имел, кто он на самом деле.

Но судьба – странная штука. Заставив Александра Барскова поверить, что его обман полностью удался, она решила немного позабавиться: к Михаилу начала возвращаться память! Постепенно, очень медленно, но он начал вспоминать родителей, детство, затем вспомнил саму катастрофу и наконец с ужасом понял, что полжизни провел в чужой шкуре, на побегушках у родного брата.

Поначалу он растерялся, потом ему захотелось бросить брату в лицо страшное обвинение, но он скоро понял, что таким образом ничего не добьется. Его слово ничего не значит. Взбесившийся слуга, переживший тяжелую черепно-мозговую травму... Нет, без доказательств он добьется только одного – братец засадит его в сумасшедший дом, чтобы навсегда заткнуть рот.

И он начал искать доказательства, собирать документы, свидетельствующие о его происхождении. На это ушел не один год. В конце концов он получил в свои руки неопровержимые доказательства и со дня на день собирался предъявить их вероломному брату, но тот внезапно покончил с собой.

– Врешь, это ты убил моего отца! Ты должен был ненавидеть его за то, что он сделал! – выкрикнул Герман.

Фрэнк, то есть Михаил Федорович, даже не пошевелился.

– Я его не убивал.

– Погодите, но ведь Александр Федорович покончил с собой! – раздался голос Клонова. – При чем здесь убийство?

– Вот и нет! – в запальчивости заявил Герман, не обращая внимания на предостерегающие знаки Анны. – Его убили в оранжерее, а самоубийство инсценировали!

– Невероятно! – воскликнул Клонов.

– Как бы то ни было, не надо забывать, что я здесь вообще отсутствовал, когда все произошло, – напомнил Михаил Федорович.

Герман нахмурился, не зная, что возразить.

– Кроме того, – продолжал бывший слуга, – смерть брата была мне просто невыгодна. О завещании я понятия не имел. Александр написал его спонтанно, после вашей ссоры. А половину состояния я получил бы в любом случае. Бумаги, которые я собрал, однозначно доказывают наше родство, мне достаточно было просто обратиться в суд или, чтобы избежать громкого скандала, уладить с твоим отцом все полюбовно. Он был умным человеком и не допустил бы, чтобы его имя трепали все бульварные газеты. В его бизнесе репутация – дороже денег. Кстати, у тебя было гораздо больше поводов разделаться с отцом. О ваших стычках ходили легенды.

– Думай, что говоришь! – взвился Герман. – Я любил отца. Я не верю, что ты говоришь правду. Отец не мог пойти на такую подлость. Он был порядочным человеком.

Анна быстро встала, подошла к Герману и положила руку ему на плечо. Он сбросил ее как раскапризничавшийся ребенок.

– Успокойся, – попросила Анна, глядя на него с сожалением. – Сейчас

не время выяснять отношения.

– Самое время, – строптиво дернул головой Герман. – Я докажу, что он врет.

– Знаете, молодой человек, – неожиданно вступился за Фрэнка Клонов, – мне кажется, рассказанная история похожа на правду. Я мог бы тоже кое-что рассказать про вашего отца. Не хотелось бы вспоминать эту историю, но, видимо, – придется.

– Что еще? – задохнулся от негодования Герман. Но Клонова не так-то легко было остановить. Он вздохнул и медленно произнес: – Дело в том, что именно ваш отец стал косвенной причиной того, что я оказался в этом кресле...

– О господи, – прошептала Анна.

Герман с минуту смотрел на Клонова округлившимися глазами, потом сказал неожиданно спокойно:

– Рассказывайте.

У Оскара не было отца. Точнее, он был, но исчез с горизонта еще до рождения ребенка. Мать, совсем юная красотка, ничуть не расстроилась и, едва оправившись от родов, принялась менять любовников, точно цветные стеклышки в калейдоскопе. Надолго никто из них не задерживался, но таким образом все же удавалось кое-как сводить концы с концами. Малыш кочевал по квартирам временных кавалеров вместе с матерью. Жили они тогда в Москве.

Хуже всего бывало, когда матери хотелось порезвиться на стороне. Иногда она отправлялась на пикники и на два-три дня запирала трехлетнего сынишку в квартире очередного любовника. Оскар навсегда запомнил, как страшно было, когда он сидел один в темноте и ему казалось, что мамочка его бросила, что она никогда не вернется и он так и умрет от страха и голода. Когда он подрос, мать сплвила его к дальней родственнице, у которой не было своих детей, и продолжала веселиться. Жизнь его, казалось бы, наладилась, тетка любила его и ни в чем не отказывала, но Оскар отчаянно тосковал по матери. Он безумно любил ее, несмотря на то, что никогда не видел ответной ласки и любви.

Иногда она все же навевывалась к сыну, очень редко, примерно раз в год, и тогда мальчик не отходил от нее ни на шаг, вдыхая сладковатый, такой родной запах дешевых духов. Однажды во время очередного визита ему в голову пришла блестящая идея: он тайком стащил из косметички флакончик маминых духов и выпил их. Малыш надеялся, что если пропитается любимым маминым ароматом, то она передумает, полюбит его и заберет с собой.

Но чуда не произошло. Мать уехала через два дня. Оскар, забравшись на широкий подоконник, как брошенный щенок, следил полными слез глазами, как мать выбежала из подъезда и села в поджидавшую ее машину. Она даже не обернулась, чтобы на прощание помахать ему рукой.

И тогда всепоглощающая любовь в его сердце сменилась такой же сильной ненавистью. Холодея от страха, он пожелал, чтобы его мать умерла.

И это произошло на самом деле, правда, гораздо позже, когда Оскару исполнилось четырнадцать. Одновременно с этим печальным событием воспитывающая его родственница слегла в больницу. Врачи сказали, что домой она больше не вернется. Мальчик остался сиротой без своего угла и прямо с похорон матери отправился в детский дом.

И тут ему впервые в жизни повезло. Закрытое престижное заведение было обязано ежегодно принимать на обучение нескольких сирот, которые воспитывались в тех же условиях, что и более чем обеспеченные сверстники. Оскар в шестнадцать лет попал в число избранных.

Но счастливее от этого не стал. Его беда заключалась не столько в том, что он был сиротой, сколько во внешности. После десяти лет он вдруг перестал расти. Это сейчас существуют препараты, стимулирующие рост. Они бешено дороги, но они есть, а в то время никто и понятия не имел о чем-то подобном. Оскар едва дотянул до полутора метров, лицо его оставалось таким же нежным и круглым, как в десять лет, разговаривал он писклявым тоненьким голоском. Само собой его отчаянно дразнили все кому ни лень, и он частенько плакал, забившись в пустую уборную.

Там же учились еще четверо юношей, которыми Оскар восхищался. Они были настоящими друзьями, кроме того, умными, красивыми, бойкими. От девиц у них не было отбоя, а об их проделках рассказывали легенды. Больше всего на свете Оскар мечтал о том, чтобы они приняли его в свою команду. Это была неосуществимая, невероятная мечта, но однажды он набрался смелости и предложил им свою дружбу.

Сначала ребята рассмеялись ему в лицо. Пристыженный, он собрался убраться в какой-нибудь темный угол, чтобы в одиночестве зализывать раны. Но один из юношей внезапно изменил решение. Он поманил Оскара пальцем и сказал:

– Хочешь дружить с нами?

Оскар яростно закивал головой.

– Заметано. Но вначале докажи, что ты этого достоин.

– Все, что угодно! – едва дыша от восторга, выдохнул Оскар.

– Договорились, – хитро улыбнулся парень. – Слабо залезть на

колокольню?

Сердце Оскара упало. Испытание казалось невыполнимым. Рядом с их общежитием восстанавливали старую церковь. В отсутствие рабочих ребята лазили по ней, как стая взбесившихся мышей, проникая во все щели. Но чтобы забраться на колокольню? На этот безрассудный поступок решился только один. Именно он стоял сейчас перед несчастным Оскаром и как ни в чем не бывало предлагал повторить свой «подвиг».

– Я залезу! – неожиданно услышал Оскар свой собственный голос. Ребята одобрительно загудели. Отступить было поздно.

К вечеру удалая четверка поджидала юного камикадзе во дворе. Слух о готовящемся зрелище облетел всех в мгновение ока, и студенты, от мала до велика, прилипли к окнам, выходящим на старую церковь.

Оскар на ватных ногах вошел в церковный двор и затравленно огляделся. Четыре пары глаз следили за ним, предвкушая предстоящий позор. Они думали, что сейчас этот коротышка начнет молить о пощаде и тут-то начнется самое веселье. Но Оскар неожиданно направился прямо к башне...

В него словно бес вселился. Стараясь не смотреть вниз, он карабкался все выше и выше. Ободранные в кровь пальцы цеплялись за малейшие выступы здания. Ветер трепал волосы, надувал парусом легкую рубашку, а он все лез вверх, к самому куполу.

Наконец ему удалось добраться до маленького помещения, где когда-то висел колокол, а теперь стояли ведра с краской.

– Эй, хватит! Слезай! – неожиданно раздался снизу чей-то испуганный голос. Оскар инстинктивно оглянулся, увидел далеко внизу крошечный пяточок двора и маленьких, как муравьи, ребят. Голова у него закружилась, пальцы разжались, и он полетел вниз...

Упав на землю, Оскар потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел столпившихся вокруг насмерть перепуганных друзей. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, в животе отчаянно жгло. Он немного приподнял голову и увидел, что прямо из его живота торчит блестящий металлический штырь. Его собственная кровь показалась ему удивительно красивой – она была алой и какой-то золотой. Оскар не знал, что, падая, опрокинул ведро с бронзовой краской. Этот прекрасный цвет был последним, что он запомнил.

Он не умер. Врачи назвали это чудом, и хотя колокольня была не слишком высокая, он запросто мог разбиться. Его спасла копна скошенной травы, сваленная во дворе, и маленький вес. Если бы он не напоролся на штырь, то вполне мог бы отделаться только парочкой переломов, а может

быть, обошлось бы и без этого.

Теперь же приговор врачей был суров. Ходить Оскар никогда не сможет. Нижняя часть тела оказалась парализована. Но юноша сделал важное открытие. Теперь он знает, чем будет заниматься, – он будет рисовать. Сочетание золотого и красного прочно засело у него в голове. Так он нашел свое призвание.

Он не выдал тех, по чьей вине стал инвалидом. На все вопросы отвечал, что полез на колокольню просто так, из любопытства. Ему не поверили, но копать особенно не старались. Чтобы замять эту историю, ректорат добился для юноши отдельной жилплощади, и он въехал в собственную однокомнатную квартиру.

Дальше были годы учений в художественном училище, поиск своего стиля и, наконец, признание. Все это время четверо друзей оказывали ему всяческую поддержку, стремясь искупить свою вину, хотя пути их разошлись.

– Вы, конечно, догадались, что юношей, подбившим меня на эту безумную выходку, был Александр Барсков? – печально закончил Клонов.

Анна и Герман молчали, пораженные.

Глава 25

Ночь Анна провела без сна. Она все думала и думала о том, что узнала о Барскове. Осуждала ли она его? Честно говоря – нет. Да, он совершал ошибки, но он же старался исправлять их. Станным образом в нем сочетались жестокость и сентиментальность, подлость и благородство. Анна просто не смела осуждать его, хотя и одобрить не могла.

Почему-то именно сейчас она особенно остро ощущала свою вину перед Барсковым за то, что так и не довела дело до конца. Тот, кто разделался с ним и его друзьями, действовал подло, исподтишка. Сейчас, когда она слышала кое-что из прошлого Александра Федоровича, она понимала, что вычислить убийцу практически невозможно. Сколько еще таких обиженных, как Клонов и Фрэнк, бродит по свету?

А что, если это кто-то из них? Фрэнк? Возможно, но ему и в самом деле было невыгодно убивать брата. Если уж ему недостаточно только денег и хотелось насладиться мезтью, то достаточно было поведать собственную историю, подтвержденную документально, парочке газет. И все. Барскову, как бизнесмену, пришел бы конец. Его имя трепали бы на всех углах, в него показывали бы пальцем. Чем не мезть?

Тогда Клонов? Ну, этот и подавно не подходит. Мало того, что инвалид, не умеющий и шагу ступить без посторонней помощи, так ведь и повода-то у него нет. Ну, или почти нет. Да, Барсков подбил его на поступок, который закончился трагически. Но ведь не заставлял же? И потом, совершив в юности подлость, Барсков десятки лет платил по счетам, причем в прямом и в переносном смысле.

Убедившись, что она топчется на одном месте, Анна решила на время оставить Барскова в покое. Сандре, этой глупенькой пустоголовой куколке, удалось разузнать что-то об убийстве мужа. Это что-то, несомненно, изобличало убийцу, иначе Сандра до сих пор была бы жива. Анна предполагала, что перед смертью Сандра встречалась с бывшей горничной. Возможно, та, присутствующая в доме в момент «самоубийства» хозяина, заметила нечто и решила поделиться сведениями с хозяйкой. Не за так, разумеется. Машеньку выгнали с треском с теплого места из-за пустячного проступка, и она, скорее всего, рассчитывала заслужить прощение хозяйки.

Едва за окном забрезжил серенький рассвет, Анна бросилась на половину прислуги, на кухню. Как она и предполагала, повариха уже суежилась у плиты. Из духовки тянуло вкусным запахом свежей выпечки.

Суровая холодность дома в этой части как будто отступила, здесь было тепло и по-домашнему уютно. Анна пожалела, что не заходила сюда раньше.

– Вы чегой-то поднялись в такую рань? – всполошилась кухарка. – Или кушать захотели? Хотите пирожок? Или яишенку поджарить?

– Нет, спасибо. Я только хотела спросить, не знаете ли вы, где живет Маша, бывшая горничная.

Кухарка, полная женщина со слегка отечным, но добрым лицом, поджала пухлые губы:

– Манька-то? Деревенская она, как и все мы. Городские в прислугах не уживаются. Спеси много. Хотя и Манька тоже с норовом. Все хочет выше своего носа прыгнуть. А зачем она тебе спонадобилась?

– Поговорить нужно, – весьма туманно ответила Аня.

– Ну, коли нужно, – развела руками женщина. – А я уж грешным делом подумала, пропало чего из хозяйского. Манька, правда, девка честная, чужого не возьмет, но чем черт не шутит, от обиды могла и...

Женщина внезапно спохватилась, что сказала лишнее и быстро продиктовала адрес. Оказалось, что Маша жила в том же поселке, где Дмитрий Чумаков приобрел дачу.

Анна заскочила к Герману и попросила разрешения воспользоваться машиной.

– Куда собралась? – поинтересовался он.

– В поселок. Хочу кое-что купить перед отъездом, – соврала Анна.

– Ты хочешь уехать и оставить меня на растерзание? А как же распоряжение милиции?

– Я не собираюсь его нарушать, – заявила Анна. – Но когда-нибудь они выяснят, что я тут ни при чем, вот тогда и уеду.

Получив ключи от машины, Анна отправилась в гараж. То, что ей придется воспользоваться «Ауди» Сандры, ее немного огорчило, так как напомнило, что хозяйка этой машины уже никогда не сядет за руль.

Улицу Маяковского она нашла сразу. Симпатичный деревянный домик под номером девять располагался в самом начале улицы. Калитка оказалась незапертой, Анна вошла в чисто выметенный двор, и сразу же к ее ногам с залиivistым лаем бросилась маленькая кудлатая собачонка.

– Привет, охрана, – улыбнулась Аня, потрепав псину по голове. – Где твоя хозяйка?

Собачка, будто и в самом деле понимая, о чем речь, плюхнулась на упитанный зад, повернула голову в сторону дома и коротко гавкнула.

Анна еще раз погладила ее и пошла к крыльцу.

На стук из глубины дома откликнулся звонкий голос Маши:

– Заходите, открыто!

Анна вошла, едва не споткнувшись о кучу всевозможной обуви, сваленной прямо возле двери. Рядом стоял таз с мыльной водой, в котором плавала оранжевая губка.

– Ой, Анна Владимировна! – пискнула Маша, выскочив из дверей большой комнаты. Анна не сразу узнала в этом бойком подростке в затертых стареньких джинсах и растянутой маечке всегда аккуратно одетую и гладко причесанную горничную. Надо сказать, так она выглядела намного привлекательнее, чем в строгой униформе.

– Вы ко мне? – Маша как будто удивилась, но вдруг ее осенило: – Вас, наверное, Сандра прислала? Насчет работы?

– Она приезжала к тебе позавчера? – ответила Аня вопросом на вопрос.

– Да, – протянула девушка и добавила расстроено. – Она что, передумала?

– Нет, Машенька. Я не от Сандры. Мне надо с тобой кое о чем поговорить. Можно, я пройду в комнату? Здесь как-то неудобно.

– Ой, конечно, проходите, – спохватилась девушка. – Вот сюда, в залу. Я тут решила обувь с осени убрать, вот и развела грязь.

Анна вошла в комнату, гордо именуемую «залой», и осмотрелась. Девушка, похоже, неплохо зарабатывала у Барсковых. В комнате было много новых вещей, в углу на специальной подставке возвышался довольно приличный телевизор. На полках тумбочки теснились видеокассеты, в основном – мелодрамы.

– Хотите чаю? – спросила Маша, усаживая гостью к столу.

– Давай, – согласно кивнула Аня.

Девушка быстро собрала на стол, достала печенье, несколько свежих эклеров и домашнее земляничное варенье с изумительным запахом. Чай из пакетиков в этом доме не пили, заваривали настоящий крупнолистовой, по всем правилам.

– Так Сандра не говорила, возьмет она меня обратно или нет? – грустно спросила девушка, разливая крепкий чай по чисто вымытым чашкам.

– Дело в том, Машенька, что Сандра умерла.

Девушка выронила ложечку, и та со звоном упала на пол.

– Как умерла? Почему?

– Ее убили прошлой ночью. Поэтому я и пришла к тебе.

– Но я ничего не знаю! – испуганно отшатнулась Маша. В глазах ее

заблестели слезы. – Честное слово, не знаю!

– Подожди, Машенька. Я объясню, в чем дело. Никто тебя ни в чем не обвиняет. Просто мне кажется, что вчера ты сказала Сандре что-то важное. И, думаю, это стало причиной ее смерти.

– Да ничего я ей не говорила! – чуть не плача, воскликнула та. – Мы и беседовали-то всего ничего, может, полчаса, и то вряд ли.

– Вот и расскажи, о чем вы беседовали, – попросила Аня. – Ведь зачем-то ты предварительно звонила ей?

– Вы и об этом знаете?

– Знаю, но не вижу в этом ничего подозрительного. Так о чем ты говорила с ней?

Маша шмыгнула носом, потом для верности высморкалась и сказала уже спокойнее:

– Правда, ни о чем таком серьезном. Я позвонила, чтобы попросить ее взять меня назад. Она сначала засмеялась и говорит: «Фрэнк тебя выгнал, с ним и разговаривай». А я расплакалась и стала говорить, что он меня неправильно выгнал. Я же не нарочно эти тарелки уронила. Я с утра чувствовала, что случится что-то ужасное. У меня иногда так бывает. Вот поэтому руки и дрожали. Когда он рявкнул на меня и за новыми тарелками умчался, я расплакалась и пошла во двор. Не хотела перед гостями с опухшими глазами появляться. Там и сидела до тех пор, пока в доме крик не поднялся. Но я еще раньше поняла, что-то случится!

– Почему?

– Знамение было.

– Какое еще знамение?

– Колокол зазвонил. У Барсковых почти никогда колокольный звон из церкви не слышно, одно слово – проклятое место, а тут вдруг как вдарит. Я аж подпрыгнула. И так жутко мне стало.

Анна вспомнила, что в тот день, услышав колокольный перезвон, ей тоже сделалось жутко.

– А после в доме как заорут. Оказывается, хозяин застрелился.

Анна сидела как громом пораженная. Неожиданно все стало на свои места. У нее в голове громко стучали стальные молоточки, дыхание перехватило.

– Маша, ты ничего не путаешь? Сначала был колокольный звон, а потом крики из дома?

– Анна Владимировна, я же не блаженная. Ничего я не путаю. Сначала колокол как знамение, а потом уже крики.

– И много времени прошло от одного до другого?

– Минут десять, наверное. Я на часы не смотрела.

Анна не верила своим ушам. Она четко помнила, что свидетель, посмотревший на часы в гостиной, сказал, что выстрел прозвучал без десяти четыре. Но колокол звонит всегда ровно в шестнадцать ноль-ноль! И тот день не был исключением.

– Маша, ты только что разрушила железное алиби, – серьезно проговорила Анна. Она готова была расцеловать ничего не понимающую девчонку.

Она говорила чистую правду. Только у одного человека алиби строилось на времени. Только один человек заводил в гостиной часы с бриллиантовой стрелкой. Только один человек в доме прекрасно знал о наличии тайного хода в оранжерею! И человек этот – Фрэнк, он же Михаил Федорович Барсков, если это его заявление не очередная ложь!

Он обеспечил себе стопроцентное алиби, переведя стрелки единственных на первом этаже часов на двадцать минут назад. Показания продавцов из магазина посуды должны были это подтвердить – Фрэнк никак не мог оказаться в доме во время совершения преступления. А на самом деле – он там был! У него был и сообщник. Тот, кто входил в кабинет под видом Барскова. Но это можно выяснить. Главное, причастность Фрэнка к преступлению почти доказана. Он же разделался и с Сандрой. Дурочка, услышав от пытающейся оправдаться горничной про колокол, едва не одурела от счастья! Как же, второй наследник оказался убийцей, и у нее в руках доказательства. Жадность ослепила ее, она, не долго думая, выложила Фрэнку все, что знает, и потребовала вернуть наследство в обмен на молчание. И тут она просчиталась. Фрэнк не меньше ее хотел стать богатым и попросту избавился от опасной свидетельницы. Еще немного, и он добрался бы до Маши. Она стала бы следующей жертвой.

Единственное, чего Анна не могла понять, это как он мог рассчитывать на то, что девушка уронит сервиз и у него появится повод удалиться из дома в нужное время.

Но Маша тут же развеяла ее сомнения.

– Так я же и говорю, он сам виноват, а меня выгнал в три шеи, – воскликнула она, когда Анна спросила ее об этом. – Он же сам налетел на меня в коридоре. А у меня руки дрожали от волнения, тарелки и посыпались!

Вот и все! Теперь немедленно назад. У Фрэнка железные нервы, но долго он не выдержит. Попытается убраться от греха подальше. Только бы успеть.

Анна поднялась и поспешно направилась к выходу.

– Анна Владимировна, так меня теперь точно не возьмут обратно? – помявшись, спросила Маша напоследок.

– Ты знаешь, я поговорю с Германом. Сдается мне, что он станет-таки наследником своего отца и согласится принять тебя обратно.

– Вы правду говорите? – засияла Маша.

– Честное слово.

– Тогда вот что. Помните, вы мне рассказывали о призраках?

– Да, конечно.

– Вы, наверное, этим интересуетесь. Я давно хотела вам сказать: на болотах живет слепая Глафира-отшельница. Люди говорят – она ведьма. Не знаю, может, и так, только плохого она никому не делала. Вы сходите к ней, если интересуетесь. Она о призраках все знает. А если пускать не станет, скажите – от Маши. Она меня в детстве от смерти спасла. Небось вспомнит.

– А как я ее найду?

– Там через болота тропинка есть. Она одна. Люди натоптали. Они к Глафире часто ходят. Она все болячки лечить умеет. Вот по ней пойдете и упретесь в ее избушку. Только в сторону с тропинки не сходите, утопнете.

Анна поблагодарила Машу. Она понимала, что девушка хотела ей угодить. Но сейчас все ее мысли были заняты тем, чтобы успеть домой до того, как Фрэнк исчезнет в неизвестном направлении.

В особняк она неслась как на крыльях и все же едва не опоздала. Она как раз подъезжала к дому, когда от него отъехал другой автомобиль, за рулем которого сидел Фрэнк. Она посигналила и помахала рукой, прося его притормозить, но у Фрэнка, видимо, все же сдали нервы. Вместо того чтобы остановить машину, он нажал на газ и понесся вперед.

Он надеялся, что Анна испугается и свернет с дороги, но оказался прав ровно наполовину. Анна действительно здорово испугалась, но не свернула. Вцепившись в руль изо всех сил, она неслась вперед. В последний момент она все же крутанула баранку влево, однако скорее в этом был повинен не точный расчет, а инстинкт самосохранения. Но было поздно. Раздался адский грохот, ослепительный свет ударил в глаза, когда две машины со скрежетом и лязгом врезались друг в друга.

Анна оказалась в железном капкане, притиснутая рулем к спинке сиденья. Мотор въехал в салон, вздыбив пол. Анна охнула и отключилась.

– Аня, ты меня слышишь меня, Аня!
Чей-то зов отдавался в ушах Анны, причиняя боль.
– Где он? – пробормотала она, не открывая глаз.
Герман засмеялся с явным облегчением.
– Ну ты уникам! – восхищенно пропел он.
– А в чем дело? – Аня подняла тяжелые веки и посмотрела на его перепачканное грязью лицо. Она каким-то образом очутилась в доме, в гостиной, на белом кожаном диване.
– На твоём месте я интересовался бы только одним: на месте ли руки и ноги?
– А что, они не на месте? – Анна приподняла одну руку и внимательно посмотрела на нее, затем попробовала пошевелить ногой и в заключение снова вопросительно посмотрела на Германа. Он только покачал головой:
– После такого каскадерского трюка ты должна была расплющиться в лепешку, а у тебя только шок, пара ссадин, ну и легкий вывих.
– Так это же хорошо. Где он? Сбежал?
– Как же. Куда он денется. Если сможешь немного приподняться и повернуть голову вправо, то увидишь нашего дорогого Фрэнка. Он немного помят и крепко связан, но достаточно бодр и вполне узнаваем.
– Грязный мерзавец, – раздалось откуда-то снизу злобное шипение.
– Ну, я же говорил, – пожал плечами Герман. – Он вполне в форме. Кстати, а почему ты набросилась на моего новоявленного дядю как разъяренная фурия?
– Это он убил Сандру и твоего отца.
– Что?! Ах ты, гнида. Ну все! – Герман вскочил на ноги, в три прыжка преодолел расстояние до того угла, где, скорчившись на полу, сидел Фрэнк, сверкая злобными глазами, и рывком поднял того на ноги.
– Отпусти меня, ублюдок! – выплюнул мужчина, растеряв весь свой лоск и вышколенные манеры. – Неужели ты ей веришь? Она же сумасшедшая!
– А вот мы сейчас посмотрим, кто тут не в себе, – угрожающе прорычал Герман и с размаху ударил Фрэнка по лицу. Голова его дяди мотнулась в сторону, он слабо вскрикнул.
– Отпусти его, – брезгливо морщась, посоветовала Анна. – Не стоит пачкать руки.
Фрэнк слизнул с разбитой губы кровь и посмотрел на девушку с такой ненавистью, что та отшатнулась. Слова, которыми он обозвал ее, могли оскорбить самого выдержанного человека, но Анна не обиделась, на этот раз у него были к тому основания. У Германа оказались более слабые

нервы, он отвесил Фрэнку еще одну затрещину и швырнул его обратно на пол.

– Говори, Анна, что ты узнала? – спросил Герман. Затем он повернулся в сторону Фрэнка и предупредил: – А ты, если еще раз откроешь пасть без разрешения, останешься без языка. Итак, Анна, я слушаю.

Глава 26

Аня поднялась, села на диване таким образом, чтобы видеть Фрэнка, и сказала:

– Сандру он убил сгоряча. Она узнала то же, что и я, но решила воспользоваться этим для того, чтобы заставить его, – она ткнула пальцем в сторону Фрэнка, – отказаться от наследства в обмен на ее молчание. Не знаю, как бы она поступила, получив заветное заявление. Возможно, действительно скрыла бы известные ей факты, а может быть, заложила бы ставшего ненужным партнера с потрохами. Главное, что Фрэнк не собирался рисковать. Кроме того, он мечтал об этих деньгах долгие годы и не мог расстаться с богатством, которое практически уже было у него в руках. Поэтому глупенькая, самонадеянная Сандра рассталась с жизнью.

– Но что же она могла узнать? Она нашла свидетеля?

– Вот именно. Свидетеля, который в два счета мог разрушить алиби Фрэнка, не имея понятия о такой возможности. Фрэнк все рассчитал очень точно. Никому бы не пришло в голову заподозрить его. Единственное, чего он не учел, – это то, что погода в тот день будет ясная и колокольный звон укажет точное время. Досадное недоразумение, ведь единственные на первом этаже часы были предусмотрительно переведены на двадцать минут назад!

– Подожди-ка, я что-то не помню, чтобы звонил колокол, хотя погода и в самом деле была ясная, – озадаченно проговорил Герман.

– Все правильно. Вспомни, как все происходило? В доме орала музыка, несколько десятков гостей разговаривали в полный голос, кроме того, окна и двери были плотно закрыты – на улице холод. Но одна девушка, на которую Фрэнк накричал из-за разбитой посуды, расплакалась и вышла в сад, чтобы немного успокоиться. Она слышала звон колокола, хотя и не придавала этому значения. Но когда она стала рассказывать об этом мне, то вспомнила, что колокол зазвонил раньше, чем раздался выстрел. Выстрел прозвучал без десяти четыре, а колокол всегда звонит ровно в шестнадцать часов. Теперь ясно?

– Более чем... – кивнул Герман. – Значит, он же расправился и с друзьями отца. Вот сволочь!

– Нет! – визгливо выкрикнул Фрэнк. – Я никого не убивал, ни твоего отца, ни этих самодовольных уродов!

– Тогда расскажи, как все было на самом деле! – потребовал Герман.

– Развяжите меня. Или я ничего не скажу.

– Анна, развяжи его, – неожиданно легко согласился парень. Анна с недоумением покосилась в его сторону, но послушно подошла к связанному и принялась распутывать веревки.

Как только руки у Фрэнка оказались свободны, он отшвырнул от себя девушку и опрометью бросился к ближайшему окну.

– Держи его! – закричала Анна.

Фрэнк уже вскочил на подоконник, когда раздался громкий хлопок, беглец вскрикнул и схватился за лодыжку. Сквозь его пальцы брызнула кровь.

Анна посмотрела на Германа. Тот спокойно стоял посреди комнаты, в руках у него был пистолет, нацеленный прямо в живот Фрэнку.

– Ну что, хочешь попробовать еще раз? – спросил он. – Валяй. Только я больше не буду стрелять по ногам. Мне суд не нужен. Ты лишил меня отца, которого я любил, несмотря ни на что. Поэтому я буду вполне доволен, если пристрелю тебя прямо сейчас, как собаку. Выбирай.

Фрэнк очень хотел жить. Он слез с подоконника и, прихрамывая, поплелся обратно. Он весь как-то сник, сгорбился и словно состарился в одно мгновение на десяток лет. Сейчас он выглядел глубоким стариком, а не подтянутым мужчиной средних лет, как раньше.

– Теперь рассказывай, – потребовал Герман, когда Фрэнк тяжело опустился на стул.

– Я не убивал твоего отца. И других тоже. Да, я хотел его смерти, но вовсе не из-за денег, как считает эта идиотка.

Снова раздался выстрел. На этот раз пуля разнесла в щепки ножку стула, на котором сидел Фрэнк.

– Выбирай выражения. Я очень сильно нервничаю и в следующий раз могу промахнуться. Оставь при себе свое мнение об Анне и излагай по существу.

– Деньги ни при чем, – выдавил Фрэнк, затравленно косясь на пистолет, – за годы, которые прошли с тех пор, как мне удалось вспомнить, кто я такой, я скопил достаточно, чтобы прожить до старости, не зная материальных проблем.

– Попросту – украл. Не скромничай, называй вещи своими именами, – язвительно вставил Герман.

– Украл? Возможно. А разве мой брат не обокрал меня? Он украл у меня больше чем состояние. Он украл мою жизнь! И за это я его ненавижу. Мне невыносимо было видеть, как он живет в свое удовольствие, уважаемый и удачливый, окруженный друзьями, рядом с красивой,

молодой женой.

– Нашел, чему завидовать, – вновь не удержался Герман. – Сандра была дрянью. И отец очень быстро раскусил ее мелочную натуру.

– Сандра была дешевкой, и я признаю, что прикончил ее. Эта жадная маленькая дрянь решила шантажировать меня. Но других я не убивал. Даже твоего отца. Я должен был только перенести его труп из оранжереи в кабинет.

Он говорил об ужасных вещах так спокойно, буднично, как будто это были ничего не значащие подробности. Анну возмутил такой цинизм.

– Остальные гадости в доме тоже ваших рук дело? – угрюмо спросила она.

– Ах, это? – расплылся в улыбке Фрэнк. – Ну конечно. Зарезанная собачка, пожар, кровавая надпись на стене. – Он как будто гордился собой, вспоминая о своих мерзких выходках. – Вы даже представить себе не можете, какое удовольствие было наблюдать за тем, как у Александра сереет физиономия и дрожат поджилки. «Фрэнк, это мистика, этот дом проклят!» – передразнил он и хихикнул. – А я в это время кивал с сочувственным видом и еле сдерживался от смеха.

Он внезапно осекся, встретившись со взглядом Германа, сверкающим от ярости.

– Ладно, оставим подробности, все более-менее ясно. Теперь настал черед самого главного – кто же совершил все эти убийства?

В комнате повисла тишина. Фрэнк точно внезапно опомнился. От его наигранной веселости не осталось и следа. Лицо его стало бледным, губы задрожали, в глазах металась паника.

– Так кто убил всех этих людей? – подстегнул его Герман, покачивая пистолетом.

– А вот этого я вам не скажу, – выдавил Фрэнк, с вызовом глядя на своих мучителей.

– В самом деле? – поднял брови Герман и взвел курок.

– Стреляй, – усмехнулся Фрэнк. – Можешь мне поверить, умереть от пули – счастье по сравнению с тем, что может сделать этот человек. Вы думаете, он оставит вас в покое? Ошибаетесь. Он обязательно разделается с вами. Особенно с этой сучкой, которая все испортила, – он злорадно посмотрел в сторону Анны. – Гарантирую, твоя смерть будет ужасной.

– Это мы еще посмотрим, – рявкнул Герман. – Наша смерть – впереди, а твоя – вот она, рядом. И не надейся, что я застрелю тебя с первого раза.

Герман шагнул к Фрэнку, прицелился ему в руку. Палец, лежащий на курке, пришел в движение. Но прежде чем раздался выстрел, Фрэнк

завизжал:

– Нет! Оставьте меня в покое! Он не простит. Он... О, господи, что это? Нет! Не надо! Я не сказал им!

Фрэнк, вытаращив глаза, словно обезумевший, смотрел куда-то в угол, Герман и Анна одновременно обернулись, но ничего не увидели. Фрэнк захрипел, изо рта у него пошла пена.

Дальше начался настоящий кошмар. Внезапно во всех окнах лопнули стекла, звон бьющегося стекла заглушил душераздирающие вопли Фрэнка. Стены задрожали. Как спелые груши со стен посыпались картины. В комнату с воем ворвался ледяной ветер вперемешку с туманом. Тяжелые портьеры взвились к потолку, хлопая и трепеща, точно стая зловещих птиц.

Анна, еле держась на ногах под порывами ветра, вцепилась в спинку кресла.

– Что происходит?! – перекрикивая ужасный шум, вопил Герман.

– Не знаю!

– Это он! – хрипел Фрэнк.

В комнате кружил настоящий вихрь. Точно чья-то злобная рука подхватывала предметы и в ярости швыряла их в стены. Прямо в лицо Анне со свистом несся сверкающий осколок стекла. Она уклонилась в последнюю секунду, но он все же оцарапал ей щеку и рассыпался в пыль, ударившись о стену за ее спиной.

– Боже мой! Что с ним? – в ужасе закричала Анна, показывая на Фрэнка. Тот по-прежнему был в центре комнаты. Он вскочил со стула, но его ноги точно приросли к полу. Обезумевшие глаза полезли из орбит, словно кто-то выдавливал их наружу. Это продолжалось до тех пор, пока они не лопнули, мутноватая жидкость вперемешку с кровью брызнула во все стороны.

– Не-е-ет! – Анна завизжала, отворачивая лицо. Но ужас не прекращался.

Голова Фрэнка с разинутым в беззвучном крике ртом начала медленно поворачиваться вокруг своей оси. Девяносто градусов, сто, сто восемьдесят. Раздался хруст шейных позвонков, но голова продолжала вращение до тех пор, пока не вернулась в прежнее положение, уставившись на Анну кровавыми провалами глаз. Кожа на шее натянулась и лопнула, обнажая мышцы.

Анна визжала, не переставая.

Фрэнк давно был мертв, но продолжал стоять на ногах. Его руки сами по себе начали выкручиваться. Еще. Еще. Они напоминали мокрое белье, выжимаемое крепкими руками прачки. Трещали кости, хлюпала кровь и

лопались жилы, а они все выворачивались.

Внезапно, в одно мгновение все прекратилось, как будто нажали кнопку «стоп». Бешено носящиеся по комнате предметы попадали на пол, занавески безжизненно обвисли. Изуродованное тело Фрэнка покачнулось и рухнуло навзничь, тяжело ударившись о пол.

Лампочка под потолком замигала, и свет погас.

Стало так тихо, что Анна отчетливо слышала учащенное дыхание Германа.

– Анна, ты здесь? – раздался его голос.

– Да. Ты в порядке?

– Если не считать, что у меня определенно едет крыша от того, что я сейчас увидел, то да. Слушай, нам это не привиделось?

– Вряд ли. Массовых галлюцинаций не бывает. Что с Фрэнком? Ты видишь его?

– Нет. Зато чувствую, как он воняет. С ним все кончено.

– Что будем делать?

– Уж точно не станем предъявлять тело милиции, – Анна почувствовала, что Герман усмехается. – Никто просто глазам своим не поверит, увидев такое. Его выжали как мокрую тряпку. Ты у нас специалист. Что это было?

– Не знаю. Наверное, я плохой специалист.

– Не скромничай.

Лампочки снова замигали, и свет медленно зажегся вновь.

– Аварийное освещение включилось, – констатировал Герман. Бледный, он стоял в двух шагах от Анны, которая в изнеможении облокотилась на кресло, и с ужасом разглядывал почти полностью разрушенную гостиную.

Прямо посередине, в луже крови, лежал Фрэнк.

– Надо убрать тело из дома, – почесав затылок, неуверенно предложил Герман.

Анна кивнула.

– Я принесу из своей комнаты покрывало. Оно должно подойти, – сказала она и, пошатываясь, вышла из гостиной, несколько минут назад представлявшей из себя верх элегантности, а теперь напоминающей зрелище после бомбежки.

Она вернулась через десять минут, еще более бледная и взъерошенная. Под мышкой она сжимала скомканное покрывало, а в руке держала... газету.

Герман уставился на нее, не скрывая удивления.

– Ты что, решила почитать мне свежие новости? – буркнул он, начиная всерьез беспокоиться о ее душевном здоровье.

– Я знаю, кто все это устроил, – деревянным голосом произнесла она. В глазах ее был ужас.

– Подожди, успокойся, – попробовал вразумить ее Герман. Он подошел к ней, ласково обнял за плечи и усадил на диван. – Как ты могла узнать это за несколько минут?

– Вот отсюда, – ответила она, тыча ему в нос газету. – Смотри же. Я была круглой душой, все ясно как божий день!

Герман послушно взял из ее рук газету и мельком взглянул на первую полосу.

– Так она же недельной давности, – протянул он и вновь с тревогой посмотрел на девушку. – Может, водички?

– Нет. Ну как ты не понимаешь! – начала горячиться Аня. – В том-то и дело, что это старая газета. Она лежала у меня на тумбочке все время, и у меня не хватило ума заглянуть в нее! Вот, да посмотри же.

Она ткнула пальцем в большой снимок, на котором был изображен кабинет директора гостиницы «Парусник» и его мертвый хозяин с простреленной головой.

– Ну, и где же тут убийца? – продолжал недоумевать Герман, пялясь на снимок без особого энтузиазма.

– Ладно. Потом объясню, – внезапно вскочила Анна. – Надо торопиться. После того, что он устроил, у него почти не осталось сил. Ему нужно время, чтобы восстановиться. Сейчас мы сможем справиться с ним, если успеем. Бежим.

– Куда? Кто убийца?

– Да Клонов же!!!

– Опомнись, Анна, этот убогий карлик – убийца? Да его же соплей перешибешь!

– Ага. Как же. Он не просто убийца. Он колдун. И физическая сила тут ни при чем. Видел, что здесь творилось? Вот то-то.

Через несколько минут они уже неслись по направлению к дому Клонова. Машина подпрыгивала на ухабах, ее то и дело заносило, но они благополучно добрались до цели.

Темная громада трехэтажного здания, погруженного во тьму, стояла перед ними. Анна впервые увидела жилище художника и поразились тому, насколько зловеще оно выглядело. Впрочем, она была так испугана, что шарахнулась бы даже от безобидного котенка, некстати вздумавшего перебежать ей дорогу.

Ни одно окно во всем доме не горело. Погашены были даже фонари над крыльцом.

– Ну? – спросил Герман. – Что будем делать дальше?

– В темноте он нас поймает в два счета, – задумчиво проговорила Анна. – Нужен свет.

– Плевое дело. У меня в багажнике фонарик. А оружие при мне.

– Оно тебе не поможет. Против него пуля бессильна. Хотя все может пригодиться. Бери фонарик, и пошли.

Они поднялись на темное крыльцо, стараясь, чтобы разохшиеся доски не скрипели под ногами. Анна шла первой. Она сама настояла на этом. Она знала, какова сила их невидимого противника. Знала, что победить его вряд ли сумеет. Но вот остановить – может попробовать. А там – как фишка ляжет.

Входная дверь неожиданно оказалась открытой.

– Похоже, нас здесь ждали, – присвистнул Герман.

Анна толкнула дверь и вошла.

Послышался слабый щелчок, на полу заплясал круг света. Герман зажег фонарик. Но освещение было явно недостаточным.

– Что, помощнее не было? – шепотом спросила Анна.

– Извини, какой уж есть.

Друг за другом они двигались вперед по широкому длинному коридору. Справа и слева были двери, ведущие в комнаты. Луч фонаря скользил по стенам, выхватывая из темноты то пузатый старинный комод, то деревянное кресло с высокой спинкой, то многочисленные картины на стенах.

Где-то легонько стукнул ставень, пробежавший сквозняк шевельнул парчовые шторы. Анна замерла и выжидающе уставилась на дверь в глубине коридора. Но в доме как будто не было ни единой живой души.

Они осторожно пошли дальше, заглядывая во все комнаты, встречающиеся им на пути. Наконец луч уперся в начало лестницы, ведущей вверх. Они поднялись по ней. Анна заметила на стене выключатель и несколько раз пощелкала им. Никакого эффекта. Свет на втором этаже не включался. Впрочем, так же, как и на первом.

Второй этаж был обставлен с той же роскошью, что и первый. «Всему, чем он владеет, – неприязненно подумала Анна, – самое место в Эрмитаже».

В комнатах было чисто. Тут и там стояли букеты, Анна обратила внимание, что цветы в вазах в точности повторяют те, что были вытканы на гобеленах, покрывающих стены в парчовых виньетках. У Клонова должно

было быть немало прислуги, хотя непонятно, куда они все подевались в настоящий момент.

Здесь они также никого не обнаружили и поднялись на третий этаж. Четыре первых комнаты были пусты, зато в пятой их ждал сюрприз: на полу валялось опрокинутое инвалидное кресло.

– Вот черт! Сбежал! – выругался Герман.

В эту минуту Анна заметила сантиметрах в тридцати от пола висящие в воздухе ботинки. Они были настолько малы, что напоминали детскую обувь, подвешенную ради прикола к потолку. Разница была в том, что эти оказались надеты на маленькие ножки.

– Посвети выше, – хрипло велела Анна. Герман выполнил ее просьбу и снова выругался.

И было от чего. На спускающейся с потолка длинной веревке висел Клонов. Его голова была наклонена к плечу, и казалось, что он с любопытством разглядывает перепуганных непрошенных гостей.

Он был мертв.

Анна поймала себя на том, что испытывает разочарование, глядя в широко раскрытые, мертвые глаза карлика. И еще – острое чувство тревоги, вместо ожидаемого облегчения.

Она постаралась отогнать от себя это странное чувство. Главное, поскорее выбраться из страшного дома и забыть о нем навсегда.

Глава 27

– Может, объяснишь наконец, как тебе это удалось? – допытывался Герман.

Они сидели в уютном кафе и с наслаждением поедали мясо, тушеное в горшочке.

Кафе называлось «У камина». Камин действительно занимал центральное место в интерьере: огромный, закопченный, стилизованный под старинный очаг. Такие наверняка встречались в парижских харчевнях во времена мушкетеров. В довершение сходства над огнем медленно поворачивался гигантский вертел, а на нем, как и полагается, жарилась целая туша кабана. Поджаренное, с дымком, мясо распространяло аппетитнейший запах, который чувствовался даже на улице.

Хозяева кафе вообще оказались весьма изобретательными людьми. Они не стали тратить кучу денег на дорогие отделочные материалы, вместо этого они, наоборот, скололи всю штукатурку со стен. Под ней обнаружилась старинная кладка из красного кирпича. Добавив немного дерева и разместив на стенах многочисленные светильники, похожие на самодельные, владельцы сумели создать неповторимый, очень оригинальный и уютный интерьер.

Картину довершали круглые, разумеется, деревянные столики, покрытые чистейшими скатертями в красно-белую клетку, и такие же деревянные стулья. В сочетании с великолепной кухней это местечко быстро стало местной достопримечательностью.

То, что Анна и Герман очутились здесь в этот вечер, объяснялось не только их желанием познакомиться с фирменным блюдом местного шеф-повара.

Дело в том, что прислуга Барсковых разбежалась сразу же после того, как Анна врезалась во дворе в автомобиль Фрэнка. Люди не захотели больше оставаться в доме, где то и дело происходит что-то страшное. С одной стороны, это оказалось весьма кстати, так как в противном случае было бы трудно объяснить слугам появление в развороченной гостиной изувеченного трупа бывшего управляющего.

Но вот готовить еду было некому. Анна предложила соорудить что-нибудь на скорую руку, но Герман запротестовал и пригласил ее поужинать в кафе. Ему не терпелось узнать разгадку запутанного преступления, и теперь он не сводил с нее настойчивых глаз, позабыв даже про голод.

– Анна, не томи, – взмолился он. – Ты обещала назвать мне имя убийцы моего отца.

Анна прожевала кусок сочного, тающего во рту мяса и полезла в свою сумочку. Когда она извлекла на свет все ту же газету, Герман только застонал.

Анна, не обращая внимания на его конвульсии, аккуратно развернула изрядно помятый листок бумаги и разложила его на столе.

– Все дело в этом снимке, – начала она. – Понимаешь, горничная из «Парусника», некая Аллочка, сказала своей матери, что видела хозяина гостиницы на лестнице уже после того, как обнаружила его мертвым в кабинете. Такого, по логике вещей, быть не могло, и она в конце концов решила, что перепутала последовательность событий. Но дело в том, что я тоже видела его в ту ночь, когда металась в дыму по своему этажу. Но и я также не была уверена, что это было уже после того, как он умер. Здесь, на снимке, видны большие напольные часы. Стрелки показывают время: полночь. Ну, пусть будет двенадцать часов. Но часы остановились. Во-первых, в статье корреспондент пишет, что ему удалось прорваться в гостиницу только после двух. До этого времени его мучили со всякими формальными бумажками, чем он был возмущен до глубины души. После двух! А на часах – двенадцать. Кроме того, стекло на них разбито, и это также говорит о возможной неисправности механизма.

– Ну, допустим, ты убедилась, что видела двойника Хвороста уже после того, как сам он умер, – скептически хмыкнул Герман. – И что это дает? Какая связь с Клоновым?

– Да самая прямая. В этом деле постоянно встречаются двойники. В каждом из четырех случаев видели кого-то очень похожего на самих убитых. Не догадываешься, откуда они все взялись? Такие разные и так похожие на оригиналы?

Она выжидательно уставилась на Германа, но тот затряс головой и поднял кверху руки.

– Ладно. Даю еще одну подсказку. Та девушка, Аллочка, погибла очень странной смертью – разбилась в неуправляемой машине...

– Что же тут странного? – перебил ее Герман.

– Да погоди ты. Девушка не просто не умела водить машину, а панически боялась любого транспорта! Фобия у нее была такая, ясно? Так вот. Теперь, когда ты собственными глазами видел, что Клонов проделал с Фрэнком, ты не станешь пытаться запихнуть меня в дурдом, если я скажу тебе, что Оскар Егорович – настолько сильный маг, что был способен вызвать органическую жизнь в любом предмете. Даже неодушевленном.

Теперь еще раз посмотри на снимок и ответь мне – откуда брались двойники?

Герман более внимательно присмотрелся к фотографии и прошептал изумленно, точно не веря самому себе:

– Портрет?

– Гениально! Именно портрет! Живопись, особенно талантливая, явление само по себе граничащее с мистикой. Иногда, к счастью, нечасто, гениальный мастер, написав портрет, может тем самым убить свою модель, хотя у него самого и в мыслях нет ничего плохого. Взять хотя бы великого Рембрандта. «Данаю» видел?

– Ты что, меня совсем за малограмотного держишь? Видел, конечно, – обиделся Герман.

– Ну так вот. Для этого полотна, так же как и для некоторых других его великих творений, позировала его собственная жена Саския. Она умерла молодой. Что-то около тридцати. Но это еще не все. Он написал портреты своих детей. И что же? Четверо скончались совсем крошками, а последний едва дотянул до двадцати семи. Или Гойя. Его «Маха» тоже шедевр. Говорят, что герцогиня Альба в жизни была не менее прекрасна. И что же? Умерла молодой, спустя три года после знакомства с Гойей.

– Знаю. Кажется, даже кино недавно сняли про эту историю. Только там говорилось что-то о ядовитых красках.

– Краски тут ни при чем. Да ладно. Вернемся к Клонову. Он пошел еще дальше. Понятия не имею, где он раздобыл заклинание по одушевлению, но суть не в этом. Он знал, как этого добиться, и решил воспользоваться своим знанием, чтобы разделаться с теми, кого ненавидел.

– Но он же говорил, что не держал на них зла.

– И не врал, между прочим. Сам посуди: набедокурившие в юности дружки много лет замаливали грехи, помогая Клонову всеми возможными способами. И он простил их. Нет, не простил, но, скажем так, не собирался мстить. Живые и здоровые они были ему полезнее. Все изменилось в тот день, когда он впервые увидел Сандру.

– Сандру?

– А чему ты удивляешься? Между прочим, девушка была очень даже хороша. Даром что дурочка и мотовка. Вспомни, твой отец, встретив ее, тоже потерял голову, да и тебе она очень даже нравилась...

– Перестань. Я прекрасно знал ей цену и пользовался только как подстилкой.

– Красивой подстилкой, смею заметить. Ну так вот, Сандра действовала на мужиков завораживающе. Стоит ли удивляться, что

несчастный уродец, которого женщины допускали к телу только из жалости или за большие деньги, увидев ее, потерял голову? Вот в этот момент все и изменилось. Клонов точно заново пережил все свои унижения. У его соперника, твоего отца, было все – богатство, мужественная внешность, верные друзья, и, главное, у него была красавица Сандра. Не знаю уж, как он собирался поладить с ней после того, как избавится от ее мужа, но видеть их вместе ему было невыносимо. Кстати, сама Сандра весьма благоволила к художнику, и, вполне может статься, ему даже удалось бы добиться ее благосклонности. Он ведь был очень богат, а Сандра мыслила только цифрами. Задумав план, Клонов стал искать сообщников в доме Барскова. Его самого Александр Федорович избегал. Но тут негодяю повезло. Он разговорил Фрэнка и узнал, что у того есть веский повод ненавидеть своего хозяина, то есть родного брата. Фрэнк пользовался полным доверием твоего отца, так как до своего «прозрения» много лет служил ему верой и правдой, поэтому управляющему не составляло труда узнавать нужную информацию. Так, например, он успел вовремя сообщить своему сообщнику, что Глеб Кутько собирается срочно продать дом и перебраться в Москву, оказавшись вне их досягаемости. Также он заранее предупредил Клонова об очередном визите Димы Чумакова с подружкой Жанной. И так далее. Разумеется, о моем появлении Клонов узнал моментально и специально караулил меня поблизости, желая оценить, насколько я для него опасна.

Помимо самих убийств, сообщники развлекались тем, что запугивали твоего отца, устраивая в доме мерзкие пародии на расправу над его друзьями. Это было особенно жестоко.

Что же касается самих преступлений, то Клонов заранее, задолго до намечающихся событий подарил каждому из друзей портреты, написанные в очень реалистичной манере. Те, разумеется, с благодарностью приняли подарок, не зная, что тем самым подписали себе смертный приговор. Исключение составил опять-таки твой отец. Он не желал иметь с Клоновым ничего общего и не принял бы подарка. У Клонова оставался один выход – использовать Сандру, на которую он имел большое влияние.

– Она знала, что это за портрет?

– Нет, конечно. Понятия не имела. Просто Клонов убедил ее, что это отличный подарок, и она с радостью поддержала эту идею. Тем более что это не стоило ей ни копейки, – с усмешкой добавила Анна. – Уверена, что Александр Федорович выбросил бы картину на следующий же день после юбилея. Клонов знал это и понимал, что придется действовать быстро. Он объяснил Фрэнку, как создать алиби и где будет тело, и в точно

рассчитанное время осуществил задуманное.

– Но как отец оказался в оранжерее?

– Ты знаешь, твой отец был очень сильным человеком. Я имею в виду его волю и сознание. Такие почти неподвластны гипнозу, и колдунам с ними нелегко. Единственное, что смог сделать Клонов, это заставить Александра Федоровича подняться в оранжерею в нужное время. А там его уже поджидал... он сам, иными словами, двойник из картины.

– Фантом смог открыть дверь тайного хода?

– Это трудно понять, но попробуй: фантом, как ты выразился, так же реален, как ты и я. Он не только может открыть дверь, но и выстрелить из пистолета, что он и проделал. В то же время он способен пройти сквозь стену, так как не имеет жесткой структуры. И еще – фантом полностью подчиняется своему создателю. В нашем случае – Клонову. По его приказу он проник в оранжерею, застрелил ничего не подозревающего твоего отца и как ни в чем не бывало спустился вниз. При этом он прошел мимо множества людей, прекрасно знавших Александра Федоровича, не вызвав и тени подозрения. Единственное, чего он не может делать, – это разговаривать. То есть голос у него есть, но этот голос не имеет ничего общего с человеческим. Обман сразу бы раскрылся. Вот почему лже-Барсков не откликнулся на чей-то вопрос. Он молча вошел в кабинет и вернулся на свое место – в раму. Остальное сделал Фрэнк. Перетащил тело, выстрелил в стену – я, кстати, так и не нашла след от пули, но он обязательно есть, – и бегом бросился обратно в оранжерею, а чуть погодя вошел уже с главного входа. Если бы не Маша – у них бы все получилось.

– Да, жуткая история. Бедный отец. Не могу себе простить, что не верил ему, – Герман с силой сжал руку в кулак.

Анна протянула свою и накрыла его стиснутые пальцы своей ладошкой.

– Я понимаю, как тебе тяжело. Но, ты знаешь, отец был бы рад, если бы узнал, что ты превратился из капризного инфантильного мерзавца в нормального человека.

– Неужели я произвел на тебя поначалу такое кошмарное впечатление? – усмехнулся Герман.

– Не то слово!

– Молодые люди, не желаете фотографию на память? – защebetала подлетевшая девица с «Полароидом» в руках. – Вы так хорошо смотрите вместе. Позвольте?

Она так обворожительно скалила безупречные зубы, что Герман сразу же загорелся идеей сфотографироваться.

– Вот и отлично, – обрадовалась девица и принялась скакать вокруг столика, выбирая удачный ракурс. – Поднимите бокалы, смотрите друг на друга, внимание.... снимаю.

Карточка с шипением выползла из фотоаппарата. Девица подхватила ее ловким движением, помахала в воздухе, дожидаясь, пока проявится изображение, и с улыбкой протянула Ане.

Пока Герман расплачивался с девушкой-фотографом, Анна взглянула на снимок и похолодела. Сердце заколотилось в бешеном ритме, рука, держащая снимок, мелко задрожала. Она не могла оторвать от него глаз, пока до ее сознания медленно доходила ужасная истина.

На фотографии она и Герман с застывшими улыбками на лицах чокались друг с другом наполненными бокалами с красным вином. Справа, оттуда, где стоял еще один свободный стул, к ним тянулась третья, слегка расплывчатая, рука. Точнее, когтистая лапа получеловека-полузверя. Она также сжимала бокал, но иной по форме, гораздо больше напоминающий старинный кубок из темного хрусталя. Ужасная рука принадлежала монстру, нагло тарасившему пустые, светящиеся, точно угли, глаза в объектив. Жуткая рожа казалась странно знакомой, и, присмотревшись, Анна поняла, кто самовольно присоединился к их компании: сквозь уродливые складки и наросты проступали узнаваемые черты. Сомнений не было. На фото был изображен Клонов...

– Дай посмотреть! – потянулся за снимком Герман. Анна отдернула руку и быстро засунула фото в сумочку.

– Извини, – пробормотала она, – я получилась просто отвратительно. Давай снимемся еще раз, потом, хорошо?

Герман пожал плечами, но настаивать не стал. Анна попыталась улыбнуться. Улыбка на ее лице выглядела вымученной. Ему же так и не удалось понять, почему Аня, только что оживленная и разговорчивая, внезапно сделалась молчаливой и грустной.

Обед был испорчен. Герман оплатил счет, и они покинули кафе.

Анна была в панике. Клонов не умер. Каким-то образом он просто сменил форму существования и, появившись рядом с ними, дал понять, что игра не окончена, она только начинается, но теперь играть придется по его правилам, которых Анна не знала. Единственное, что она понимала, – противник сильнее ее и вступать с ним в борьбу сейчас значит заведомо потерпеть поражение. Но альтернативы не было. Так или иначе он доберется до нее и прикончит. От человека можно спрятаться, от духа – никогда.

Мысли беспорядочно метались в ее голове, она мучительно искала

выход, все отчетливее понимая, что его попросту не существует.

Однако по пути к дому у нее созрела кое-какая идея. Не бог весть что, но слабенькая надежда у нее все же появилась. Лишь бы Герман, проявляя излишнюю заботу, не помешал ей.

Ей удалось выскользнуть из дома незамеченной только к вечеру, когда, сославшись на головную боль – проверенный тысячами женщин способ избавиться от нежелательного общества, – она ушла в свою комнату. Но ненадолго. Выждав, когда Герман, не любивший коротать время в одиночестве, отправится спать, она на цыпочках спустилась обратно в холл, прихватила с вешалки куртку, вышла на крыльцо и бегом бросилась на конюшню.

Георгины, освещенные заходящим солнцем, полыхали как дьявольский костер. Анна не замечала их колдовской красоты. Ничего не видя перед собой, она неслась по дорожке, задевая тяжелые головки цветов.

Опал, завидев ее, радостно заржал. Она обняла жеребца за шею и прижалась щекой к его теплой, шелковистой шкуре.

– Тихо, малыш, не шуми, – приговаривала она, набрасывая на широкую спину тяжелое седло. С упряжью пришлось повозиться. Давненько ей не приходилось самой седлать лошадь, но она справилась довольно быстро, потеряв совсем немного времени. А время для нее сейчас значило очень много.

Глава 28

Тропинку, о которой говорила Маша, она нашла сразу, как только выехала из леса. Жеребцу передалось ее волнение, он нервно всхрапывал и пританцовывал на месте. Ей стоило больших усилий удержать его, Опал так и норовил сорваться в галоп. Солнце красным мячиком бодро катилось к горизонту, заставляя Анну холодеть от страха: в темноте ей через болота не перебраться, тропинка и так еле заметна в траве. Время уходило, а домик отшельницы все не появлялся. Двигаться быстрее тоже было опасно. Один раз Опал соскользнул с тропинки и угодил копытом в покрытую мхом кочку. Твердая на вид, она моментально провалилась под тяжестью животного, в яме забурилась зелено-коричневая, вонючая жижа. Жеребец дернулся, но Аня успела вовремя натянуть поводья, ободрав кожу на ладонях, и удержала коня от безумного прыжка.

Солнце уже нырнуло за горизонт, только малиновое зарево еще освещало округу. Аня едва не расплакалась от отчаяния: дом Глафиры по-прежнему не был виден, а назад ей до темноты никак не успеть. В этот момент впереди мелькнула покосившаяся крыша старой избушки. Девушка едва сдержала радостный крик. Она не боялась, что старушка прогонит ее, лишь бы выбраться на сухое место, а там она как-нибудь сумеет выпросить помощь у отшельницы.

Наконец они очутились на твердой земле. Анна соскочила с коня и, держа его в поводу, подошла к самой избушке. Сердце ее упало: избушка, поросшая мхом и лишайником, точно лесной пенек, выглядела необитаемой. Неужели она торопилась напрасно?

– Глафира! – позвала девушка. – Вы дома? Есть здесь кто-нибудь?

Услышав ее зов, из-под дома неторопливо вылез гигантский черный котиче, его усы были толстыми, как проволока, огромные зеленые глаза светились в наступающих сумерках. Анна тоже держала дома кота, но Каспер по сравнению с этим гигантом выглядел сущим котенком, хотя раньше он казался ей весьма упитанным.

Кот неподвижно уставился на Анну, потом разинул пасть, продемонстрировав крупные желтые клыки, и издал хриплый звук, что-то среднее между воем и шипением. После этого он, распушив похожий на полено хвост, подошел к Опалу и деловито обнюхал его копыта.

Скрипнули проржавевшие петли, дверь избушки медленно приоткрылась, ее придерживала давно не мытая рука с длинными

загибающимися, как у хищной птицы, ногтями. Кроме руки Анна разглядела в образовавшуюся щель подол застиранного ситцевого платья, ряды пестрых бус, полное лицо и давно не знавшие расчески, жесткие, абсолютно седые волосы.

Анна содрогнулась, когда старуха выползла на крыльцо, но тут она увидела ее глаза и почувствовала облегчение. Глаза, такие же синие, как у Анны, ничуть не поблекшие от времени, смотрели на девушку ласково, точно на близкого друга. Анна, тонко чувствующая малейшую фальшь, мгновенно поняла, что перед ней друг.

– Здравствуйте, – сказала она. – Я пришла к вам для того...

– Здравствуй, Аннушка, – перебила старуха неожиданно звонким, молодым голосом. – Я давно ждала тебя. Боялась, что не успеешь.

Аня не стала делать удивленное лицо, услышав, как отшельница назвала ее по имени, в ее взгляде появилось уважение к настоящему мастеру. Старуха, заметив сдержанность девушки, удовлетворенно кивнула головой и произнесла:

– Молодец. Держись. Ты такая, как я и думала. Что ж, проходи в дом, разговор долгим будет. Коня своего тут оставь. Можешь не привязывать. Барсик за ним присмотрит.

Подивившись тому, что монстр породы кошачьих носил банальное имя Барсик, девушка сделала так, как велела старуха, и просто отпустила повод жеребца.

Анна перешагнула порог и удивилась: убогая на вид избушка внутри оказалась чистенькой и уютной. Мебель, в основном самодельная, была украшена нарядными кружевными салфеточками ручной работы, полы чисто вымыты, домотканые половички – выстиранные. Пахло в просторной комнате необычно, но Анне был знаком этот запах – так пахли сушеные травы. Их тут оказалось великое множество, они пучками свисали с потолка. Анна узнала вербену, омелу и буквицу. Ядовитая наперстянка – сильнейшее средство для защиты от злых духов – висела особняком, так же как и обыкновенный чертополох, помогающий от сглаза. Многие растения были незнакомы Анне, она не слишком увлекалась травяной магией, и ее познания в этой области оставляли желать лучшего.

– Правильно, что травками интересуешься, – одобрила отшельница. – Только сейчас не время. Твоей беде травками не поможешь. Садись вот сюда, – она показала морщинистым пальцем на высокий табурет, – а я прилягу. Тяжело мне стоять, да и сидеть уже не вмоготу.

С этими словами старуха и впрямь улеглась на кровать, пристроив голову на гору подушек в крахмальных белых наволочках таким образом,

что оказалась в полусидячем положении.

Аня достала из сумочки фотографию и протянула отшельнице. Та внимательно рассмотрела снимок и покачала головой.

– Боялась я, что этот дьявол своего добьется, но не думала, что так скоро, – удрученно сказала она.

– Откуда у него такие знания? – спросила Анна.

– Кто ищет – находит, – вздохнула та. – Но этому просто повезло. Купил участок могучего колдуна и нашел его захоронку.

– Какого колдуна? Колобейчика?

Старуха рассмеялась и замахала руками:

– Бог с тобой, девонька! Какой же Колобейчик колдун? Мученик он, жертва невинная.

– Но я видела его призрак, – продолжала стоять на своем Аня. – Он встретился мне в лесу. Правда, ничего плохого не сделал, только напугал очень. И еще просил найти его руки.

Старуха, слушая ее, несколько раз кивала головой, точно соглашаясь.

– Все правильно. Без рук своих он не может найти покоя. А их спрятал как раз тот колдун, участок которого купил этот художник. В руках этих великая сила. Кто ими владеет, тот, даже не желая, станет могущественным мастером. Впрочем, слушай, как все было. Тебе это пригодится.

Более двух веков назад в этих местах появилась страшная болезнь. Моровая язва. Перепуганные насмерть, жители округи собрались на крестный ход, моля господу избавить их от чудовищной напасти. Кое-кто поговаривал, что зло явилось не просто так, а было напущено с помощью колдовских чар. И надо же было такому случиться, чтобы им на пути встретился дворянин, тот самый Колобейчик. У народа от страха ума не прибавилось, вот они и решили, что Колобейчик, шастающий среди ночи по лесу, и есть тот самый ведьмак, что собирается извести людской род на корню. Не стали они долго думать и прямо тут же казнили мужика.

А в те времена существовало поверье – если не отрубить колдуну руки перед казнью, то он с того света своих обидчиков достанет и всех порешит. Поэтому руки Колобейчику отрубили, самого сожгли живьем, и все дела. Только дворянин-то невинен был, большой грех те крестьяне на душу взяли.

– То есть никакого колдуна на самом деле не было?

– Был, как же. Только его так просто не узнаешь. С виду – сама невинность. Весьма уважаемый человек был, никаких подозрений на его счет не водилось. Крестьяне перед ним за полверсты шапку снимали, а он только посмеивался. Вот он-то и напустил болезнь на село. Чем-то ему там

не угодили, а может, просто из злобы решил покуражиться, точно не знаю. Когда Колобейчика казнили, он за всем этим следил, а как увидел, что руки отрубили, так едва ума от радости не лишился. Когда все убрались восвояси, он к тому месту вернулся, нашел руки и забрал, обретя тем самым великую силу.

– А куда же он потом делся?

– Так помер же, все мы смертны. Колдовством многого можно достичь, но только не вечной жизни в человеческом облики. Хотя и это случается, но сейчас речь не о том.

– Выходит, колдун перед смертью спрятал свои сокровища, а Клонов купил его участок и нашел этот тайник?

– Точно. Колдун тот помер, так и не передав свою силу наследнику. Вот и пришлось знания прятать, чтоб в чужие руки не попали. Только художник этот изначально был черным человеком, поэтому ему тайник и открылся.

– Клонов и вправду, наверное, озлобился, – кивнула Анна. – Жизнь была к нему неласкова. Родился карликом, в детстве его не любили даже родители, а потом и вовсе в калеку превратился.

– Калеки тоже разные бывают, – неожиданно резко возразила отшельница. – Некоторые принимают свою беду со смирением и живут праведно, а другие, подобные этому ироду, копят в сердце злобу и черноту. Ты думаешь, он просто так в живых остался, когда с колокольни упал?

– Вы и об этом знаете?

– Знаю. Так вот, выжил он потому, что его черти сберегли. Знали, что польза от такого большая получится, и не прогадали.

– Но что же мне теперь делать? – робко спросила Анна. – Он от меня не отстанет, пока в могилу не сведет!

– Верно, девонька. Ты его тела человеческого лишила, и, стало быть, ты его главный враг. Такой, какая ты есть, тебе с ним не справиться. Даже колечко не поможет. От живого оно тебя уберегло, а от того, во что он теперь превратился, – не сможет. И все-таки запомни – никому и никогда не отдавай кольца! Оно – твой хранитель. Поняла?

– Так вы же говорите, что от Клонова оно меня не защитит.

– Тут дело в другом. Я сделаю все что смогу, но сначала покажи мне, на что ты способна. Достань-ка с полки свечу, – велела она.

Анна взяла в руки тяжелую свечу из натурального воска и поставила ее посреди стола.

– Теперь зажги, – скомандовала отшельница.

Анна потянулась было к спичкам, лежащим тут же, на столе, но ее

остановил властный голос старухи:

– Нет. Не так. Зажги свечу глазами.

Анна прикусила губу и неуверенно пробормотала:

– У меня не получится.

– Вот что, милая, сейчас стесняться не время. Когда демон придет за тобой, он церемониться не станет. Зажигай!

Анна судорожно вздохнула и уставилась на свечу. Она добросовестно таранилась на скрюченный черный фитилек, но ничего не происходило. Тем не менее она не отводила от него взгляда. В напряженной тишине, повисшей в комнате, было слышно только тиканье настенных часов.

Анна почувствовала, как из ее глаз протянулись к фитилю невидимые нити, они крепили и вдруг на обгоревшем кусочке толстой веревки затеплился слабый огонек.

– Увеличь пламя.

Анна напряглась. Язычок пламени поднялся выше, осветив ее сосредоточенное лицо.

– Еще.

Пламя, покачиваясь, как загипнотизированная кобра, взметнулось вверх сантиметров на десять.

– Теперь вправо.

Анна послушно заставила огненную змейку отогнуться в правую сторону. Затем последовал следующий приказ, и оранжевое пламя легло в левую сторону параллельно столу.

– Хватит.

Анна вздрогнула. Пламя мгновенно погасло.

– Молодец, – похвалила старуха. – Сила в тебе есть. Но ты не умеешь ею пользоваться. Или не хочешь.

– Скорее, второе. Эта сила чересчур своевольна. Приходит, когда захочет. Когда надо – ее не дозовешься.

– Ишь ты какая хитрая. То гонишь ее от себя, а то хочешь, чтобы она явилась по первому зову. Нет, девонька, силу приручать надо. Ее нужно чувствовать, как ты чувствуешь свои руки, ноги. Это же часть тебя, такая же осязаемая, как твое тело.

– Но я не сумею быстро научиться управлять ею. А Клонов ждать не будет.

– И это верно, – кивнула старуха. – Есть в тебе одна особенность. Все маги делятся на две группы. Одни – это те, что забирают энергию у окружающих, питаются ею и могут легко восполнить истощившиеся запасы. Таков твой Клонов, такая и я. Наша сила постоянна, ею можно

воспользоваться в любой момент. Ты – другое дело. Ты не можешь брать, если не заставишь себя сделать это специально. Поэтому ты отдаешь. Но в момент опасности в тебе обязательно происходит всплеск, мощная волна. И тогда ты становишься всемогущей! Но...только на короткое время и ценой огромных усилий.

– Что это значит?

– То, что каждый раз, когда тебе приходится пользоваться этим мощным источником, ты теряешь энергию, которую никогда не сможешь восполнить. Проще говоря, один раз стоит тебе года жизни. А век тебе отпущен небольшой – шестьдесят годков всего, – грустно посмотрела на девушку отшельница.

– Что же делать? – обескураженно спросила Анна.

– Живи своей жизнью и ничего не бойся. Такова уж твоя судьба. Не зря Герман назвал тебя принцессой черной магии. Ты рождена, чтобы бороться с темными силами, даже ценой собственной жизни.

Старуха надолго замолчала. Веки ее опустились, и Анна подумала было, что та заснула, но отшельница вдруг раскрыла ясные глаза и произнесла торжественно:

– Я хочу передать тебе свою силу. Мне пришла пора помирать, а ты станешь хорошей преемницей. Кстати, художник при жизни приходил ко мне и просил передать дар ему, но я его прогнала. А ты выбирай: хочешь, возьми черную силу и тогда ты станешь сильнее его, сможешь уничтожить любого простым прикосновением.

Анна с ужасом затрясла головой:

– Нет. Не хочу я этого. Мне вообще ничего не надо. Ваша сила вам самой еще понадобится. Научите только, как избавиться от Клонова.

– Я так и знала, – улыбнулась старуха и посмотрела на Аню так ласково, что девушка почувствовала, как по телу заструилось приятное тепло. – Возьми тогда светлую силу. Ты станешь намного сильнее, но, к сожалению, все останется как есть – придется тратить годы жизни.

Анна вновь хотела отказаться, но старуха остановила ее движением руки.

– Возьми кувшин, что стоит перед тобой, и выпей залпом, не останавливаясь.

Не понимая, зачем она это делает, Анна протянула руки и взяла кувшин. Прохладная глина приятно холодила ладони. Анна заглянула в широкое горлышко и увидела, что сосуд наполнен обыкновенной водой.

– Пей, доченька, не бойся.

Аня поднесла кувшин ко рту и сделала первый глоток. Вода точно сама

по себе полилась ей в горло, необыкновенно вкусная, почему-то пахнувшая травами.

Она выпила все до последней капли, поставила кувшин на стол и посмотрела на отшельницу. Та тоже смотрела на нее и улыбалась.

– Что теперь? – спросила девушка.

Старуха не ответила. Анна вновь посмотрела на нее. В глазах мелькнула тревога. Глаза Глафиры неподвижно смотрели на нее, но взгляд стал пустым.

– О, господи, бабушка, – жалобно позвала Анна, – вы что, умерли?

Отшельница не пошевелилась и ничего не ответила. Анна шагнула к ней и протянула руку, чтобы дотронуться, но в это мгновение стены избушки затрясло, как при землетрясении. С потолка посыпалась штукатурка. Столетние бревна затрещали.

Анна выскочила из избушки. Опал стоял на лужайке. Рядом сидел кот. Как только Аня выбежала на крыльцо, кот с диким воем метнулся в раскрытую дверь ходившего ходуном дома.

– Стой, Барсик, вернись! – закричала Анна. Она хотела броситься на ним, но перед ней рухнула с потолка тяжеленная балка, загородив проход. Аня отбежала подальше, глядя во все глаза, как рушится крыша домика. Из нее в небо уходил столб дыма. Девушке показалось на мгновение, что она различает в густых клубах силуэты пожилой женщины и большого кота...

Глава 29

Возвращение, несмотря на кромешную темноту, прошло благополучно. Словно кто-то невидимой рукой направлял их, оберегая от опасностей. Опал тоже как будто бы успокоился. Они выехали на асфальтированную дорогу, но Анна, вместо того чтобы направить коня к дому Барскова, повернула в другую сторону.

Ей очень хотелось забраться в теплую постель, заснуть, чтобы хоть на время забыть о нависшей над ней опасности, но она понимала, что это несбыточное желание. От Клонова, точнее, от того, чем он стал, ее не защитят никакие запоры, и чем скорее она встретится с ним лицом к лицу, тем лучше.

Подъехав к воротам, за которыми высилась громада темного здания, в котором жил ее враг, Анна придержала коня. Она медлила, чтобы собраться с духом, унять противную дрожь в коленках и хотя бы немного приглушить панический ужас, охвативший ее в эту минуту.

Она спрыгнула на землю и повернулась к лошади:

– Беги, малыш, домой. Я не могу оставить тебя здесь, понимаешь? – прошептала она. Конь затряс головой, то ли выражая свое согласие, то ли отчаянно протестуя.

Потрепав жеребца по шее на прощание, Анна вошла во двор и снова с тоской посмотрела на мрачные стены. На этот раз ей показалось, что в одном из окон мелькнул слабый лучик света, как будто кто-то прошел со свечой. Но огонек сразу же погас, и снова все окна фасада погрузились во тьму.

Дверь, как и в прошлый раз, оказалась незапертой. Оставалось только гадать, обнаружил ли кто-нибудь тело Клонова.

Сейчас у нее не было даже маленького фонарика, пробираться по незнакомому дому приходилось на ощупь. То и дело натыкаясь на мебель, Анна осторожно и очень медленно продвигалась вперед. Она должна была подняться на третий этаж, вернуться в ту комнату, где они обнаружили повесившегося художника. Она сама не знала, почему нужно делать именно так, но упорно шла к своей цели.

Миновав второй пролет, она стала двигаться еще осторожнее, в любой момент ожидая нападения. Она то и дело оглядывалась, проверяя, не подкрадывается ли к ней из темноты чудовище. У нее были все основания для подозрений: ей чудилось чье-то дыхание совсем рядом. Кто-то как

будто дышал ей в затылок. От этого ощущения у нее на голове шевелились волосы.

Когда до площадки третьего этажа оставалось совсем немного, она, чувствуя, как подкашиваются от волнения ноги, в изнеможении прислонилась к стене и сразу же отпрянула, вздрогнув от отвращения. Сквозь тонкую ткань куртки она ощутила, как стена пульсирует, точно живая.

«Этого не может быть», – твердо сказала Анна самой себе.

Но это была не иллюзия. Теперь она чувствовала, что ступени лестницы у нее под ногами вздрагивают при каждом шаге.

«А на что ты надеялась, направляясь сюда?» – прозвучал у нее в голове укоризненный голос. Она так и не поняла, что это было, – ее собственные мысли или чей-то посторонний шепот.

Движимая каким-то болезненным любопытством, Аня вновь дотронулась рукой до стены и почувствовала, как под дорогими тисненными обоями, словно живая, пульсирует каменная кладка.

«О, господи, он оживил дом! – ужаснулась Анна. – Или я схожу с ума».

Волосы девушки, собранные на затылке в хвост, удерживала простенькая заколка – согнутый плоский овал с двумя отверстиями, через которые вставлялась длинная, достаточно острая спица. Аня быстро подняла руку и вытащила спицу. Волосы свободно упали на спину.

Анна размахнулась и изо всех сил вонзила острие в стену. Спица вошла в кирпич, точно нож в масло! Анна отдернула руку, зажав спицу в кулаке. Из «раны» брызнула кровь, несколько капель попали ей на лицо, и Аня брезгливо отерла их рукавом куртки. По дому прокатился глухой стон. Анне показалось, что от ужаса она вот-вот упадет в обморок. Она плотно зажмурилась, молясь про себя, чтобы, когда откроет глаза, оказалось, что все ей просто привиделось. Сейчас она предпочитала считать себя сумасшедшей, чем поверить, что «живой» дом существует на самом деле.

Но ее молитва была напрасной. По стене по-прежнему струилась кровь.

Всхлипнув, Анна бегом припустилась наверх. Она нашла дверь нужной комнаты, нашарила ручку, повернула ее и вошла внутрь.

Внезапно вспыхнул свет. Она зажмурилась. Потом открыла глаза и увидела, что ярко освещенная комната абсолютно пуста. Ни коляски, ни тела повешенного не было.

– Куда же ты подевался? – прошептала Анна, оглядываясь.

В это мгновение из-за закрытой двери донесся топот быстро бегущих ног. Она бросилась обратно, но никого не увидела.

Теперь она услышала смех, похожий на смех ребенка. Он раздавался откуда-то снизу. Анна бросилась вниз по ступенькам и принялась заглядывать во все двери подряд. Когда она вдоволь набегалась по запутанным коридорам, смех послышался снова, только теперь он звучал еще ниже, откуда-то из холла.

Разумеется, в холле она опять никого не обнаружила. Она тяжело дышала, устав от бесполезной беготни. Пот, катившийся по лбу, застилал ей глаза.

Она здорово разозлилась и громко крикнула:

– Эй, ты, мазила, хватит играть со мной в прятки! Или вылезай, или я ухожу!

Она прислушалась. В доме стояла мертвая тишина. Пол под ногами больше не пульсировал. Свет снова погас. Анне показалось, что она совсем одна в этом доме. Она вглядывалась во мглу, пытаясь заметить хоть какое-нибудь движение, но ничего не видела.

– Ладно! Как хочешь! Я ухожу! – проорала она с ненавистью, резко повернулась и решительно пошла к выходу.

Мерзкое, какое-то сдавленное хихиканье раздалось из комнаты чуть дальше по коридору. Анна усмехнулась и пошла в ту сторону. Сначала она решила, что ее снова надули, но потом от стены отделилась невысокая, щупленькая фигура и медленно вышла на середину комнаты.

Анна привыкла видеть Клонова в инвалидной коляске, но теперь обнаружила, что он прекрасно стоит на коротеньких ножках и даже слегка покачивается с пятки на носок.

Сам по себе вспыхнул огонь в камине, затрещали сухие дрова.

Отблески огня делали усмешку Клонова злобной, а толстые стекла очков, по-прежнему сидевших на вздернутом носу, придавали его лицу выражение жуткой непроницаемости. Это было знакомое лицо, и в то же время в нем появилось нечто чудовищное, что не поддавалось описанию, но внушало животный страх.

– Удивлены? – хихикнул Клонов. Его голос оставался таким же писклявым, что и при жизни, только теперь в нем слышались визгливые нотки, напоминающие писк разозленной крысы.

– Чему же тут удивляться? Я знала, что встречу вас здесь, – ответила Анна с деланным равнодушием. – Как же вам это удалось? Поделитесь опытом.

– Не надейся, голубушка. Обмен опытом не состоится, – фыркнул человечек. – Впрочем, если желаешь – изволь. Как видишь, я жив. Ну, или почти жив, – поправился он, хихикнув. – Но так даже лучше. По крайней

мере, теперь я могу ходить. Как я это сделал? Очень просто. Так же, как и все остальное.

– Автопортрет? – догадалась Анна, почувствовав, как струйка пота побежала у нее по спине.

– Ну что же, ты очень догадливая, – вздохнул Клонов. – Жаль даже, что придется тебя убить.

– Не много ли на себя берете? – огрызнулась Анна, отступая таким образом, чтобы сзади оказалась стена.

Но прежде чем она успела сделать еще один шаг, Клонов небрежно махнул в ее сторону маленькой ручкой, и она согнулась пополам, точно получив мощный удар в живот.

– Не делай глупостей, голубушка, – снисходительно проронил Клонов, глядя, как девушка пытается судорожно втянуть в себя воздух. – Ты очень напакостила мне при жизни, и я не собираюсь шутить. Но знаешь, что разозлило меня больше всего?

Анна не выразила заинтересованности. Честно говоря, ей было сейчас не до этого. Она попросту задышалась. Но Клонову и не нужен был ее интерес. Он словно разговаривал с самим собой.

– Меня привела в ярость смерть моей возлюбленной.

– Сандры? – спросила Анна, которая смогла наконец вновь обрести дыхание. – Как трогательно. – Она усмехнулась и немедленно получила еще один удар, на этот раз – по щеке. Удар был такой силы, что голова ее дернулась и она рухнула на пол.

– Не смей говорить об этой девушке пренебрежительным тоном! – взвизгнул Клонов.

– Если вы так дорожили ею, то почему позволили своему поделнику придушить несчастную, как куренка? – поинтересовалась Анна, сплевывая кровь.

– Фрэнк. Этот жалкий урод! Он поплатился за то, что сделал. Но он был только орудием. Ты виновата в смерти Сандры.

Он вознамерился снова ударить Аню, но на этот раз она была готова. Посланная в нее тяжелая чугунная напольная ваза, несущаяся вперед, со свистом рассекая воздух, замерла на мгновение, не долетев до девушки, и с грохотом рухнула на пол.

Клонова это даже позабавило.

– Пытаешься быть сильной? Бесполезно. Тебе со мной не справиться, – ухмыльнулся он, зловеще поблескивая стеклами очков.

Анна и сама понимала, что совершила глупость, явившись сюда, но не могла же она спокойно сидеть дома и ждать смерти. Уж лучше так, в

открытом бою. Хотя какой это бой? Так, избиение младенцев.

Словно в подтверждение своих грустных мыслей, она едва успела отклонить удар обоюдоострого клинка, который сам по себе сорвался с ковра и вонзился в стену в сантиметре от ее лица.

– Слушай, клоун, хватит играть со мной, – прошипела она. – Хочешь убить – валяй. Только побыстрее. У тебя пол холодный, боюсь задницу простудить.

– Э, нет, дорогая моя. У меня есть к тебе одна маленькая просьба, – почти ласково протянул Клонов.

– Какая еще просьба?

– Отдай мне перстень.

– Вот этот? – уточнила Анна, помотав в воздухе рукой со сверкающим на пальце изумрудом.

Клонов на секунду потерял над собой контроль. Глаза его жадно блеснули в полумраке.

– Этот самый, – кивнул он и судорожно сглотнул.

– Эк тебе приспичило, – усмехнулась девушка. – Помнится, я уже видела однажды такой же блеск в глазах одной моей знакомой. Сандры. Не для тебя ли она старалась?

– Увы, – развел руками Клонов. – Сандра признавала только собственные интересы. До других ей просто не было дела. Тем более – до моей скромной персоны. Каюсь: рассказал ей однажды в порыве откровенности легенду о волшебном перстне – я ведь думал, что он безвозвратно утерян, – а она вдруг загорелась идеей его заполучить. Даже заказала точную копию у дорогого ювелира. Что поделать – Сандра всегда мечтала о власти!

– Так она что, не догадывалась, кто ты на самом деле? – удивилась Анна неожиданно пришедшей в голову мысли.

– Понятия не имела. Для нее я был всего лишь талантливым и модным художником, который умел развлечь ее красивыми сказками и легендами.

– Как же она ошибалась, – протянула Анна с иронией.

Клонов неожиданно разозлился, услышав насмешку в ее голосе.

– Отдай перстень! – резко сказал он.

– Подойди и возьми, – пожалла плечами Анна. У нее затеплилась надежда. Если Клонов согласится, у нее появится шанс на спасение.

Но Клонов оказался хитрее и приближаться вовсе не торопился.

– Я не могу заставить тебя отдать мне его, – развел он руками. Лицо его мгновенно озарилось радостной улыбкой. – Зато я могу причинить тебе такую боль, что ты сама будешь умолять меня принять твой подарок!

– Вот этого ты не дождешься!

Она тут же пожалела о своих словах. Ее левая рука начала выкручиваться, точно так же, как это происходило на ее глазах с руками Фрэнка. Анна взвыла от боли. Еще секунда, и ее кости треснут от напряжения.

Внезапно все прекратилось. Рука повисла безжизненной плетью. Анна ухватила ее здоровой рукой и прижала к себе, по ее щекам текли слезы.

– Еще не надумала? – поинтересовался Клонов.

Анна отчаянно покачала головой, приготовившись к тому, что пытка возобновится.

– Ты еще и упряма, – констатировал Клонов. – Ну что же. Я не тороплюсь. У меня впереди вечность, а ты сейчас отправишься в более тихое место. Позднее я навещу тебя.

Не успел он договорить, как пол, на котором скорчилась девушка, провалился под ней, как тонкий лед, и она с криком провалилась в пустоту.

* * *

Очнулась Анна от боли. Сначала она никак не могла понять, где находится. Было темно. Жутко воняло какой-то тухлятиной. Возможно, именно этот резкий запах и заставил ее вспомнить, что произошло.

Окончательно очнувшись, Анна первым делом ощупала руку и с радостью убедилась, что она не только не сломана, но даже и не вывихнута. Более того, она могла двигать ею вполне сносно, хотя движение и доставляло сильную боль.

Она пошевелила ногами, обнаружив, что не связана. Пошарив руками вокруг себя, она нащупала стену и, придерживаясь за нее, поднялась на ноги.

Где же она? Раз ей оставили свободу передвижения, стало быть, место настолько надежное, что бежать отсюда невозможно. Черт, ну почему так темно?

Анна взмахнула рукой, задела карман куртки и почувствовала, что в нем что-то лежит. Запустив пальцы в карман, она, не веря своему счастью, нащупала зажигалку! Ну конечно, она всегда носила ее с собой. А еще говорят, что курить вредно.

Она щелкнула зажигалкой и в слабом свете трепещущего огонька смогла разглядеть узкую комнату без окон, больше всего похожую на каменный мешок. Вдоль стен шли длинные деревянные стеллажи,

заставленные всевозможными предметами. Ане не потребовалось и минуты, чтобы определить их назначение. Веревка висельника, заспиртованные жабы и змеи, сушеные летучие мыши – короче, полный набор колдуна. Она поняла, что попала в его «лабораторию», где он хранил многочисленные принадлежности для своих ритуалов.

Похоже, Клонов занимался изучением магии всерьез. Когда только картины успевал писать. Анна брезгливо поморщилась, отодвигая подальше банку с омерзительной массой, более всего напоминающей чьи-то мозги.

Следующая находка была намного страшнее. Не задумываясь, Анна развернула какую-то тряпку и отпрянула. Маленький круглый предмет выскользнул из ее рук и скатился на земляной пол. Анна осторожно скосила глаза вниз, глядя на белый череп с черными дырками глазниц. Череп был настолько мал, что мог принадлежать только ребенку.

– Интересуешься?

Анна вскрикнула. Огонек зажигалки обжег ей пальцы и погас. Но она успела разглядеть в углу комнаты Клонова.

– Не надумала еще подарить мне перстень? – как ни в чем не бывало спросил тот.

– Подойди и возьми.

Пять минут после этого Анна непрерывно кричала, корчась на полу от боли во всем теле. На этот раз Клонов придумал новое развлечение: все вены и сосуды девушки вздулись, грозя лопнуть в любое мгновение. Страдания ее были невыносимы.

Но они все же закончились. Клонов сказал правду. Он не собирался убивать ее, не добившись своего.

Когда он исчез, Анна, всхлипывая, свернулась калачиком на полу, подтянув к животу дрожащие ноги и с ужасом думая, что чудовище придумает в следующий раз.

Боль, казавшаяся поначалу почти непереносимой, начала потихоньку отступать. Человек, как и любое живое существо, инстинктивно старается выжить. Только что она, обливаясь слезами, молила бога, чтобы ее мучения поскорее закончились, но едва боль стихла, мозг стал искать способ спасения иного рода. Ей очень не хотелось умирать. Неужели она позволит этому выродку забрать ее жизнь просто так? НЕТ. Должен существовать какой-то выход.

Она принялась лихорадочно думать. Земляной пол был влажным и холодным, она замерзла и, постанывая, села, тяжело привалившись к кирпичной стене.

Внезапно, словно изнутри, из глубины сознания, поднялась и встала перед глазами картинка: старуха, откинувшаяся на подушках, и ее слова: «Нужно найти руки невинно казненного».

А ведь и правда, – встрепенулась Аня, – только один человек мог воспользоваться страшной находкой по назначению. Она вспомнила руку на своей постели, карабкающуюся к ее горлу с упорством, достойным лучшего применения. Рука не могла действовать сама по себе. Кто-то отдал ей приказ разделаться с непрошеной гостьей. Кто? Разумеется, Клонов.

Анна почувствовала нарастающее возбуждение. Она понимала, что находится на правильном пути. Только бы успеть. Мысли плохо слушались ее, боль, все еще терзающая ее тело, мешала думать.

Она находилась в «лаборатории» колдуна, одновременно служившей и складом. Здесь, в этом подвале, Клонов хранил все наиболее ценные препараты. Если он завладел руками призрака, то они должны быть спрятаны где-то здесь. Надо постараться их отыскать и сделать это по возможности быстро, до очередного визита мучителя. Неизвестно, сможет ли она подняться после очередной порции «убедительных аргументов» Клонова.

Анна поднялась на ноги и стала вглядываться в темноту, размышляя, откуда следует начать поиски. Теперь она поняла, что это будет не так-то просто, может, у нее ничего не получится. Но отступить не собиралась.

Глава 30

Щелкнула зажигалка. Девушка еще раз оглядела подвал, насколько позволял слабый источник света. Довольно большое помещение, но большая часть его занята деревянными стеллажами. Насколько Аня успела заметить раньше, ничего похожего на то, что она ищет, на них не было, но она успела в прошлый раз осмотреть далеко не все полки.

Металлическое колесико зажигалки раскалилось и обожгло руку. Нужно подождать, пока зажигалка остынет. Но у нее нет времени.

Сунув зажигалку в карман куртки, Анна бросилась к полкам и принялась шарить в темноте, стараясь на ощупь угадать, чего касаются ее дрожащие пальцы. Она старалась забыть об отвращении и брезгливости, дотрагиваясь до отвратительных предметов. Только раз она не смогла удержаться от вскрика, когда коснулась длинного холодного тела, скользкого на ощупь, и поняла, что это довольно свежая тушка змеи.

Через несколько минут лихорадочных поисков Анна поняла, что затея ее обречена на провал. Искать можно до бесконечности, а ведь она даже не уверена, здесь ли находятся эти злополучные руки.

Она остановилась, чтобы отдышаться. Вот-вот появится Клонов. Что же делать?

Ей стало страшно, но страх сменила злость на себя: сколько можно скулить? В конце концов, она владеет даром ясновидения и сейчас самое время им воспользоваться.

Удивленная тем, что такая простая мысль не посетила ее раньше, Анна закрыла глаза и попыталась сосредоточиться.

Внутреннему зрению темнота не мешала, наоборот, ничто ее не отвлекало, и Анне довольно быстро удалось рассмотреть, что скрывается в тайниках мрачного подземелья. Их тут было великое множество. Обнаружив первый, Анна едва не засмеялась. Под рядами стеллажей, довольно глубоко в земле был зарыт большой железный ящик, набитый долларами. Ну и Клонов, ну и оригинал, даром что колдун, а банкам не доверяет, как самый обычный лох, – закопал свое сокровище в подвале.

В другом тайнике хранились старинные книги. Анна почувствовала волну зла, исходящую от этих фолиантов. Все понятно, вот они, те книги, по которым Клонов осваивал секреты черной магии.

Еще одно открытие поджидало ее возле самой двери в подземелье. Странно, тайником не пользовались очень давно, возможно, несколько

сотен лет. Похоже, Клонов его не обнаружил, а зря – в глубокой нише, в самой толще стены, был замурован большой сундук, доверху набитый золотом и драгоценностями. Все правильно: Клонов держал состояние в баксах, как нынче водится, а его предшественник – в золоте. Вот только ни тот, ни другой так и не смогли воспользоваться нажитым богатством. На том свете золото не в цене.

Но где же главное? – забеспокоилась Анна, обшаривая подвал снова и снова. Неужели их здесь нет? От одной мысли об этом девушка почувствовала, как спина покрывается липким потом.

И вдруг – вот оно, это замечательное «вдруг» – она увидела то, что искала. Слабое свечение в дальнем углу ясно говорило, где нужно копать.

Анна распахнула глаза. Ничего не изменилось. Вокруг по-прежнему царил непроглядная мгла, но девушка уверенно направилась в противоположный угол. Опустившись на колени, она начала разгребать землю голыми руками. Земля была рыхлой и поддавалась легко, но вскоре пальцы задели кусок фанеры, прикрывающий тайник сверху. Наткнувшись на него, Анна посадила занозу, но даже не обратила внимания на то, что вогнула под кожу здоровенную щепку. Почувствовав, что цель совсем близко, она принялась копать еще быстрее, пытаясь расчистить фанерный лист и приподнять его.

Ей это удалось. Отбросив его, она достала зажигалку и осветила перед собой. Обнаружилось, что фанера прикрывала довольно глубокую яму, на дне которой белел какой-то сверток. При виде его сердце у Анны забилось быстрее.

Она сунула руку в отверстие и схватила сверток. Это был обыкновенный бумажный пакет. Неизвестно, почему Анна удивилась, увидев такую обыкновенную вещь в ТАКОМ месте. Она попыталась открыть обертку, но от волнения это у нее не получилось, и тогда она принялась разрывать хрустящую бумагу.

Вот они. Такие безжизненные на вид, с лопнувшей кожей, покрытой трупными пятнами. Но не окоченевшие!

«Что дальше?» – пронеслось в мозгу. Сообразить она не успела. В том месте, где в прошлый раз возник монстр, земля задрожала, предвещая его появление.

Анна секунду смотрела на отрубленные кисти в своих руках, а потом, даже не сообразив как следует, что делает, сунула их за пазуху. На ней была просторная блузка из поплина, заправленная в брюки, и руки мягко шлепнулись вниз. Ощувив прикосновение липкой кожи к своему животу, Анна судорожно сглотнула. В следующее мгновение в подвале

материализовался Клонов.

Испугаться как следует она не успела, ее мучила только одна мысль – знает ли он о том, что она отыскала его талисман. Она посмотрела прямо в круглые очки, и впервые ей удалось разглядеть его глаза. Это не были глаза живого человека – светящиеся, точно угли, горящие красные точки излучали невероятную злобу и ненависть. На лице лилипута такие глаза смотрелись особенно ужасно.

– Как самочувствие? – спросил монстр, скаля в усмешке желтоватые зубы.

– Могло бы быть и лучше, – в тон ему ответила Аня, осторожно пятясь назад.

– Ты довольно быстро оклемалась.

Она не поняла, прозвучало ли это с одобрением, или, наоборот, подобный факт разочаровал его.

– Все еще не хочешь преподнести мне подарок?

– Не-а, – небрежно ответила Анна. – Мне все равно помирать, а так я хоть поживу немного подольше. Я, в отличие от вас, на тот свет не тороплюсь. Мне и здесь вполне хорошо.

– Хорошо, говоришь? – протянул Клонов, улыбаясь. – Значит, я выбрал не тот метод воздействия. Нет проблем. Можно попробовать по-другому.

С этими словами он, подобно гремучей змее, сделал бросок в ее сторону, и Анна ощутила сильный толчок в грудь. Она, потеряв равновесие, сделала несколько шагов назад, оступилась и с ужасом поняла, что под ногами пустота.

С визгом она рухнула вниз.

Раздался громкий всплеск. Анна почувствовала, как за шиворот полилась холодная, отвратительно воняющая вода. Она очутилась в глубокой яме, наполненной смердящей тухлой жижей. В последнюю секунду она успела вцепиться в край ямы и теперь висела на руках, испуганно озираясь.

– Плавать умеешь? – поинтересовался Клонов преувеличенно светским тоном.

Анна не ответила.

– Повиси тут немного. Но должен тебя разочаровать – долго тебе не выдержать. Вода холодная, ты быстро замерзнешь, да и руки скоро устанут. Если умеешь плавать, то проживешь еще какое-то время, но опять же не слишком долго. Утонуть я тебе, конечно, не дам, но тухлой водицы ты нахлебаешься вдосталь. Если она придется тебе не по вкусу – просто позови меня – ты знаешь, что мне от тебя нужно. И не вздумай хитрить.

Позовешь просто так – тебе же будет хуже. Веришь мне?

– Пошел ты в задницу! – рявкнула Анна.

– Вижу, вижу, тебе неприятно мое общество, – ухмыльнулся выродок. – Ну, счастливого купания, моя крошка. Фу, как здесь воняет.

Он исчез, но в подвале еще долго слышалось его отвратительное хихиканье. Анна с удовольствием заткнула бы уши. Жаль, руки были заняты.

Анна чувствовала себя просто чудовищно, как будто уже угодила в преисподнюю. Хотя нет, в преисподней, кажется, более популярны котлы с кипящей серой.

Она попробовала легонько поболтать ногами, пытаясь нащупать дно. Может быть, Клонов обманул ее и яма не такая уж глубокая? Нет. Дна, кажется, нет.

От ее возни вода в колодце всколыхнулась, отвратительно пахнущая волна коснулась ее подбородка. Анна изо всех сил тянула шею кверху до тех пор, пока поверхность воды снова не стала гладкой и ровной.

И что теперь? Надолго ли ее хватит? От гадких испарений кружилась голова. В кончиках пальцев поселилось по крошечному, отвратительно колючему ежу.

Густая жижа делала ее положение немного легче, так как поддерживала тело на плаву, но с каждой минутой ей становилось все труднее. Вода была ледяная, мокрая одежда тянула ко дну.

Спустя пять минут к ее мучениям добавилось еще кое-что.

Сначала она услышала слабый писк, потом уловила краем глаза какое-то движение, затем ее щеки коснулось что-то мягкое...

«Крыса!» – догадалась Анна и завизжала. Животное пискнуло, заработало лапами, подгребая к берегу, и преспокойно выбралось на берег. Сев на толстую задницу, крыса посмотрела на Анну, пискнула и отряхнулась, окатив брызгами ее лицо.

– Брысь отсюда, – прошипела Анна. – Пошла вон.

Крыса даже не дрогнула. Посидев немного возле края колодца, она неторопливо потопала прочь, скрывшись в темноте.

Анна вздохнула с облегчением. Она старалась не думать о том, чем питалось в глухом подземелье чересчур разжиревшее животное.

Снова одна. Ей хотелось плакать. «Я больше не могу, – подумала девушка. – Я не выдержу. Лучше умереть. Все равно мне осталось недолго жить. Скоро руки окончательно онемеют, они и сейчас почти ничего не чувствуют».

Она не помнила, сколько времени прошло. У нее пропало всякое

желание сопротивляться. Пальцы, вцепившиеся в край ямы, свело судорогой, внизу разливалось гнилое болото.

Всей кожей она неожиданно ощутила, что в подвале присутствует кто-то еще. Клонов? От этой мысли она похолодела. Но почему он прячется?

– Эй, кто здесь? – громко крикнула она, набрав в легкие побольше воздуха. – Послушайте, я знаю, что вы здесь. Помогите мне. Я не могу так больше висеть.

Тишина.

– Ну же! Почему вы прячетесь? Вытащите меня, черт вас побери!

Темнота как будто шевельнулась справа от нее, из непроглядной мглы выступила смутная тень человека. Лица его Анна не могла различить. Снизу фигура казалась невероятно огромной. На какое-то мгновение она пожалела, что позвала на помощь. Кто знает, что у этого типа на уме? Вот возьмет сейчас и утопит ее.

«А как он вообще сюда попал?» – неожиданно подумала она и похолодела. Дверь в подвал была заперта, она это знала наверняка. Она не слышала, чтобы кто-то пытался открыть ее, и все-таки этот человек стоял прямо перед ней и разглядывал ее с высоты своего роста.

«Какого черта? – обозлилась она. – Хуже все равно уже не будет».

– Вы собираетесь меня вытаскивать или будете смотреть, как я утону? – требовательно спросила она. – Если второе, то придется подождать. Минут на пятнадцать меня еще хватит.

Человек наклонился, правда, как-то странно, будто надломился посередине, и протянул ей руку. Прямо перед носом Анна увидела уродливый обрубок вместо кисти и поняла, кто перед ней. Она начала читать заклинания, которые помогают призраку материализоваться.

– Хватайся, – глухо произнес зомби, значит, у нее получилось: призрак обрел тело.

Выбирать было не из чего, и Анна вцепилась в протянутую культю, как клещ.

Колобейчик, который обрел плоть, резко рванул ее на себя и выдернул из колодца одним движением, точно морковку из грядки.

Анна успела только ойкнуть, описав в воздухе дугу, и почувствовала под ногами твердую опору. Разжав пальцы, она немедленно плюхнулась на землю – онемевшие в воде ноги ее не держали. Колобейчик стоял над ней неподвижно, точно застывшее изваяние.

– Что я должен сделать? – спросил он. Анна по-прежнему не видела в темноте его лица, и этот нечеловеческий голос из ниоткуда пугал ее. Тем не менее она набралась смелости и спросила, отчаянно стуча зубами от холода

и страха:

– В к-каком с-смысле?

– Что я должен сделать?

– Да ч-что хочешь, т-то и делай! – рявкнула Анна. – Я-то откуда знаю, что ты должен сделать?

– Что я должен сделать? – повторил монстр, точно его заклинило на этой фразе.

Анна задумалась. Чего он к ней пристал? Она шевельнулась и ощутила за пазухой скользкое прикосновение. Вот оно что! У нее же его руки, и он спрашивает, что должен сделать, чтобы получить их обратно! Она теперь вроде его хозяйка...

– Что я должен сделать? – продолжал подвывать мертвец.

– Уничтожь Клонова, – сказала Анна первое, что пришло в голову.

– Не могу, – последовал категоричный ответ.

– Вот те раз. А чего тогда спрашивал? – обиделась Аня. – Почему не можешь? Вы же оба вроде как умерли. Прикончи его и получишь свои драгоценные конечности обратно.

– Не могу. Он сильнее.

Анна вздохнула. Что ж, выходит от этого красавца ей помощи не дожидаться. Придется вернуть ему руки и спастись самой. Хотя теперь ей, похоже, и в самом деле крышка.

Испытывая горькое разочарование, Анна сунула руку за пазуху, нашарила скользкие обрубки плоти и протянула несчастному.

– На, держи, – сказала она. – Пусть хоть кому-то станет хорошо.

Колобейчик протянул к кистям дрожащие обрубки, и на глазах изумленной Анны они мгновенно срослись, превратившись в одно целое. Громкий вздох облегчения разнесся под сводами подземелья. Мертвец пошевелил пальцами, урча, как довольное животное.

На всякий случай Анна отползла подальше, не зная, как поведет себя освобожденный, и наблюдала за ним, готовая в любую минуту броситься наутек.

Она ожидала, что, получив желаемое, зомби сразу же исчезнет, если, конечно, ему не придет в голову разделаться со своей невольной освободительницей, но он продолжал стоять на месте.

– Чего встал. Ты свободен, – буркнула девушка. – Теперь мы квиты: ты вытащил меня из лужи, я вернула тебе то, что ты искал.

– Спасибо, – промолвил Колобейчик. – Я должен отблагодарить тебя.

– Так говорю же – мы квиты. Иди себе с богом. А то сейчас явится этот урод по мою душу.

– Он убьет тебя.

– А то я не знаю, – огрызнулась Анна. – Спасибо, что просветил.

– Я не хочу, чтобы ты погибла.

– Можно подумать, что я только об этом и мечтаю. Сгинь, а? И так тошно.

– Если колдун ослабеет, я смогу одолеть его, – неожиданно заявил Колобейчик. Он не собирался убираться, видимо, общество Анны пришлось ему по душе.

Она собралась было ответить ему какой-нибудь резкостью, но неожиданно прикусила язык. А ведь он верно сказал: Клонова нужно попытаться ослабить, и тогда они вдвоем смогут одолеть его. Но так ли это? Можно ли вообще убить то, чего нет?

Может, и нельзя, но стоит попробовать.

Глава 31

Анна принялась перебирать в уме все свои знания. Как можно уничтожить сильного колдуна, сосредоточившего в себе воплощение зла? Она знала множество заклинаний, позволяющих заставить духов повиноваться. Но все они не годились. Клонов не дух, он олицетворение дьявола, продавший нечистому душу чернокнижник.

Одно за другим отметала она заклинания. Все это не то. Но что-то должно быть. Надо только вспомнить.

И она вспомнила. Давно забытое, слышанное много лет назад от случайно встретившейся ей старушки заклинание. Старушка эта славилась тем, что могла изгнать из дома поселившееся в нем зло в рекордно короткие сроки. Почувствовав в Ане дар, она почти насильно заставила ее записать этот обряд. Анна только мельком взглянула на записи и засунула их в свой архив. Она даже не пыталась запомнить текст, тем более не заучивала его наизусть, и вот теперь перед ее глазами неожиданно встали нужные строки.

Анна вскочила и беспокойно завертела головой вокруг. Ей требовался металлический круг или хотя бы кусок проволоки. Ее единственный источник света больше не действовал. Зажигалка вымокла в воде, и бесполезно было даже пытаться ею воспользоваться.

Бросившись к стеллажам, Анна начала быстро перебирать лежащие там предметы. Проволока должна находиться среди колдовских атрибутов. Это нужная вещь в магии. Вот только успеет ли она найти ее до того, как монстр вернется?

От неловких беспорядочных движений на пол сыпались разнообразные предметы. Один раз она смахнула рукой большой стеклянный сосуд с каким-то препаратом, банка разлетелась вдребезги, осколок стекла, распоров брючину, оцарапал ей ногу, но девушка даже не вскрикнула.

Наконец ее пальцы нащупали моток проволоки, лежащий в самой глубине одной из полок. Она издала радостный вопль и метнулась к тому месту, где обычно появлялся Клонов.

Нашарив на полу какую-то щепку, Анна принялась чертить на земле пентаграмму, заполняя ее изнутри понятными ей одной закорючками.

Когда с этим было покончено, она схватила проволоку и соорудила из нее некое подобие круга, огибающего пентаграмму.

– Все, – выдохнула она, оборачиваясь в ту сторону, где, по ее мнению, стоял Колобейчик. За все время, пока она готовила ловушку, он не произнес ни слова, ничем не выдал своего присутствия, но она знала, что он все еще здесь. Если он обещал помочь, то сдержит слово.

– Теперь остается только ждать, – прошептала она. – Если я все сделала правильно, он не сможет выбраться из этого кольца, не теряя при этом силы. А потом – будь что будет.

Ждать пришлось довольно долго. По какой-то причине Клонов не спешил нанести очередной визит. Анна с испугом подумала, что он догадался о расставленной ловушке и теперь появится в другом месте.

Но боялась она напрасно. Выродок возник точно там, где она ожидала. Он материализовался внезапно и сразу понял, что попал в капкан. Едва увидев его перекошенное злобой, сморщившееся лицо, Анна принялась шептать слова заклинания. Она говорила быстро, сама удивляясь, насколько безошибочно воспроизводит довольно трудный текст на старославянском языке, который видела несколько лет назад мельком. Но, видимо, она делала все правильно, так как монстр, визжа и изрыгая проклятия, метался в круге, точно окруженный прозрачной, но прочной стеной. Ни вырваться наружу, ни убраться прочь он не мог.

Анна твердила заклинание, не сводя глаз с пентаграммы, в полный голос, но практически не слышала себя, заглушаемая воплями чудовища.

Клонов постоянно менялся внешне. Он уже не напоминал человека. Его облик потерял стабильность, и Анна видела перед собой то громадную ящерицу, то дракона, то вообще какое-то рогатое, неведомое существо, оглушительно щелкающее челюстями в нескольких сантиметрах от ее носа.

– Ах ты дрянь! Проклятая сука! – неслось из круга. – Выпусти меня немедленно!!! На что ты надеешься? Думаешь, сможешь со мной справиться? – Чудовище захохотало. – Я все равно доберусь до тебя и разорву в клочья. А потом буду медленно пить твою кровь. Ты слышишь меня, грязная девка?

Анна слышала. Еще бы нет, если он орал так, что закладывало уши. Но она не отвечала, вновь и вновь повторяя магические слова.

Чудовище слабело. Оно вновь превратилось в Клонова. Но и круг постепенно терял силу. Когда монстр колотил по нему кулаками, прозрачная стена колебалась, точно вокруг него натянули резиновый шарик. Она все еще была способна выдерживать атаку, но девушка понимала, что еще немного – и защита лопнет. Чудовище вырвется на свободу.

Так оно и случилось. С отчаянным ревом Клонов вылетел из круга и

бросился на Анну. Еще немного – и его пальцы сомкнулись бы вокруг ее горла, но неожиданно, точно из-под земли, между ними вырос Колобейчик и заслонил девушку собой.

Вначале ему удалось отшвырнуть ослабевшего Клонова. Дрыгнув в воздухе короткими ножками, коротышка отлетел в сторону и шлепнулся о землю, как спелый арбуз. Вскочив на четвереньки, он оскалился и плюнул в сторону Колобейчика. Но вместо слюны из его разинутой пасти вылетел клубок огня, который врезался мертвецу в грудь и прожег огромную дыру, сквозь которую Анна увидела торжествующую рожу Клонова.

Колобейчик упал на колени, а монстр бросился на Анну, шипя, как клубок гадюк, в который ткнули палкой. Анна успела подхватить попавший под руку кусок доски и, размахнувшись, ткнула ему прямо в грудь, но монстр не обратил на это никакого внимания. Он вытянул руку, целясь в глаза Анне, она загородилась локтем, и удар пришелся в плечо. Анне показалось, что в нее угодил кирпич, обмотанный колючей проволокой с проведенным внутри током. Ее отбросило в сторону. Она почувствовала, как по руке потекла теплая струйка крови.

Колобейчик успел оправиться от раны. Она затянулась, и он бросился в атаку на своего заклятого врага. Клонов напряжился и, подпустив противника поближе, подпрыгнул и впился ему в горло скрюченными пальцами.

Анна с ужасом следила за происходящим. Сначала она еще надеялась, что Колобейчик одолеет тщедушного Клонова, но теперь она четко осознала: если не помочь ему, то Клонов победит его.

Понимая, что совершает величайшую в своей жизни глупость, Анна бросилась на монстра, надеясь его одолеть.

Но Клонов как будто и не заметил ее. Просто взмахнул свободной рукой, как будто отмахиваясь от назойливой мухи, и Анна отлетела в сторону, врезавшись спиной в стеллажи. Сооружение затрещало и рухнуло на нее, засыпав с головы до ног щепками и слежавшейся пылью.

Анна трясла головой и терла руками глаза, в которые забились пыль и грязь. Когда она вновь смогла видеть, то с отчаянием обнаружила, что Клонов висел на Колобейчике как гигантский клещ, впиваясь ногтями в его глаза.

Неожиданно девушка уловила сильный запах, показавшийся ей знакомым. Формалин! Она расколотила банки с препаратами, когда обрушила стеллаж.

Ее внезапно осенило. Она внимательно осмотрелась, моля бога, чтобы хоть один сосуд уцелел. И она его обнаружила: среди обломков

поблескивал гладкий бок какой-то банки. С радостным воплем Анна выдернула банку из кучи мусора и, крепко сжимая ее в руках, бросилась к дерущимся. Изловчившись, она обрушила сосуд прямо на голову монстра, который, издав оглушительный визг, моментально выпустил добычу.

Продолжая верещать, Клонов принялся раздирать себе ногтями лицо, обожженное едкой жидкостью.

Куски окровавленной плоти летели во все стороны, но даже когда сквозь ошметки плоти показались кости, монстр все еще был жив, хотя слабел с каждой секундой.

И вдруг, когда Анне уже казалось, что скоро все закончится, чудовище как-то сгорбилось, потом выгнуло спину. Послышался странный треск, как будто лопались кости. В нижней части спины стремительно вздулся нарост, похожий на фурункул. Он лопнул с громким хлопком, и из него стремительно развернулся мускулистый хвост, покрытый плотной чешуей. Ноги и руки также видоизменились. Раздувшееся как шар тело теперь опиралось на кривые когтистые лапы с мерзкими перепонками между пальцами.

– Мамочка! – выдохнула Анна.

Хлестнув хвостом по стене, чудовище развернулось всем телом на звук ее голоса, и изуродованное лицо уставилось на Анну провалами глаз. Кожа на нем натянулась, затем лопнула, и девушка увидела перед собой оскаленную морду, покрытую слизью.

Анна, точно загипнотизированная, впилась в нее глазами, понимая, что это конец.

В эту секунду она почувствовала, как что-то сильно жжет ее палец, и инстинктивно посмотрела вниз, на секунду оторвав взгляд от чудовищного существа. Ее кольцо, надетое на указательный палец, странно светилось. Анна удивленно поднесла руку к самому лицу и увидела, что зеленый камень ярко светится. Он превратился в какую-то густую жидкость, похожую на расплавленный металл, который медленно вращался по спирали.

Анна стащила кольцо с пальца и зажала его в кулаке, собрав все силы. Она чувствовала, как в ней самой поднимается огненный вихрь, словно тугая, теплая волна наполнила ее тело, сделав его легким и упругим.

Она больше не боялась подступающего чудовища, видя, как оно медленно разинуло пасть, обнажив блестящие острые зубы, с которых капала прозрачная слизь.

– Ты хотел получить колечко? – громко спросила она. – На, подавись!

И она швырнула перстень напрямик в разинутую пасть.

Чудовище оглушительно взревело, отпрыгнуло в сторону и закружилось на месте, как взбесившийся заводной волчок.

Но было поздно. Анна увидела, как жуткий монстр загорелся изнутри, огромное тело плавилось, словно сгорающая восковая свеча, превращаясь в бесформенную массу, растекающуюся по полу. Масса стремительно впитывалась в землю, булькая и пузырясь.

Наконец грозное чудовище превратилось в обыкновенную лужу, посреди которой возникло искаженное лицо Клонова.

Анна подошла поближе и услышала:

– Тебе не уйти! Все равно подохнешь!

– Только после тебя, – усмехнулась Анна и наступила сапогом прямо на ненавистную рожу.

Потом она наклонилась и выудила из липкой лужицы свой перстень, бережно вытерла его подолом рубашки и надела на палец.

– Благодарю тебя, – раздалось за спиной.

Анна обернулась. Посреди комнаты, в облаке голубоватого света, стоял незнакомый ей человек. Присмотревшись, она увидела, что он одет в старомодную одежду, и догадалась, что перед ней Колобейчик, точнее, его освобожденная душа.

– Спасибо, – еще раз произнес призрак.

– Да не за что, – смутившись, ответила девушка.

Призрак взмахнул рукой и исчез. Голубоватый свет погас.

– Эй, – вдруг опомнилась Анна, – погоди! Как же я выберусь из подвала? Вот зараза. Ну ничего себе благодарность: исчез и оставил меня тут помирать от голода.

Она услышала слабый скрип, доносящийся откуда-то сверху, и со всех ног бросилась на звук.

Дверь подвала оказалась распахнутой настежь. Девушка выскочила наружу и бежала, не останавливаясь, пока стены проклятого дома не скрылись с глаз.

Занимался рассвет. Боже мой, она провела в подвале всю ночь! Ей было холодно в мокрой одежде, она отчаянно устала и чувствовала, что у нее совершенно нет сил, чтобы добраться до дома.

Тихое ржание донеслось из-за кустов.

– Опал! – обрадованно крикнула Анна и в ту же минуту увидела благородное животное, неторопливо приближающееся к ней по дороге.

Подойдя ближе, Опал несколько раз фыркнул и затряс головой.

– Знаю, знаю, – рассмеялась Аня, беря его под уздцы, – воняет от меня, как от помойки, а может быть, и похуже. Но ты уж потерпи, солнышко.

Главное, что все наконец закончилось и я осталась жива. Теперь все будет хорошо, нет, просто замечательно!

Глава 32

– Где ты пропадала? Что случилось?

Герман сбежал по ступенькам во двор, едва заведя Анну верхом на Опале.

– Стой! Не подходи ближе! – крикнула она, предостерегающе подняв руку.

Герман застыл, безотчетно повинувшись властному голосу. На лице его застыло удивление, смешанное с тревогой.

– Что за шутки? Почему я не могу подойти? – обиженно спросил он. – Где тебя носило и почему ты в таком виде? Ты грязная, как извалявшаяся в луже свинья!

Порыв ветра, очевидно, донес до него незабываемый букет ароматов, которыми благоухала Анна. Герман осторожно принюхался и присвистнул.

– Слушай, от тебя воняет, как из общественного клозета! – воскликнул он.

– Я же говорила: не приближайся, – напомнила Анна, спрыгивая на землю. Потом озадаченно нахмурилась и спросила жалобно:

– Что, даже на таком расстоянии чувствуется?

– Спрашиваешь! Пахнет от тебя будь здоров. И вид соответствующий. Слушай, объясни, наконец, где тебя носило! Я несколько часов караулю у двери. Хотел поискать, да не знал, куда ты отправилась.

– Мне бы помыться, а потом я все тебе расскажу. Хорошо?

– Как хочешь. И долго тебя ждать? Вдруг ты опять убежишь?

– Все кончено, – серьезно ответила Анна. – Больше бегать не придется.

Оставив жеребца во дворе и попросив Германа отвести его на конюшню, Анна направилась к дому, мечтая добраться до чистой горячей воды и мыла.

– Эй, послушай, – окликнул ее Герман, когда она уже взялась за ручку двери, – там тебе вчера вечером подарок принесли. Он в твоей комнате.

– Подарок? – удивленно приподняла брови Анна. – От кого?

– Вот уж это тебе лучше знать. Когда только успела обзавестись таким богатым поклонником? – хмыкнул Герман.

Анна отмахнулась. Ей сейчас было не до загадок. Мыться! И немедленно!

Посреди комнаты действительно стояла большая коробка, похожая на огромный пенал. Анна удивилась, пытаясь сообразить: что можно засунуть

в такую объемную тару? Она даже обошла коробку кругом, надеясь обнаружить адрес отправителя, но на коричневом картоне значилось только ее собственное имя, написанное крупными печатными буквами.

Решив, что разберется с этим позже, Анна отправилась в ванную и включила воду. Сорвав с себя вонючую одежду, она запихнула ее поглубже в полиэтиленовый пакет и для верности завязала его крепким узлом. Потом встала под душ и почувствовала себя на вершине блаженства, ощущая, как теплые тугие струи смывают с нее вместе с грязью весь ужас недавно пережитого.

Скоро она будет дома и навсегда забудет этот кошмар. Быстрее бы.

Она в пятый или шестой раз намыливала тело ароматной пеной, когда ей показалось, что из комнаты донесся какой-то звук. Она прислушалась, но сквозь шум льющейся воды так и не смогла понять – послышалось ей или и в самом деле по спальне кто-то ходит.

«Наверное, Герман», – подумала она. Не хватило терпения дождаться, пока она сама спустится в гостиную.

Она смыла пену и тщательно обнюхала по очереди обе руки. Неприятный запах бесследно исчез, кожа порозовела.

Удовлетворенная результатом, Анна с наслаждением растерлась полотенцем и закуталась в белоснежный банный халат.

Приоткрыв дверь ванной, она окликнула:

– Герман, ты здесь?

Ответа не последовало. Пожав плечами, она прошлепала в комнату. Ее взгляд упал на то место, где стояла упакованная посылка, и она замерла, пораженная.

Аккуратная упаковка была разодрана в клочья, как будто кто-то в ярости кромсал ее. Обрывки оберточной бумаги и картона валялись по всей комнате.

Сердце девушки тревожно забилось от неприятного предчувствия. Не решаясь подойти поближе к остаткам коробки, по-прежнему возвышавшейся в центре комнаты, она бросилась к двери, собираясь позвать на помощь Германа.

Она отчаянно рванула на себя ручку и вдруг поняла, что дверь комнаты заперта, а ключ куда-то исчез.

Анна в панике оглянулась. Ей показалось, что позади метнулась какая-то тень.

– Кто здесь? – окликнула она, но никто не отозвался.

Но в комнате кто-то был. Она это чувствовала.

Оглядевшись, Анна схватила с тумбочки увесистую декоративную вазу

и, крепко зажав узкое горлышко в кулаке, медленно двинулась вперед.

Она заставила себя подойти к коробке и осторожно заглянула внутрь. Она ожидала, что таинственный посетитель прячется там, но внутри никого не было. Там, тщательно закрепленная с помощью пенопласта, стояла... картина.

Это была очень странная картина, как будто незаконченная. Тщательно прорисованные детали интерьера сиротливо жались по краям. Середина же, заполненная серо-голубым фоном, оказалась пустой. Здесь явно чего-то не хватало, чтобы композиция выглядела законченной. Чего-то главного, и внезапно Анна поняла, чего именно...

Она похолодела от своей невероятной догадки. Она узнала изображенную на картине обстановку. Это была ее комната. Не та, где она стояла сейчас, зажав в потном кулаке тяжелую вазу, а комната у нее дома. И Анна вспомнила, что именно такая фотография была сделана в прошлом году, на Новый год. Вот здесь, в центре, на фотографии стояла она сама в красивом вечернем платье, о котором мечтала целый год. Но как она попала в руки художника, написавшего картину, и где же ее собственный портрет?

Анна не желала верить тому, что услужливо подсказывало ее сознание. Нет. Клонов мертв и не может больше вытворять свои фокусы. Это какая-то ошибка.

Шорох за спиной отозвался в ее мозгу как оглушительный взрыв. Дрожь прокатилась горячей волной по всему ее телу. Шорох повторился. И это было не в ее воображении. За спиной и в самом деле кто-то был.

Медленно, как во сне, Анна обернулась. То, что она увидела, так же мало напоминало реальность, как мало напоминает ее ночной кошмар. Ане показалось, что она смотрится в зеркало. Но никакого зеркала перед ней не было. Кроме того, она сама была одета в банный халат, а ее двойник, стоящий напротив, в то самое новогоднее вечернее платье.

Не издав ни звука, Анна номер два, точно разъяренная кошка, стремительно бросилась на настоящую Анну, сшибла ее с ног и, усевшись верхом, впиалась ногтями в горло.

Хрипя и задыхаясь, девушка безуспешно пыталась сбросить с себя убийцу. Ей казалось, что она сходит с ума. Прямо перед собой она видела свое собственное лицо, которое тысячи раз видела в зеркале, только искаженное дикой злобой, с судорожно искривленным ртом и горящими ненавистью глазами.

Извиваясь как змея, Анна все же вырвалась из смертельных объятий и, лягнув двойника в живот, отбросила его от себя. Оказавшись на свободе, девушка, вдыхая воздух широко раскрытым ртом, попыталась подняться на

ноги.

Анна номер два, собравшись, как туго свернутая пружина, уже готовилась к новому прыжку.

Отдышавшись, Аня вдруг обнаружила, что все еще сжимает в руке злополучную вазу, и в тот момент, когда двойник ринулся на нее, швырнула в него тяжелый предмет.

Ваза угодила тому в плечо и разлетелась на сотню осколков, один из них оставил глубокий порез на шее двойника.

Двойник шутить не собирался, не обращая внимания на хлещущую из раны кровь, он с маниакальным упорством пытался добраться до жертвы. Анна, увернувшись от растопыренных когтей, отчаянно визжа, нырнула под кровать. Двойник последовал за ней, но девушка уже выскочила с другой стороны и бросилась в ванную.

Захлопнув дверь, она привалилась к ней, сдерживая сильные удары снаружи. Двойник, несмотря на полное внешнее сходство, был гораздо сильнее, и Ане с трудом удалось задвинуть шпингалет.

Глухие удары градом сыпались с той стороны. Двойник пытался выломать дверь, бросаясь на нее всем телом.

Анна понимала, что попала в ловушку. Ей больше некуда бежать. Ванная была большая, но, если двойник ворвется сюда, Ане уже не выскочить. Дверь трещала под ударами, норовя выскочить из петель. Еще немного – и двойник окажется в ванной.

Анна затравленно огляделась в поисках хоть какого-нибудь оружия. Полубезумный взгляд выхватил на ослепительно белом фоне темное пятно. Анна узнала свою собственную сумочку, которую притащила сюда накануне, чтобы подкрасить ногти перед походом в кафе.

У нее возникла идея. Она схватила сумку и вывалила ее содержимое прямо на кафельный пол.

Вот оно. Новомодное средство для снятия лака Маргарет Астор. Растворитель. Покупая эту довольно большую бутылочку, Анна сетовала, что придется таскать с собой такую тяжесть. Сейчас она благодарила бога за то, что не купила в тот раз другое средство.

Удары не прекращались. Одна доска треснула, и в образовавшуюся щель на Анну глянул горящий глаз.

Отвинтив пробку с бутылочки, Анна ухватила со стеклянной полочки стакан для полоскания рта и принялась вытряхивать в него растворитель.

– Анна! Что случилось? Почему ты заперлась? – донеслось откуда-то издалека.

Двойник за дверью затих.

– Ломай эту чертову дверь! – проорала в наступившей тишине Анна.

Двойник по-прежнему не подавал признаков жизни. Аня напряженно смотрела на дверь и вдруг увидела, как по покореженной белой поверхности стекает нечеткое изображение. Через секунду ее двойник ввалился в ванную, просочившись в образовавшуюся щель.

Мерзко ухмыляясь, он растопырил руки, как будто предлагая поиграть в салочки, и шагнул к девушке.

Анна плеснула в него из стакана. Она целила в лицо, но двойник дернул головой, и вся жидкость вылилась ему на шею.

Двойник дико взвыл, хватаясь руками за шею, но растворитель с шипением стремительно разъедал его тело, и Анна с содроганием увидела, как голова отделилась от шеи и шлепнулась на пол, жутко вращая глазами.

Оттолкнув беспорядочно размахивающее руками безголовое тело с дороги, Анна открыла дверь и выбежала в комнату.

Герман почему-то ничего не предпринимал для ее освобождения.

Анна, забившись в самый дальний угол, следила за дверью в ванную, ожидая, что произойдет.

Она не ошиблась, думая, что двойник может двигаться и без головы. Он появился на пороге, шаря в воздухе руками. Он не мог ее видеть и двигался наугад.

Интересно, слышит ли он ее? Анна подобрала с пола упавшую лампу и швырнула ее в противоположный конец комнаты. Раздался звук бьющегося стекла, и безголовое тело мгновенно отреагировало, бросившись в ту сторону.

Анна понимала, что он в конце концов настигнет ее. Она боялась даже пошевелиться. Он тут же обнаружит ее. Она притаилась как мышка, стараясь не дышать и следя, как существо методично обшаривает комнату, неуклонно приближаясь к большой коробке, за которой она пряталась.

Еще несколько шагов, и двойник вычислит ее. Что же делать? Она упустила момент и теперь оказалась отрезанной от другой части комнаты.

От отчаяния она решилась на невероятное. Двойник вышел из картины. Именно в ней источник его жизни...

Анна поднялась на ноги, встала напротив полотна, вытянула вперед руку с перстнем и, крепко зажмурившись, сделала шаг вперед...

Ей показалось, что она погрузилась в вязкую, холодную воду, которая быстро густела, охватывая ее тело, сковывая его, лишая возможности двигаться.

Анна поняла, что превращается в картину. Она испытывала странное ощущение: она увидела, что происходит в комнате, все слышала, но

совершенно не могла двигаться.

Как только девушка оказалась внутри картины, ее двойник замер, а потом издал оглушительный вой, судорожно дергая конечностями. Тело вспыхнуло, распространяя вокруг удушливый запах горелой краски. Через несколько секунд на месте двойника осталась только кучка пепла и большая прожженная дыра на ковре.

Все было кончено. Она избавилась от страшного врага. Но... она по-прежнему не могла пошевелиться.

Ане снова стало жутко. Неужели она так и останется «живой» картиной? Ничего себе перспектива! «Знала бы, оделась бы во что-то более соответствующее, – с горькой иронией подумала она. – Теперь так и останусь навечно в банном халате».

Она услышала, как поворачивается в замке ключ, а потом увидела Германа, входящего в спальню. Тревога на его лице сменилась изумлением, когда он почувствовал запах гари и увидел дырку на ковре.

– Анна, ты здесь? – позвал он. – Где ты прячешься? Ты что, решила поджечь дом?

Он огляделся. Не обнаружив девушку в комнате, он прошел в ванную, и она услышала оттуда его возмущенный голос:

– А ну вылезай, поджигательница! Что ты натворила?

Он казался рассерженным, когда снова появился на пороге ванной комнаты. Еще бы. На стерильном кафельном полу наверняка осталось горелое пятно в том месте, где лежала голова двойника.

Анна усмехнулась бы, видя его сведенные к переносице брови, если бы могла.

Герман подошел к портрету и остановился прямо напротив, брезгливо разглядывая полотно.

– Ну и мерзость, – пробормотал он. – И кому только пришло в голову подарить ей подобную гадость!

Анна, оскорбленная до глубины души, собралась вlepить ему пощечину, позабыв о своем положении, и неожиданно почувствовала, что тело ее слушается.

Когда Герман увидел, что портрет на его глазах ожил и Анна пытается выбраться наружу, у него отвалилась челюсть, а глаза стали круглыми, как пятикопеечные монеты.

Выбравшись из рамы и деловито отцепив от себя липкие нити, тянущиеся от картины, Анна повернулась к ошарашенному парню, уперла руки в бока и буркнула:

– Спасибо тебе, дорогой, за лестные отзывы о моей внешности.

Глаза Германа закатились, и он грохнулся на пол в глубоком обмороке.

Эпилог

Погода окончательно испортилась. Дождь теперь лил, не переставая. С мрачным видом Герман стоял на перроне, держа над головой Анны большой черный зонт.

– Может быть, ты все-таки передумаешь и останешься? – с тоской в голосе спросил он.

– Нет, – девушка с улыбкой покачала головой. – Мне надо домой.

– Ну что тебя там ждет? Занудная работа и капризные клиенты?

– Работа не занудная, клиенты бывают очень симпатичные, – терпеливо объяснила она. – А кроме того, меня ждет Каспер, мой кот.

– Это что же получается, какой-то кот лучше живого человека? – обиженно буркнул Герман.

– И вовсе нет. Просто я не могу остаться.

Он немного помолчал, а потом решительно заявил:

– Слушай, я теперь очень богат. Неужели тебе не хочется прожить жизнь без забот, имея все, что пожелаешь?

– Но это же так скучно! Весь день валяться на диване и мучиться от безделья! – рассмеялась Анна.

– Ну, скучать, положим, я бы тебе не дал. Я изменился, Аня. Впервые в жизни я понял, что есть человек, который... которого...

Анна мягким движением дотронулась пальцами до его губ и с печальной улыбкой покачала головой.

– Не надо.

Герман опустил голову. Капли дождя, похожие на слезы, струились по его щекам. Но он не плакал. Он поднял глаза, пристально посмотрел на девушку и спросил севшим от волнения голосом:

– Но, может быть, ты все же вернешься? Когда-нибудь?

– Не когда-нибудь, а очень скоро. И береги Опала. Я обязательно проверю, хорошо ли за ним ухаживают!

Она снова рассмеялась, поднялась на цыпочки и звонко чмокнула Германа в щеку.

Легко взбежав по ступенькам, Анна поднялась в вагон, обернулась и помахала рукой.

Поезд тронулся.

Герман провожал глазами удаляющийся вагон, на щеке его остался ярко-алый след поцелуя.

А может быть, иногда не так уж плохо, если помада оставляет следы?